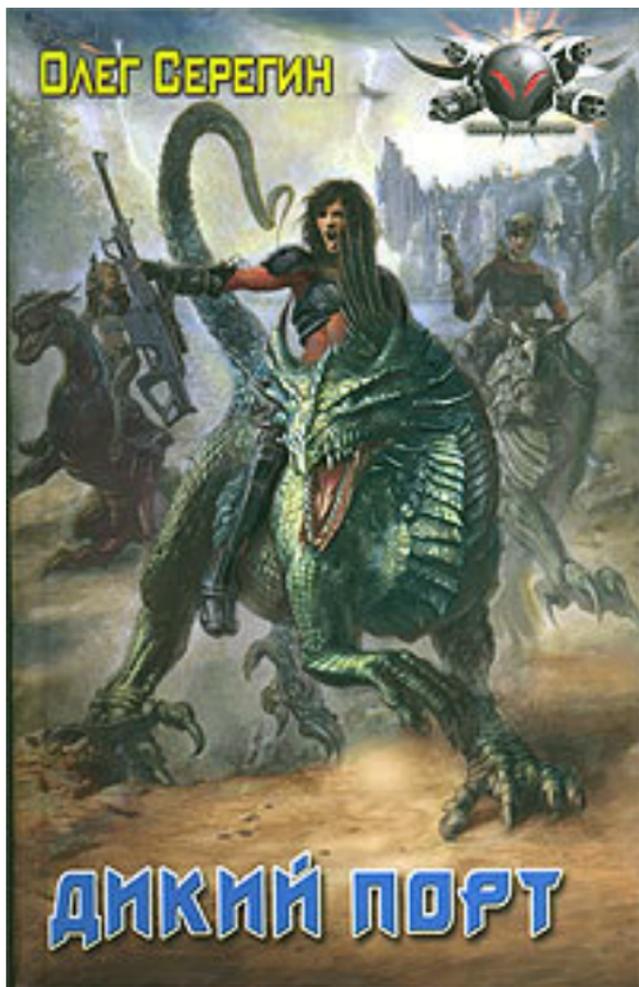

ОЛЕГ СЕРЕГИН

ДИКИЙ ПОРТ

Олег Серегин

Дикий Порт

Серия «Доминирующая раса», книга 2

Вычитка – KLex

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159887

Дикий Порт: Лениздат; «Ленинград»; СПб.; 2007

ISBN 5-289-02520-0

Аннотация

Двадцать лет прошло после окончания Второй Космической. События Первой, Великой войны, успели стать историей. Давно уже люди – доминирующая раса Галактики. Даже на независимой планете Дикий Порт, прибежище космических пиратов, второй раз подряд Начальником Порта становится человек.

Но время мира подходит к концу. Колонии больше не хотят признавать власть Древней Земли. Ареоалу человечества грозит распад и междоусобная война.

Это страшно.

Но то, что происходит в действительности, – еще страшнее.

Содержание

Глава первая. Заклятие крейсера	4
Глава вторая. Райские птицы	51
Глава третья. Дикий Порт	95
Глава четвертая. Заклятие крейсера	145
Глава пятая. Райские птицы	166
Конец ознакомительного фрагмента.	195

Олег Серегин

Дикий Порт

Екатерине Ерёменко

Глава первая. Заклятие крейсера

По руинам бежала собака.

Холод шел из черных щелей, холод и все запахи холода. С неба свет, и тепло, и смерть. Собака чихала, когда кислота и гарь били особенно резко. Спотыкалась, поджимала левую заднюю, встряхивала ушами, неуклюжая по-щенячьи: не волчья сестра овчарка, не огромный дог или мастино – толстый, веселый, балованный английский коккер. Черная тина покрывала ее от ушей до купированного хвоста, уже подсохшая, но все еще липкая. Цементная крошка въедалась меж пальцев. Бежать было неловко.

Но очень нужно.

С неба свет, и тепло, и смерть.

Душноватые, тянущие, как поводок, запахи остановили ее. Собака всю жизнь прожила в доме, обоняние у нее было наполовину отбито, и она привыкла во многом полагаться на зрение и слух. Сейчас не шумели машины и люди, один только лес вдали, и видно было совсем не то, что раньше.

Приходилось спрашивать нос: нос отвечал, что она пришла на место.

Пусто, никого. А с неба свет.

Собака задрала морду.

Четыре луны светили – мелкие, вроде теннисных мячиков. Мимо них, быстро затухая, неслась вверх одинокая искра.

Вдруг напал чих. Порыв ветра принес кисло-горький кусок запаха, острый, как сломанная ветка под лапой. Но вместе с ним шел и другой, нежный, тающий... Собака встряхнулась, гавкнула пару раз, поскребла землю.

Она. Хозяйка. Миска, щетка, сладкая голая рука. Тепло. И с неба тепло.

Пробраться в щель оказалось непросто. Мешали раскормленные бока-подушки. Собака едва не застряла, но все же вырвалась, ободравшись, злая и кричащая от боли. Милый запах стал сильнее, в нем слышалось теперь другое, будто повернутое вкось, но собака не умела этого понимать. Она была очень домашней.

Она попыталась лизнуть руку хозяйки, но наткнулась на кость и мясо. Такая кормежка выпадала нечасто, несмотря на всю хозяйкину доброту и щедрость. Жадный рык поднялся внутри. Давний голод разом обжег желудок и подкатил к горлу. Здесь было совсем темно, но все равно хотелось оттащить мясо в сторону, чтобы никто не отнял. Только поняв, что мясо очень большое, и с места его не сдвинуть, со-

бака легла, урча, и начала грызть. От сытости ей стало тепло, страх истаял, и короткая память очистилась. Больше не было страшного, от которого она, не выдержав, побежала в липкое черное болото за край поселка. Собака не видела самого страшного, но были грохот, и паника, и яркие вспышки, а потом появился запах. Вкусный, вязкий, жаркий, он и сейчас оставался кое-где, не торопясь уходить. Собака зафыркала, уловив его, уже исчезающий.

И запахи людей исчезали тоже. Но было мясо.

Если бы собака умела думать, то подумала бы, что ее тошнит.

От страха.

С неба свет, и тепло, и смерть.

В небо все люди.

Бросив свой кусок, собака вылезла наружу. Небо на востоке светлело, одна из лун уже пропала за горизонтом. В серой заре поднимались тонкие нити дыма – что-то горело, и оттуда пахло кислым. Еще пахло лесом, чужим лесом, в котором не было и не могло быть волков.

От черной тины все чесалось. Люди ушли, все люди, которые были. До последнего. Больше нет.

Собака села. Понюхала воздух.

Завыла.

В ходовой рубке ракетноносца, выполняющего тактическую задачу, по уставу не положено находиться посторон-

ним. Исключения не предусмотрены.

Первый пилот молчал. На мониторе перед ним вместо звездной карты или хотя бы заставки с галактиками и туманностями восседал в лотосе длинноухий идам. Монитор имитировал гигантский овальный иллюминатор, и оттого казалось, что идам снаружи, из космоса, заглядывает в рубку. Это могло бы наводить на мысли, но в рысьих пилотских глазах стояло лишь отражение божества и ничего более.

Первый был буддист и нарушения устава переносил стоически. Зато второй пилот ненавидел морковку. Сопя злобно, он ерзал в кресле, вцепившись в сальные подлокотники. Надежды, что визитер удалится тихо, почти не оставалось. Встретаться с ним глазами было опасно, но не коситься украдкой через плечо второй не мог. Нервы. Свербела мысль, что даже капитан, будь он в рубке, не решился бы связываться с чудовищным гостем.

Нарушитель устава мучения второго пилота игнорировал и с таким вкусом хрупал своей чертовой морковкой, что выносить это становилось совершенно невозможно. Даже первый, явно пытавшийся замедитировать, периодически вздрагивал и с укоризной косился на идама, не выполнявшего своих прямых обязанностей.

Идаму, впрочем, было без разницы.

Второй не вынес.

– Что ты все морковь жрешь?! – заорал он, развернувшись вместе с креслом так резко, что едва не описал полного кру-

га. – Ты что, заяц?!

– Да, – флегматично ответил нарушитель и посмотрел сначала на початый корнеплод, а потом на пилота. – Я заяц-убийца.

Первый вздохнул. Если Лакки Джек хочет быть боевым зайцем, он им будет. Это все знают. Возражать Лакки – как пытаться раскрутить колесо сансары в обратную сторону: толку-то?

То ли второй вывел Джека из равновесия, то ли Джеку надоело стоять и смотреть. На какой-то неприятный миг второму показалось, что сейчас Лакки усядется в капитанское кресло, но кощунства не случилось.

Вышло хуже.

Джек прошел к центральному монитору и хозяйственно пощупал предмет, свисавший перед тем с потолка.

Первый пилот сморгнул и выключил идама.

Второй пилот задумался, не засветить ли Лакки в морду: будучи с ним одного роста, но вдвое хлипче, он рисковал попасть в медотсек, причем не своим ходом, и все-таки...

– Это что за бублик? – тем временем продолжал Лакки.

– Не трожь! – по-гадючьи прошипел второй.

– Чего? – удивился Джек.

Повеяло нехорошим.

– Сержант, – мирно сказал, вставая, первый пилот, – не надо другому человеку трогать удачу. Ее тратит, понима-

ешь?

Джек поскреб небритость.

– У меня в детстве тоже такой был, – сообщил он, толкая большим пальцем игрушечный «Миллениум Фалкон». – Только побольше. С метр в поперечнике. И еще надувной Чубакка.

– А надувной Амидалы у тебя не было? – злобно спросил второй.

Лакки посмотрел на него, и второй печально заткнулся.

Серый пластмассовый кораблик слабо покачивался над головой сержанта.

– Патрик, – ласково сказал Джек, – не горюй. Не отъем я твою удачу. Он меня ей только польза прибудет – я знаешь какой удачливый? Я от таких скорбей живой остался, что черти в аду копыта съели с досады. Во!

И Лакки выпятил подбородок, предъявляя знаменитую художественную роспись – вражескими когтями по физию.

«Это его медаль», – подумалось Патрику.

Наград сержант не имел.

– А из офицеров тебя все равно разжаловали, – заметил первый пилот, поддерживая беседу в избранном Джеком тоне.

– А за общую аморальность, – с удовольствием сказал Лакки. – Я ею, может, горжусь!.. – но распространяться на этот счет не стал.

Издерганный Патрик прежде уже пытался подавать ра-

порт насчет бесчинств Лакки. Капитан выслушал его, установил тяжелый квадратный подбородок на сплетенных пальцах и сказал, что не примет. А когда пилот задохнулся от возмущения, скучным голосом объяснил.

После эвакуации Первой Терры лейтенанта Лэнгсона представляли к награде. Всех представили, кто уцелел из терранского гарнизона: немногих. Но Лакки хорошо знал, по чьей вине ему пришлось проявить героизм. И, к несчастью, этому уважаемому человеку случилось проходить мимо него по коридору.

Лейтенанта укатали быстро. Даже история о RHH-40/8-2, где Счастличик со своими парнями сумел захватить рритский корабль без помощи биологического оружия, скрутив врагу грандиозный кукиш, исчезла из сетевых архивов армейских журналов. Помнить-то ее помнили, но...

Патрик устало напомнил себе, что сержант Лэнгсон опасен не только для своих.

Оптимизма не внушило.

Первый пилот занимал стратегическую позицию в кресле вполоборота, следя за тем, чтобы маньяк Лакки не облапал еще раз священную посудину Хана Соло.

– Гады, сволочи, – сказал Лакки беззлобно. – Погоны сняли, а насчет резьбу с рыла убрать – на это, говорят, страховки нет.

– Не замечал, что б ты жаловался.

– Девки млеют. Видно же, что когтями приласкали... – и Лакки тепло улыбнулся чему-то своему, нутрянному. – Только бриться неудобно.

– А ты кремом. Депилятором.

– Что я, баба?

Первый отметил, что увлеченный беседой Лакки постепенно теряет интерес к драгоценной удаче, и, мысленно извинившись перед идамом, с головой окунулся в сансару.

– Любят тебя девки, а? – это вышло не слишком естественно, но Лакки сошло.

– Ага, – хмыкнул тот, оттаивая. – Где поймают, там и любят...

– А чего сюда пришел? Устава не нарушал давно?

– Ты это к чему? – двинул бровью Джек.

– А рыжая-то?

– Какая рыжая?

– Как какая? Венди.

Джек демонстративно сплюнул, жутковато поиграв шрамами на лице.

– Стер-рва. Ходит, сиськами светит...

– Не дала еще? – ядовито спросил Патрик.

– Щас я тебе дам, – щедро посулил Лакки. – В бубёл. С руки. И будешь ты у меня наместо надувной Амидалы. Рыжая там со своим животным милуется, а я к различной фауне, вот беда-то, равнодушен. И зоофилок тоже не очень уважаю.

– Ну ты это... не надо, – вклинился первый. – Она опера-

тор, ей положено.

– Зоофилить-то? Или над людьми измываться?

– За животным следить.

– А тебя как звать-то? – вдруг обнаружил Лакки провал в памяти. – Забыл. Ты ведь япошка у нас? От япошек все зло.

– Я не японец, – со сверхчеловеческим спокойствием ответил первый пилот. – Меня зовут Маунг Маунг Кхин.

– Ты меня что, тупым считаешь? – гавкнул Джек. – Чего повторяешь два раза?

– Не считаю. Имя такое.

Лакки хмыкнул и отгрыз кусок морковки. Первый пилот думал о том, как полезно уметь контролировать собственный пульс, и что техники существуют, но где же взять время, да и без наставника ничего не добьешься. Кажется, уже семнадцатый дубль: сержант забывает, как Маунга зовут, подозревает в нем ненавистного «япошку» и обдаёт шутливой агрессией. Утомило адски. Кхин искал утешения в мысли, что хотя бы серьезно настроенного Лакки ему видеть не доводилось.

Человек, способный сойтись с ритм в рукопашной и остаться в живых.

И даже в относительно целых.

Джек Лэнгсон по кличке Счастличик.

Не зли его.

Маунг подозревал, что на самом деле Счастличик так выражает свою симпатию. Лакки не хотел его смерти и да-

же как-то напился пьяным в компании своего закадычного дружка Крайса по кличке Крайс-воздвигнись, старшего офицера Морески и Кхина.

– Лакки, – тоскливо сказал Патрик; Маунг едва не прыкнул на него вслух: не к месту, не вовремя! – Ну Лакки, ну что ты шляешься-то сюда? Я понимаю, Венди достала уже. Ну сходил бы на кухню, к кэпу бы в гости сходил, на тренажеры бы сходил...

О’Доннелл допускал ужасный, гибельный промах. Он считал Лэнгсона тупым агрессивным психом и разговаривал с ним сообразно своим представлениям о психах. Он даже не понимал, что Маунг сделал бы такого типа на счет три, – но Джек был не просто умен, он был дьявольски умен.

И агрессивен.

Насчет психа у Кхина имелись сомнения.

Лакки не только знал много умных слов – он ими выражался. Длинными, художественно выстроенными фразами. Даже ругался он театрально и так замысловато, что порой сказанное не усваивалось с налету. Джеку нравился имидж психа и придурка, потому что вообще нравился чужой страх. Но если он понимал, что личина больше не внушает веры, и если его это не тревожило, то мог расслабиться и заговорить на нормальном для себя языке. То есть на трех языках сразу. Двумя из них были человеческий и матерный, но третий...

Джек Лэнгсон, отморозок и сквернослов, знал латынь.

– По морде тебе сходить могу, – предложил отморозок

и медленно моргнул. На иссеченной роже расплывалась чеширская улыбка. Светло-серые глаза, словно раскаленные добела, смотрели с бугристой маски двумя ножами.

«Драки хочет», – в тоске подумал Маунг и тут же понял, что ошибся. Если б Лэнгсон хотел размять мышцы, то сцепился бы со своими, такими же могучими и страшными космопехами. Уж нашел бы повод.

Сейчас Счастливчик хотел безнаказанно поиздеваться.

«Это Венди его достала», – решил первый пилот.

– Не надо, – сказал он буднично.

– Чего? – удивился Лакки.

– Ну вот побьешь ты Патрика, – предположил Маунг. – Ляжет он в медотсек. А у нас бой, насильственная стыковка. Упаси удача. И финал всем, Джек.

– Умный ты, Маунг, – сказал Лакки.

– Есть немного, – смиренно отвечал пилот.

Кхин читал выложенные в общий доступ отчеты военных ксенологов. Судя по ним, общение с пленными ррит во многом напоминало его попытки совладать с Лакки.

– Ну ладно, – сказал Джек. – Пойду, убью кого-нибудь.

На самом деле у него просто кончилась морковь.

Кхин проводил Лэнгсона взглядом. Когда двери за его спиной сошлись, Патрик издал тихий стон.

– Заткнись, – сквозь зубы велел Маунг.

– Удачу залапал, – почти всхлипнул Патрик. – Ну зачем, зачем мы его пустили?

– А как бы ты его не пустил? – хмуро спросил Кхин. – У него красный маркер.

Патрик беззвучно сплюнул.

Маунг вздохнул и отвернулся к мертвому монитору. Лучше не думать о возможных последствиях. В конце концов, из колеса сансары ему еще долго не вырваться. Это тело – лишь одно из многих.

Ракетоносный фрегат «Миннесота» покидал сектор KLJ-58/8. За кормой оставалась планета того же номера, единственная в секторе пригодная для жизни. Месяц стандартного времени назад там располагалась колония, по документам – с «большим потенциалом». До войны планета претендовала на звание Терры-4. Она и сейчас могла бы претендовать, – изобильная водой, с прекрасным климатом, – но вот потенциала не было, потому что колония кончилась.

Маунг Маунг Кхин, первый пилот, вернулся к созерцанию идама в окне-мониторе. Неожиданно для себя он задумался о погибшей удаче рейса, и было это очень неприятно. Кхин не чувствовал себя готовым к перерождению. Тогда он подумал о еще одной удаче, которой Авалокитешвара в своем невероятном милосердии осенил «Миннесоту», и немного успокоился. К последнему оружию нельзя обращаться попусту, по мелочи, но если перед кораблем и впрямь поднимется смерть, то ей противостоянет она. С тем Кхин закрыл глаза и обратился мыслями к «Сутре сердца».

Патрик О'Доннелл, второй пилот, по-прежнему мучился предчувствиями. Бесстрастный сосед окончательно ушел в себя. Маунга Патрик уважал так, как мало кого на свете, даже больше, чем капитана и маму, и если бы первый смиловился, сказал что-нибудь успокаивающее, так О'Доннелл и сам бы посмеялся над дурной приметой. Но Маунг молчал. Второй помялся в кресле, запустил вне расписания проверку доступной сканерам зоны и принял, наконец, решение: отправился жаловаться капитану.

Джек Лэнгсон, командир приписанного к «Миннесоте» взвода космопехотинцев, шагал по центральному коридору к жилым отсекам.

Капитан корабля, Ано Карреру, писал рапорт. Ему только предстояло услышать от второго пилота дурную новость, поэтому сейчас на сердце у него было легко. Все прошло спокойно, насколько может быть спокойной эвакуация вырезанной рритскими войсками колонии. Карреру остался бы безразличным к гибели всех на свете колоний: он не был плохим, бесчувственным человеком, но его волновало лишь то, что непосредственно принадлежало ему. Судно, экипаж, семья на Земле. Тем, кто попадал в категорию собственности, жилось как за каменной стеной – ради них капитан Карреру готов был расшибиться в прах.

Старший офицер Морески спал.

В медицинском отсеке стояло тихое жужжание: моющий

аппарат ездил по полу, разворачивался, тыкался в углы. Сама корабельная медичка вытирала пыль, сквозь баюкающий ровный звук следя за дыханием единственного пациента. Паренек лежал без движения, приоткрыв губы. Глядел в потолок. Стимвит-Х пришлось вводить внутривенно. Подходить к мальчику с иглой очень не хотелось, но он просто не в состоянии был ничего проглотить. Как будто отключился рефлекс.

Ничего особенного.

Шок.

Он посмотрелся особенного, этот Тери Уивинг. Должно быть, Тери: он не мог выговорить ни слова, не отвечал жёстками, и писать, когда ему дали планшет, тоже не стал. Пришлось проверить списки жителей колонии, они же теперь – списки погибших. Уивинг единственный подходил по возрасту.

Медичка подошла к раковине, сполоснула тряпку и вымыла руки. Скользнула взглядом по зеркалу, поправила волосы и с неудовольствием подумала, что левый глаз все еще заметно красный. Вспомнила, что еще можно закапать, но ни рецимина, ни ферона-Т в ее аптеке не хранилось. Все необходимое, ничего чудодейственного.

Смарт-пылесосик отъехал к себе на место и умолк. Медичка прошла в пустой лазарет, села на одну из коек, затянутую целлофаном. У нее была своя каюта, как у офицеров – сущий ящик рядом с рабочим местом, отгороженный листом

пластика, – но туда не хотелось. Тери Уивинг едва слышно дышал через рот. Женщина посмотрела на пальцы его правой, видимой руки: если только скомкал простыню, хотя бы взялся за нее... не было даже тремора.

Сквозь полуоткрытую дверь сладко-черешнево темнела гитара. Наклейки на передней деке, крепления под ленту, чтобы играть стоя; ласковый хозяйский взгляд замер на выгибе обечайки. Женщина облизала губы, точно сражаясь с соблазном. Вздрогнула, резко выдохнула. Отвернулась.

У нее были маленькие тонкопалые руки, похожие на двух паучков.

От входной двери раздалось покашливание. Оно пыталось казаться деликатным, но выходило непохоже.

Медичка встрепенулась.

– Да?

– Айфиджениа? – начали неуверенно. Не потому, что смущались, а потому, что казарменная глотка не приноровлялась сходу к стерильной тишине лазарета.

– Джек?

В ответ ввалился Лэнгсон. Его появление изменило структуру пространства: медотсек стал очень маленьким и очень тесным. Хозяйке он был по размеру, а гостю жал.

Айфиджениа улыбнулась.

– Привет, – сказали ей. Медичка машинально скользнула взглядом по келоидным рубцам на лице Джека и в очередной раз нелестно подумала про того, кто это шил. Разглядит

теперь, конечно, только хирург. Могли и не уродовать так человека... Щетина у Лэнгсона росла в разные стороны, как дикая трава.

И впридачу – тик, подавленный чудовищным усилием воли. Айфиджениа подмечала профессиональным взглядом: левая бровь и скула, и, должно быть, уголок губ, растянутых в постоянной ухмылке.

– Я узнать зашел, – продолжал Джек. – Как она, работает? – Голос прозвучал гулко, как из бочки, потому что в этот момент Лэнгсон, скрючившись в три погибели, озирает заднюю стенку диагност-камеры и наполовину влез между ней и стеной.

– Вроде, да.

– Эти драные разъемы как на две недели делают, суки, – во всеуслышание объявил Джек, что-то с хрустом дергая, – топчи их конем... черт.

Он вылез из щели, сел на корточки и отряхнул руки.

Айфиджениа смотрела с укоризной, склонив набок птичью маленькую головку. Слишком большие глаза для такого узкого, кукольного лица. Слишком черные. Очень длинные брови. Тошная. Безгрудая. Некрасивая женщина.

– Извини, – спохватился Лэнгсон. – Забылся.

Та вздохнула.

– Спасибо, Джек. У меня все работает.

– Это у меня все работает, – ухмыльнулся Лэнгсон с долей облегчения. – Как увидит, так от страха сразу заработает.

Медичка засмеялась.

– А с тобой чего случилось? – спросил Джек грубовато, радуясь, что нашел предмет для разговора и можно забыть про оплошку.

Она удивленно моргнула.

– Ничего. А что?

– С глазами у тебя что?

– Сосуд лопнул.

Лэнгсон так выразительно скосился на неподвижное тело у стены, что Айфиджениа отрицательно замотала головой. Почти испуганно.

– Ну ладно, – мрачно сказал Джек. – Привет, в общем.

Некрасивая. Словно девочка-подросток, которая начала увядать, не успев вырасти. Не то что Венди, рыжая-как-с-обложки, с ногами, с губами, нахальная стерва...

– Ладно, – сказала медичка. – Ты-то как? Мазь есть еще?

– Кончилась.

– Давай я сама сделаю, – предложила она.

Лэнгсон без лишних слов стащил рубашку и плюхнулся спиной прямо на целлофан.

– Я бы простыню постелила, – упрекнула Айфиджениа.

– Плевать, – буркнул Джек.

На груди и животе раны были длиннее и глубже. И казались свежее. Тяжело заживали.

Так и виделось: он сумел уклонился от удара в лицо, выгнулся назад, и когти соскользнули, разрывая кожу, – а рас-

считывал бивший снять все мягкие ткани и выдрать глаза. Но второй удар, сильней и точнее, пришелся по напряженным мышцам торса.

Почему Лэнгсон оказался без защитного костюма, он не рассказывал. Зато рассказывал, почему его съездили когтями. Один из ритуальных ножей рритского воина в это время торчал в стене за джековой спиной, а второй – в джековом же бедре.

Второму ножу, аккуратно обточив рассчитанную на когтеносные пальцы рукоятку, Джек определил быть при себе вместо мачете.

Айфиджениа склонилась над широкой грудью. Природа скроила Джека не очень-то ладно, зато сшила накрепко, и грубой физической силы ему было не занимать... От Лэнгсона пахло. Он вымылся, прежде чем идти сюда, сероватые блондинистые волосы не успели высохнуть после душа, и подворотничок на отброшенной куртке блистал снежно, но от кожи пахло солдатом. Это держится долго. Можно отмыться часами, можно одеть штатское и сбрызнуться парфюмом, и все равно даже за неделю жизни в собственном доме рядом с чистоплотной женщиной запах не выветрится.

Джек расслабился. У Айфиджениии были легкие руки, держащую боль сменял медицинский колкий холодок, а от самой медички шло тепло. Лакки чувствовал себя ручным волком, которому чешут брюхо, а он валяется лапами кверху и разве что не поскуливает от кайфа. Это было здорово – и

кайф, и волчье самосознание тоже.

– А я слышала, – между делом проговорила Айфиджениа, колдуя над ним, – что в таких случаях клыки выдирают и на шею носят...

– Это от слабости, – совершенно другим голосом ответил Джек. Отрешенные глаза ясно поблескивали. – Они так боются ррит, что прячутся от этого страха в презрение. Вроде как это не они на нас охотятся, это мы на них охотимся. А я не боюсь. Я – равный.

Медичка ловко и бесцеремонно расстегнула на нем штаны и стянула ниже. Шрамы доходили до паха, и там-то выглядели хуже всего.

– Ёпть, женщина, предупреждать надо! – неожиданно сконфузился Лэнгсон.

– А ты неужто стеснительный?

– Я подтаял, – обиделся Джек. – И у меня интеллектуальная фаза.

– Я заметила, – сообщила Айфиджениа, – мне нравится.

Лэнгсон вздохнул.

– Всем нравится яйцеголовый, никто не ценит Лакки... – пробормотал он, застегиваясь и поднимаясь с койки. Сморщился, когда целлофан отлипал со спины. – А ведь если б не Лакки, всем яйцеголовым давно настал бы пинцет...

– Ты только личностью не расщепляйся. Этого не хватало.

– Не буду. Раз не велишь.

Женщина улыбнулась, принимая шутку.

Джек посидел напротив, глядя в пол, и вдруг сполз с койки, устроившись у медичкиных ног.

– Айфиджениа, – задумчиво проговорил он. – Дочь Агамемнона и Клитемнестры, принесенная в жертву Артемиде для того, чтобы поход греков на Трою осенила удача.

Она тихо засмеялась.

– Джек, зачем ты помнишь столько ненужных вещей?

– Не знаю, – Счастличик пожал плечами. – Я не нарочно.

Мозги так устроены.

– Это просто мода, – с сожалением объяснила медичка. – Мода на имена. Она проходит волнами. То девочек зовут Мэри и Сюзи, то Глэдис и Дейдра, а то вдруг Эланор и Арвен. Вот только мода на одежду меняется каждый сезон, а людям с именами жить всю жизнь.

Лэнгсон скривился.

– Мне еще повезло, – весело сказала Айфиджениа. – У меня родители греки. И греческое имя. Если б меня звали, скажем, Алатириэль – не знаю, как бы я жила. Я же просила, не надо меня называть полным именем. Я Ифе. Или майор Никас, если уж хочешь официально.

– Не хочу официально, – откровенно сообщил Джек.

Ифе смотрела на него сверху вниз. Так хорошо, по-доброму, что хотелось положить ей голову на колени, и чтобы гладила. «Эх ты, Птица», – думал Джек. Он хотел знать, отчего у нее покраснели глаза. Плакала? Мучилась над полутрупом у углу, пробуя гитару? Лэнгсона злило, что Птица тратит се-

бя по мелочи. Лучше бы мелкий эвакуант сдох. Лакки в свое время был в его положении и на самом деле желал парню добра.

Во вселенной ррит не существовало мирного населения, нонкомбатантов, дипломатической неприкосновенности, Красного Креста, перемирий, пленных, оставшихся живыми после допроса, обмена ими, завершения войны чем-то помимо тотального физического уничтожения противника. Многого другого тоже. К примеру, категории «женщины, дети и старики» в человеческом понимании. Ррит не знали дряхлости, не щадили собственный молодняк, а самки их были крупнее и сильнее самцов. Иное устройство чужой расы их сместило. Казалось глупым и неудобным. И не становилось поводом для послаблений.

Они могли оставить мальчишку в живых нарочно. Чтобы боялся, нес страх как заразу. Люди боялись все меньше и меньше, и, судя по действиям противника, сейчас ррит хотели исправить именно это. Иначе зачем был нужен дикий прорыв, который заведомо не мог окончиться занятием постоянных позиций? Стратеги объяснить не могли; объясняли ксенологи.

Уже второй. В прошлый раз они дошли до самой Земли. До третьей линии обороны.

В этот – их не подпустили даже к «области сердца».

Прогресс налицо.

– Вот только жалко, планшет умер, – сказала Ифе.

Джек встряхнулся, выцепленный из размышлений. Он успел чуть ли не задремать. «Подтаял», – раздраженно подумал он.

– То есть – умер?

– Волнами идет. Ничего не видно. Придется на браслетнике теперь все делать. Но планшет, он же одноразовый, его не починишь.

– Не бывает ничего одноразового, – авторитетно заявил Лакки. – Давай сюда. Даже презерватив можно употребить вторично...

– Джек! Я тебя прошу.

– Что?

– Здесь же ребенок!

– Ребенок спит, – отрезал Счастличик. – А даже если и нет – не маленький уже.

– Джек. Ему плохо.

– А кому хорошо? – безобидно проворчал Лакки, вытягивая у нее из рук планшет. – Мне? Тебе? У тебя вон глаза красные.

– Так сильно заметно? – погрустнела медичка.

– Н-ну... так. Скальпель дай, – сказал Лэнгсон.

Айфиджениа встала. Потрогала по пути лоб молчащему парню.

– Джек, – глухо спросила она, – что там было?

Лэнгсон посопел. Он понял вопрос, что там было не понимать. Повествовать желания не было.

– На Кей-эль-джей, – мягко, но настойчиво уточнила медичка. – Ррит...

– Черт-те что было, – нехотя ответил Лакки. – Не надо тебе этого.

– Джек, ты что, не понимаешь?

– Понимаю. Не надо этого женщине видеть.

– Я на своем веку видела много трупов. Я их, извини, попросила. Там вряд ли было что-то для меня новое, Джек.

Лэнгсон, хмуро пялясь на собственные колени, взял протянутый скальпель. Провел маленьким лезвием по едва заметному шву на боковой грани планшета.

– Мне нужно знать, – продолжала медичка. – Я должна понять, что говорить мальчику, когда он очнется.

– Ты ему не говори, – посоветовал Джек, снизив голос до шепота.

Ифе построжела.

– Я лучше разбираюсь.

Лакки вздохнул.

– Видишь эту сволочь? – и он показал острием скальпеля на какую-то нитку. – Это детонатор.

– Что?! – изумилась медичка.

– У этих сук динамика продаж рассчитана, – объяснил Лакки. – Не реже, чем раз в год человек должен покупать новый браслетник и новый планшет. А иначе невыгодно. Но если их хрень станет ломаться чаще, то они прогорят. Так что делают все равно с запасом прочности – и ставят внутрь

детонатор. Постоянную рекламу и моду на новинки оплачивать дороже. Понимаешь?

– Ой.

– «Ой», – передразнил Лакки, уткнувшись в коварный механизм. – Все равно это гниль. Может, еще год протянет. Месяц точно... если б они это дело программировали, то любой ребенок бы мог менять прошивку. Поэтому – железка. Железку не всякий полезет мацать.

– Спасибо, – Айфиджениа встала. Места в отсеке было немного, отойти она смогла только к диагност-камере. Постояла, пальцем протерла темные пуговики индикаторов. – Джек, но ты все-таки расскажи мне...

Борткомпьютер приветствовал капитана «Миннесоты».

Карреру кивнул первому пилоту, сел. Откинулся на подголовник.

До сеанса галактической связи оставалось шестнадцать часов. Карреру подумал, что успеет еще и выспаться, и перепроверить рапорт.

Он был чудовищно ответственным человеком. Ответственность теснила, как атмосферное давление, отовсюду, неотступно, и другой в его роли давно превратился бы в законченного невротика. Но не Карреру: тот ею жил. Спокойный, полный пожилой человек, устойчивый душевно и телесно, он и смахивал на какое-то большое млекопитающее – слон, морж, бегемот. Простота и приземленность, которые

лет сто назад назвали бы деревенскими.

В глазах Карреру стояла застарелая усталость.

Дизайн рубки рассчитывали психологи. В ней должно было сгореть слишком много нервов, и потому цвет стен менялся от глубокого, бархатного серого к лиловато-зеленому, черные и серебристые рейки складывали контур. Человека, не слишком заикленного на собственном внутреннем мире, дизайн должен был успокаивать и умиротворять. На Ано, во всяком случае, действовало, и он мысленно помянул проектировщика добрым словом.

Черно-серебряная, на мониторе просияла звездная карта. Капитан покосился вправо и обзрел точеный профиль Маунг Кхина, золотистый на фоне хвойного цвета панели. Вид азиата, безмятежного, как храмовый истукан, успокаивал. Тип людей, к которому принадлежал Маунг, всегда вызывал у капитана симпатию. Ано носом чуял, что Кхин сделан из титана, что он не подведет, не выдаст, выдержит, что на него можно даже переложить часть собственной ответственности – высшая степень доверия.

Профессионал.

Мастер своего дела.

– Ориентировочно через полчаса мы должны принять сводку от группы «Шторм». – Голос первого звучал приглушенно. – Разрешите вызвать пилота О’Доннелла?

Карреру мысленно поморщился. Второй пилот, на горе втянувшийся в затяжной конфликт с морковкой вообще и

сержантом Лэнгсоном в частности, добавил ему головной боли.

«Миллениум Фалкон» из набора игрушек ко второму римейку «Звездных войн».

Курам на смех.

– Нет необходимости, – как можно ровнее ответил Карреру. – Пилот О’Доннелл явится через пять минут.

Капитану не нравились пилотские суеверия. Человек довоенной закалки, он не разделял их, к тому же был религиозен в старом, уже почти смешном смысле этого слова. Он бы с удовольствием выбросил игрушку, которая болталась над капитанским экраном, – его, в сущности, личным пространством! – и только взгляд Маунг Маунг Кхина не дал ему в свое время это сделать. Потом Карреру сдался.

Приметы, амулеты, талисманы... капитан мог не любить Кхина, но в здравомыслии отказать ему не мог. Что там, узкоглазый был хладнокровен до полной отморозенности.

И он тоже верил в пластмассовую игрушку.

Карреру больше беспокоил кошмарный Лакки. От всего его взвода проблем было меньше, чем от одного психа-сержанта. Ано читывал истории о таких людях: они появляются из войны и в ней живут, опасные для врага, друга и себя самих... увы, старые байки не предлагали решений. Кроме единственного. Рано или поздно бешеные гибли.

Но до этого надо было еще дожить самому.

Кхин молча опустил ресницы. Сухие темные руки взлете-

ли над пультом, как над клавишами рояля. Или плашками вибрафона. Дочь Ано играла на вибрафоне, потому он знал, с чем сравнивает. Минимум прикосновений. Только палочек нет, а так похоже...

Прикосновение. Экраны ожили, начали мерцать, выбрасывая в деловитую тишь рубки показатели, карты, схемы, отчеты сенсоров. Интенсивность освещения снизилась. Звуковой сигнал – включение дополнительного голосового интерфейса – прозвенел мелодично до сладости во рту. Вибрафон. Иренэ Карреру, музыкантша, любимица-гордость, записала для отца подборку звуковых файлов. Ано почувствовал тепло и немного успокоился. Какая-то часть его существа любила такие моменты – за красоту, за действенность, которая сменяла тупое ожидание. Весь остальной Карреру их ненавидел. Тупое ожидание сменялось ожиданием нервным, дикой надсадой, вызванной попытками заглянуть в будущее и увидеть, не случится ли в нем какой-нибудь пакости.

Излучая хмурые мысли, вошел О’Доннелл.

– Бортовой компьютер готов к работе, – сказала под потолком искусственная женщина, голосом, подогнанным под голос Иренэ; так по-домашнему, будто сообщала, что готов обед. – Целостность hardware и software – девяносто девять и пять десятых процента. Данные о местоположении устарели приблизительно на двадцать минут.

– Внеплановую запускал? – сухо спросил Кхин.

– Рефлекторно, – неохотно ответил О’Доннелл, присталь-

но изучая схему палуб ракетноносца.

– Начинаю тестирование систем жизнеобеспечения.

– Ресурс вырабатывается, Патрик.

– С одного раза не выработается.

Маунг Маунг обернулся ко второму пилоту, смерил цепенящим своим взглядом. «Жарко здесь, – думал Карреру. – Зачем температуру подняли?..»

– Системы жизнеобеспечения работают нормально.

Небесное тело номер пятьдесят восемь дробь восемь, Кей-эль-джей, покинуло зону сканирования. Истекали минуты, боевая группа «Шторм» ждала возвращения «Миннесоты», скромной сестры милосердия, засвидетельствовавшей смерть. Эвакуация предполагалась, выступала поводом рейса, но ни Карреру, ни сам командующий флотом не думали, что найдется кого эвакуировать после двадцати восьми условных часов присутствия ррит. В колонии на момент захвата оставалось семьдесят шесть человек, и тот единственный, которого «Миннесота» несла сейчас подальше от планеты-могилы, получался довольно высоким процентом выживших. Даже если рассматривать его как полчеловека; что-то осилит там медицина...

Квартет лесных кукушек подал нежные голоса, и Иренэ сказала:

– Связь установлена. Принимаю информацию. Дефект канала, внимание, зарегистрирован дефект канала...

Маунг Маунг сложил ладони и поднес их к губам. Карре-

ру тщетно пытался не смотреть на стриженный затылок, но в глазах плыло, и первый пилот казался единственным островком уверенности в мире сумбура и хаоса.

«Он откуда?.. черт. Я знал, я забыл. Корея, Малайзия, Вьетнам?.. нет, не то...»

– Сводка принята, капитан.

– Доложите обстановку.

– Группа ушла по направлению к DFP-55/0. Со связью перебои. Уровень опасности оценивается как высокий, судя по всему, имело место столкновение с противником. Нам необходима корректировка курса. Срочно.

У Карреру упало сердце. Потянуло вперед и вниз.

«Я так и знал. Так и знал. Это все предчувствие. Он тут ни при чем. Это предчувствие...»

– Подготовить двигатели к запуску, – он не узнал собственного голоса. «На подбор», – явилась и завертелась между ушами дурацкая мысль: Карреру смотрел, как руки двух пилотов мечутся над пультами – узкие темнокожие кисти азиата и широкие, как лопаты, белые – ирландца... Галстук душил, неприятно проскальзывая во взмокших пальцах.

– Начинаю тестирование ходовой части.

– Начать сканирование прилегающей зоны, – холодно велел Кхин.

– Третий раз подряд?! – слишком громко уточнил Карреру.

Встретил непроглядно-темный взгляд первого пилота и,

сжав губы, коротко кивнул.

– Ты заходи почаще, – сказала она под конец, прислонившись к вогнутому косяку. Улыбалась, чуть приподняв брови.

– Надоем, – хмыкнул Лакки.

– Если надоешь – я скажу.

– Ладно.

«Можно подумать, я в своей жизни не видела трупов. Изуродованных. Сколько угодно, – сердито говорила Ифе. – Джек, я врач!» – и Лакки забирала тоска. Ну как можно – ей? Когда там и без судмедэкспертов ясно все было, как день, и страшно, как война...

А в их мире нет понятия зверства. Они не зверствовали, гордые ррит.

Они развлекались.

Отрубить руки и ноги. Еще живой, хлещущий кровью мешок – швырнуть. Взяв за голову. На дальность. Соревнуясь. Это замечательно весело, это даже, наверное, спортивно. И, должно быть, это научно, – выяснять расположение и функции внутренних органов, потроша живой экземпляр...

...женщину. Толстую, лет пятидесяти. Лица не тронули, и в смертном покое оно почему-то стало таким, как при жизни, точно добрая усталая тетка не умирала в непредставимых муках...

А когда кровь алая – все вообще понарошку. У них, у людей, она черная. Если быть пунктуальным, иззелена-тем-

но-коричневая.

На коже х'манка рритская кровь пачкается, как одуванчиковый сок.

Лакки это знал практически.

Гордился.

Он шел по тому же коридору, от рубки, лазарета и офицерских кают к родной койке. Айфиджениа мало что сумела из него вытянуть, в конце концов он подумал, что утомил и разозлил ее, и тогда решительно попрощался. Лакки отлично знал, до какой степени он не ангел и какие чувства у окружающих вызывает. Обычно это смешило, но мысль, что он может замучить Птицу, вызывала ужас. Джек крайне редко испытывал ужас.

Не испытал и секунду спустя, когда с сухим треском навстречу, взмывая под потолок, рванулся дракон.

– Фас! – донеслось уже задним числом.

Лакки преспокойно упал, вписываясь в вектор драконьего прыжка. Когти вонзились в покрытие с двух сторон от него, нижнечелюстные выросты, острые, как ножи, остановились над глазами, потом сдвинулись, и жуткая потусторонняя морда, покачиваясь из стороны в сторону, вознамерилась обкапать его слюной.

Дракон Фафнир, вообще-то, был очень положительное существо и настоящий мужик. Это принцесса дракону досталась не та.

– Держать так, насовсем не убивать! – распоряжалось

стервозное высочество, уперев руки в боки. Зажатый драконом Лэнгсон видел только ярко-рыжий костер на голове Венди и красивую белую руку под закатанным рукавом.

– Ты меня зайкой, что ли, сделать хочешь? – спросил Лакки, ухмыляясь, и потянулся почесать Фафниру горло. – Так прицеливайся аккуратней, а то я ведь и сам могу кого хочешь зайкой сделать.

Дракон зашипел, выражая недовольство то ли прямой угрозой хозяйке, то ли тем, что посторонний самец уделяет ему интимные ласки.

– А ты не чирикай, мурло хвостатое, – посоветовал Лэнгсон. – Ты лучше свою бабу в узде держи. Ошалела совсем, не видишь?

Венди хмыкнула и уселась Фафниру на спину. Четырехметровый ящер не шелохнулся. Джек, распростертый под живой пирамидой, вздохнул. Сколько он видел на своем веку экстрим-операторов, Венди была самой красивой и самой психованной. В силу последнего, видимо, и поперла в самую дикую из военных специальностей.

– Давай я тебя трахну, – предложил Лакки совершенно серьезно. – Легче станет.

– Это я тебя трахну. Фафниром, – ледяным голосом сообщила Венди.

«Дура», – подумал Джек. Лейтенант Вильямс не заслуживала даже цитаты из Фрейда.

– Ну Ве-е-енди!.. – жалобно завели где-то со стороны

фафнирова хвоста, – ну ты чего-о?..

– Отставить гугнеж, – строго сказал Лакки. – Лейтенант Вильямс, вам тяжело?

– Ч-чего? – задрала брови та.

– Маньяк маньякА видит издалека, – сообщил сержант. – Вы мне сейчас оружием угрожаете, вы в курсе? Чревато взысканием. И нехреновым. Ваше начальство будет вас долго огорчать в неудобной позе.

– Да пошел ты знаешь куда... – сходу Венди даже не придумала.

Лакки счел, что пора действовать.

– Кра-айс! – благим матом заорал он, и неожиданно тихо закончил, – воздвигнись.

И Крайс воздвигся.

Как бульдозер, выехавший из-за угла.

Он был большой.

То есть действительно большой.

Джек рядом с ним был как Айфиджениа рядом с Джеком. Крайс-воздвигнись не уступил бы в габаритах какому-нибудь ррит помельче. Разве что мелкий ррит двигается со скоростью разъяренной мангусты, а настолько крупный Номо sariens далек от проворства.

– Хватай ее, – распорядился Лэнгсон.

Венди с готовностью заорала.

– Ну-ну-ну, – воркующе сказал Крайс.

Голос у него не соответствовал всему остальному совер-

шенно. Голос принадлежал молодому менеджеру subtilь-ной наружности. Из хорошей семьи. Джек представил, как где-нибудь в хорошей семье стекла содрогаются от утробного рыка, принадлежащего Крайсу, и хихикнул.

В этот момент Фафнир мотнул головой, выясняя, где находится подруга и куда ее тащат. От резкого движения с его пасти сорвался шматок слюней и украсил джекову щеку.

Лэнгсон истек ядом. В том, что он сказал, никто ничего не понял.

– Большой мальчик тебя не обидит, – честно обещал Крайс, утаскивая Венди в охапке. Рыжая вопила и брыкалась, гигант кряхтел, принимая немилосердные пинки в живое тело, но упорно волок ее к корме.

– Ну чего стоишь? – с ненавистью простонал Лэнгсон дракону. – Иди, спасай бабу!

Дракон неуверенно засвистел.

– Вниз головой ее покрути! – остервенело рявкнул Джек подельнику.

– Фа-афнир! – тут же огласил жилую палубу экстатический визг.

Лакки шестым чувством ощутил над собой пустоту еще до того, как сорвалась с места шипастая тень. Тут же вскочил, отфыркиваясь, не намеренный пропускать смертельного номера.

Крайс, как куклу, швырнул Венди прямо в дракона.

Та ухитрилась сгруппироваться в полете, вписываясь меж

растопыренных конечностей и живых лезвий своего оружия, – ухватила Фафнира за плечевые выросты, – крутнула сальто, падая ему за спину, – и поймала осиной талией захлестывающий хвост.

Дракон приземлился. Самортизировал падение оператора, плавно доведя ее до поверхности, и отпустил.

Венди села на пол. Потом встала. Ее шатнуло.

– Ух! – очумело выдохнула она, держась за хладнокровного, как всегда, Фафнира. Потрясла головой. Под встрепанными рыжими лохмами сияла широчайшая улыбка. – Класс!

– Ну ты! – с долей восхищения сказал Лакки. – В-вот ма-
нячка...

Крайс неодобрительно вздохнул.

– Я вам что, тренажер – синяки на мне ставить? – пожаловался он.

– Тебе, слону, поставишь, – проворчала Венди. – Фафнир меня нежнее держит. А у него броня, между прочим.

– Вот Фафнира и лупи. А то повадилась, – укорил Крайс.

Из дверного проема в коридор высунулась голова.

– Голову высовывать уже можно? – предметно поинтересовалась она, то есть он, предъявив лицо рядового Переса.

– Нельзя, – ответил Лакки. – Тут убивают.

– Кого? – встрепенулась Венди.

– Вообще, – сказал Джек. Устрашенная голова скрылась, и он ощутил сухость во рту. – Вообще убивают. Намордник надо животному надевать.

Венди заливисто расхохоталась. Как ведро ионов серебра выплеснула в воздух.

– Эта прелесть, – она обняла дракона за шею, – может стенку бетонную пробить ударом хвоста. А ты говоришь – намордник!

– Слюнявчик, – отрезал Джек. – Эй вы там! Чай есть?

– Есть, – за находившихся там ответил Крайс. – Тебя дожидались.

Лэнгсон проводил глазами его могучую спину и почесал темя.

– Венди, – ласково сказал он, когда Крайс скрылся. – Я тебя понимаю хорошо: сам такой. Сам тоскую и над людьми измываюсь. Только ты не над теми людьми веселишься, чувствуешь? А то ведь всякое может случиться.

– А над кем мне? – неожиданно логично спросила Вильямс. – Над теми же, что и ты? Нагрузку надо равномерно распределять. Патрика вон ты и в одиночку до нервного срыва почти довел. Я, конечно, могу медичку покусать...

«Только попробуй», – пронеслось в голове и мгновенно закаменели мышцы.

– ...но ее же жалко, – рассудительно закончила Венди, не дав Лакки рассвирепеть. – Как ребенка обидеть.

– Ну-ну, – неопределенно сказал Лакки, подумав, что Айфиджени слаба и беспомощна только лицом к лицу. Таких, как она, надо либо лелеять и нежить, либо убивать сразу, и второе тоже ой как рискованно: что-то станет с тем, кто

убьет Черную Птицу...

Впрочем, дура Венди этого не чувствует, а одними мозгами – не понять.

– Радуйтесь, что я веселая, – сверкнула зубами Вильямс. – Пошли чай пить.

Джек ухмыльнулся. Экстрим-операторша словила свою дозу экстрима и теперь какое-то время будет паинькой. Обстановка собиралась перейти в домашнюю, атмосфера – в приятную, чай тоже в перспективе сменялся чем-то большим...

И вдруг тошнотно завыл аларм.

– Мама... – прошептал О’Доннелл.

Кхин закрыл глаза.

На всех трех экранах, красуясь в неторопливом вращении, хищно выгибался чужой корабль. Его единственный представляла модель: малую долю, матку адского роя, ждущего во тьме. Зримость пугала, но в строчках цифр по низу экранов ужаса крылось больше.

Се-ренкхра, «одаряющий смертью», – род облегченного крейсера, – вел за собой «большую свиту».

Ударный флот.

Второй пилот подался вперед, привстав, – корабль был опознан.

«Йиррма Ш’райра».

...В начале эры посол Объединенных Наций летел на Ан-

кай, чтобы представлять расу Ното. Вежливо приветствовать, присоединиться к тысячелетним конвенциям, с должным трепетом подписать договоры, бывшие ровесниками фараонов и зиккуратов или рубил и скребел, – все рассчитано, взвешено, взято до нас, – поблагодарить тех, в чьей психике существовал механизм благодарности за оказанную честь.

Тогда к золотой Анкай от державной Кадары направилась дипломатическая миссия. У ррит не бывает гражданских судов, и посольство явилось на се-ренкхре: гарантий безопасности не давали, достаточно, что не демонстрировали агрессии. Тогдашний посол теперь стал верховным командующим, а «Йиррма» – флагманом одного из его командиров. Его правой руки и «второго лезвия».

Все нетайно. Все ясно, и ярко, и беспощадно, как вспышка сверхновой. К чему скрывать славнейшую силу, доблесть, не ведающую равных?

Т'нерхма аххар Цаши аи Н'йархла направляет удар.

Патрик даже помнил, что означает название корабля. Ш'райрой звали героя рритской легенды, невероятно древней, старше любых земных сказок, – великого героя, исполина, страшного для чужих и своих. Кто разузнал, как докопались – неведомо, но в репортажах о том анкайском саммите уже рассказывали. И про то, что йиррма – это украшение для волос, тоже. И се-ренкхра...

«Серьга Кухулина», – зачем-то перевел про себя О’Доннелл. – «Смертедар».

– М-мать... – шепотом сказал капитан.

– Если мы сейчас развернемся, то успеем уйти из зоны огня, – сказал первый пилот. Спокойно, как всегда; лишь чуть быстрее. – Почти.

Патрик втянул легкими безвкусный воздух.

Нахлынул и раздавил непомерный, противоестественный страх.

– Да скорее же... – непонятно кого попросил Карреру. Пилотов? Бортовой компьютер? «Миннесоту»?

Ему ответили.

– Тестирование ходовой части закончено, – мягко проговорила Иренэ. – Готовность к запуску – ноль процентов.

Молчание.

– Что?! – взвизгнул Карреру, точно издалека или сквозь вату услышав собственный голос.

На долю секунды, казалось, оцепенели даже числа в строках.

– Готовность к запуску – ноль процентов, – повторил камень, которым стал Маунг Кхин, продолжив голосом осыпающегося песка, – гравигенераторы отказали, капитан.

– К-какие? – глупо спросил О’Доннелл, и глупость эта подействовала вдруг как подзатыльник, отрезвив и встряхнув.

– Ходовые, – равнодушно ответил Маунг. – Патрик, если бы «жизнь» рухнула, мы бы уже не разговаривали.

– К-как?..

– Месяц назад, когда нам астероидом прилетело, – услышал себя Карреру. Он плавал в поту, не чувствуя рубашки, глаза заволакивал красный туман, но ответственность держала как экзоскелет, не позволяя согнуться, сдаться, упасть. – Так бывает. Проверка ничего не дает, потому что рассинхронизация идет по минимуму. Последствия запаздывают. Вот аукнулось.

– Это все Лакки, черт, он удачу лапал! – выкрикнул Патрик.

– Не ори, – уронил первый пилот.

– Почему оно сейчас аукнулось? Почему не вчера?!

– Отставить, – приказал Карреру.

Второй замолк словно выключенный.

– Сгенерировать аварийный сигнал. По всем типам связи. Подготовить и отправить адресное сообщение группе «Шторм», с просьбой о помощи.

Пауза.

– Сделано.

«Это бессмысленно», – подумал О’Доннелл. Один из показателей на капитанском экране, – крупные цифры, отмеченные красным, – перестал изменяться.

Численность «свиты».

Мозг Патрика отказывался ее воспринимать.

– Есть ответ, капитан.

Пауза.

– Пилот?

– «Шторм» требует изменить курс и идти по направлению к DFP-55/0. Высланы точные координаты.

– Мы же доложили об аварии, – механически произнес Карреру.

– Я отправил сообщение вторично.

– Хорошо.

«Они не могут повернуть»: мысль – застывающий клей, льется и льется из бочки в черный колодец. «Они не могут ломить против «большой свиты». Никакая долбаная группа». Патрик глотал и глотал комок. Горло начинало саднить.

– Они должны уже ответить.

– Они молчат, капитан.

Карреру понял.

Первый пилот обернулся, и Ано люто, по-черному позавидовал Маунгу. Спокойствие и едва уловимая грусть на лице азиата не были маской, плодом самообладания и притворства. Он не боялся. И все. Просто не боялся.

– Каков курс в данный момент? – прикосновение ледяного взгляда оказалось приятным, как компресс.

– Идем напрямиком в «Йиррму», – ответил Кхин, пожав плечами.

– Что, на таран угадали? – фыркнул Патрик.

– Нет, конечно. Но с сохранением теперешнего курса пройдем на расстоянии в пару тысяч километров.

– Если будет еще чему проходить... – пробормотал О’Дон-

нелл.

– Отставить панику, – хрипло сказал Карреру.

– Это не паника, капитан, – внезапно обнаглел второй пилот. – Это факт.

– Отставить... хамство.

О’Доннелл захихикал.

– Вы в порядке, капитан? – обыденно спросил Кхин. – Выглядите нездоровым.

– Правильно, – вслух подумал О’Доннелл, – здоровеньким помирать обидно...

– Патрик, заткнись.

– Спасибо, Маунг.

– Я... – Ано подавился словом, – у меня, должно быть... я в порядке, – «Зачем спрашивает?» – мелькнуло раздраженное.

Капитанский экран вспыхнул золотыми панелями, они на миг озарили рубку и погасли. Перелив певчего дерева, сыгранный для отца любящей дочерью, зазвенел в воздухе. Смолк, тонким эхом таясь по углам.

Первый пилот скосил глаза на капитана. Потом на экран. Вызов предназначался Карреру, но тот, похоже, был не в состоянии даже прочитать принятое, не то что среагировать адекватно.

Впрочем, на такое и Маунг не смог бы легко ответить.

Лицо О’Доннелла перекосила улыбка.

– Капитан, нам помощь нужна? – надтреснуто, со смеш-

КОМ ВЫДАЛ ОН.

– Что? – прохрипел тот.

– По общей линии сообщение от противника. Они спрашивают, не нужна ли нам помощь.

Карреру резко сторбился. На миг Кхин заподозрил худшее. Потом понял, что тот насильно заставляет разладившийся организм работать снова, губя необходимейшие ресурсы, выжигая нервные клетки... европеец не владел никакими техниками, его сила воли была – буквально – грубой силой, расходуемой настолько неэкономно и неразумно, насколько вообще возможно. И все-таки капитан распрямлял себя, готовясь в последний рывок.

Маунг почувствовал уважение. Он был свидетелем подвига.

– Какого черта?... – взрыкнул, наконец, Карреру, поднимая взгляд.

Патрик заледенел лицом. Отчеканил:

– Получено требование визуального контакта.

Капитан вдохнул и выдохнул – шумно, глубоко. Маунг смотрел на него с болью. Порой человек способен поделиться собственной силой, но как делиться своим умением? Ему можно только учить. Долго. Кхин колебался, не предложить ли Карреру заменить его, когда тот спокойно приказал:

– Принять. Включить переводчик.

Данные о местоположении уже устарели на несколько ми-

нут. Все это время корабли мчались друг другу навстречу – как далеко сейчас се-ренкхра?

– Связь установлена, – шепнула Иренэ.

Маунг стиснул зубы и подобрался в кресле. Напомнил себе, что в сансаре все иллюзорно, что благие дакини и Махакала имеют зримый чудовищный вид. Что корабль осенен небесной удачей. Что до се-ренкхры более пяти парсек, броня и орудия «Миннесоты» исправны, и проклятая группа «Шторм» все-таки близко, близко, почти совсем рядом, и...
... что это не он сейчас смотрит в золотые вражеские глаза.

В центральном экране, ослепительный и грозный как молния, стоял ррит.

Изображение плыло, но гранитной неподвижности врага не скрадывали помехи. Маунг быстро читал отличительные знаки инопланетянина, снизу вверх – от тяжелого пояса и рукояток священных ножей в ножнах. От широкой груди: завораживающе красивых насечек, черных по желтоватому металлу брони, странно похожей на древние людские доспехи. От длинной гривы, заплетенной в множество кос с зажимами и подвесками, от крупных парных браслетов, громоздкого ожерелья-воротника из тысячи причудливых звеньев – до серег. Скромных, розовато-белых серег из кости.

Из костей. Из чих-то маленьких пятипалых рук.

Ррит смотрел недвижно, словно позволяя любоваться собой.

«Это он. Сам, – думал Маунг. – Это Т'нерхма».

И дальше мысли соскальзывали, точно под откос по обледенелой тропе – что у ррит три сердца, и оттого они намного выносливее людей, что до войны люди успели освоить три планеты земного типа, что слишком многие расы Галактики используют для дыхания кислород, и что значат украшения рритского командарма: зажимы в косах, браслеты и ожерелье... что означает ожерелье?

Все равно. Только не думать о том, как капитан сидит под взглядом врага, встречая его молчаливый смех.

Глаза ррит, озера кипящего золота в черной кайме, сузились, тонкие губы дрогнули, открывая белизну природного оружия. Как они сумели сохранить зубы и когти не атрофированными за время разумности, вчетверо большее, чем у людей?.. пятипалая, почти человеческая ладонь огладила левую височную косу, и из кончиков пальцев мягко, наполовину вытекли янтарные острия.

Т'нерхма что-то сказал – минуту назад. Звука не было, только картинка, а потому слова врага произнес переводчик голосом Иренэ.

– Х'манку нужна помощь? – спросила девушка, и безумной насмешкой почудилось в речи компьютера – участие.

«Они понимают, что у нас неисправны двигатели», – мельком подумал Маунг.

Карреру с усилием поднял лицо: как самого себя вздернул за подбородок.

– Мы признательны за беспокойство. Нам не нужна по-

мощь.

За время ожидания командарм не шевельнулся – даже блики на украшениях не дрогнули.

– Неужто х’манк отважен? – челюсти Т’нерхмы разошлись, открывая, насколько в действительности длинны клыки ррит, жесточайших воинов во Вселенной.

Бледный до желтизны Карреру улыбнулся.

Спокойно и гордо улыбнулся в ответ.

Кхин вздрогнул. Выпрямился в пилотском кресле и одними губами начал произносить мантру. Ощущение тупого дурмана медленно отступало.

Еще.

Снова.

Ом.

Обладает ли ррит природой Будды?

Смотри сейчас кто-то на Маунга, увидел бы, как каменеет и светится внутренне-ясным его лицо, словно останавливается в жизни, и четкие губы складываются в чужую улыбку.

Ррит более не достаивал червей-х’манков членораздельной речью. Лишь рыком, упреждающим жертву о часе смерти, – чуть склонившись к экрану со своей стороны, будто грозя прыгнуть сквозь и тотчас самолично разорвать глотку. Закачались косы, отягощенные металлом, легкие серьги мотнулись, когда он выпрямился, собирая броней свет командного пункта «Йиррмы».

И Ано Карреру захрипел и сполз в кресле, царапая грудь.

Только теперь Маунг услышал вой тревоги.

Двери рубки разошлись. Вбежал Морески, заспанный и оттого какой-то одичавший. Следом, дыша ему в спину, появился Джек Лэнгсон. «Млять!!» – по обыкновению вопил последний, уже разобравшись в ситуации не разумом, но чувством. Маунг не шелохнулся.

Истекла минута, требовавшаяся для того, чтобы «Йиррма» получил изображение с «Миннесоты».

Ррит засмеялся.

Это мало напоминало человеческий смех, но сомнений не оставалось; да и как он мог не смеяться, гордый воин, – такое стоит рассказывать в кругу сородичей, похваляясь и хоча за пиром победы: х’манк, жалкая тварь, умер от страха, увидев его клыки.

– Пинцет, – негромко и по-детски обиженно сказал О’Доннелл. – П-подгадал...

Счастливчик шагнул вперед, деловито вытащил повисшего мешком Карреру из кресла и сунул в руки ошалелому Морески. Стал перед капитанским экраном, вздернул подбородок.

Воин увидел воина.

– *Kyrie eleison!* – выдохнул Лакки и внезапно светло и дико улыбнулся ррит; в широко раскрывшихся глазах просияло безумие.

Глава вторая. Райские птицы

Ветви качнулись.

Солнце бликовало в каплях росы. Соцветие ложной вишни уронило белый бархатный лепесток, он заскользил вниз и замер в остях зреющего колоса. Невдалеке, за серыми лаковыми стволами, дышал океан: перекатывал гальку, začínал новый прилив. У Древней Земли спутник непомерно велик, и приливы там высоки; у Земли-2 тоже есть Луна, но она много меньше. Места, где приливная волна заметна, можно пересчитать по пальцам. Здесь – видно.

Лес наполняли глухие мелодичные клики. Близилась пора гона. Псевдоптицы Терры-без-номера вили гнезда, крылатые ящеры дурели и носились у самой земли.

Нуктовые дети визжали от счастья. Соревновались, кто больше поймает.

Лилен смеялась. Она залезла на высокую ветку: хороший обзор и вокруг – сплошные цветы, из которых она, почти не глядя, плела венки. На берегу какой-то ретивый малыш сумел оседлать безмозглого крылача и теперь пытался удержаться у него на загривке. Психованный птеродактиль даже не пытался улететь, так и бегал по камням, изредка вспархивая. Вопли ящерят казались почти осмысленными.

Почти.

Нуктам не свойственно выражать мысли звуками.

Лилен вздохнула.

Все-таки противно мотаться из одного климатического пояса в другой: здесь весна и впереди целое лето – а по универсальному времени август, скоро в университет...

Она надела венки и подставила лицо солнцу.

Птеродактиль на берегу вырвался из дитячьих коготков, унесся, скрипуче жалуясь. Нукты унюхали идущих от рифа акул и ринулись наперерез. Не то чтобы они особенно не любили акул, но хищная тварь с пастью, в которую полугодовой нуктенок может влезть целиком – игрушка позанятней очумелой весенней птахи.

Не поздоровится той акуле, что разинет пасть на маленького дракона.

Не акулы. Не птеродактили. Не вишни и не секвойи, в конце концов; флора северного материка Терры-без-номера фантастически походила на земную, едва не повторяла ее, но здесь, в тропиках, близких подобий встречалось мало. Имена роздали без особого резона, никто не изобретал их, нужное придумывалось само собой, – как, к примеру, названия промысловых рыб.

Которые, строго говоря, и не рыбы вовсе.

Провожая ящерят мыслью, Лилен вдруг вспомнила, что в детстве ее здорово интересовал вопрос: а если с нуктой подерется тиранозавр, кто кого поборет? Папа упорно отвечал, что будет ничья, а потом звери подружатся. Когда пришла мама, то сказала, что динозавры давно вымерли, но, судя по

способу охоты на аналогичных животных, сначала нукта вышибет ему глаза, а потом посмотрит по обстоятельствам.

Этот ответ Лилен понравился гораздо больше, и она лишь много позже поняла, отчего папа так рассердился и потом, закрыв дверь, долго, тихо ругался на маму.

Чуть более века назад, на излете докосмической эры, много говорили о терраформировании. Адаптация земной флоры, коррекция климата, изменение плотности и химического состава атмосферы. Даже создание атмосфер при необходимости. Немыслимо сложные, чудовищно дорогие, столетиями длящиеся процессы, – но, казалось, если человечество всерьез хочет занять место среди космических цивилизаций, альтернативы им нет.

Пятьдесят лет спустя Ареал человечества, самый молодой и самый крупный в Галактике, уже не нуждался в разработке таких технологий. Победоносная война с ррит, закончившаяся официальным уничтожением древнейшей расы и полной аннексией ее Ареала, дала людям столько пригодного для жизни пространства, что они смогли выбрать.

Безатмосферные и некислородные планеты разом выпали из сферы интересов. Миры с пригодной для дыхания атмосферой делились на четыре категории. «Номерные» – низшая: неудобные или просто недостаточно обаятельные, чтобы быть заселенными. Рудники, промышленность или пустое пространство, долгосрочный резерв. «Именные» – удо-

стоенные настоящего названия; категория присваивалась по разным причинам. Маргарита славилась исключительно туризмом: модный курорт. Альцеста, чья звезда располагалась очень далеко от плоскости галактического диска, стала научным центром. Локар, Аштра, Кунасири... Высокая категория «Терра» присваивалась за максимальную схожесть с Землей. Лишь девять Терр, «жемчуга Ареала», были по-настоящему населены. «По-настоящему» – то есть насчитывали хотя бы сотню тысяч человек.

Есть дом желанней, чем Древняя Земля, драгоценная колыбель?

Терра-без-номера, единственная носительница четвертого, высочайшего ранга, и с ним гордого имени «Земля-2», никогда не принадлежала рит.

Рии-Лараат, бывшая колония анкайи.

Номо sariens, победители, доминирующая раса Галактики, обнаружили ее случайно, спустя несколько лет после окончания Великой войны, Первой космической.

Война с анкайи даже не удостоилась именоваться Второй.

Все это Лилен старательно вспоминала, пока плела венок и смеялась нуктам. Родителям она ничего не сказала, а запуганный Майк клялся молчать как рыба – впереди у Лилен мрачнела переэкзаменовка по истории.

...Нет бы достался вопрос про Рии-Лараат. Про Терру-без-номера, настолько похожую на Древнюю Землю, что

колония казалась придуманной нарочно; впрочем, для Лилен скорее Земля походила на близняшку-Терру, потому что на Терре она родилась.

Теперь-то она все выучила. Пришлось. От историиворотило с души. Только бы злобная тетка Эрдманн забыла, чем грозилась в гневе: кроме билета подробно спрашивать о начале Первой космической. Оно мало того что грустно и учить противно – о поражениях, уничтоженных колониях, потерянных крейсерах, жертвах – так еще запутаться легчелегкого: с тех пор поменялись названия половины планет. Какой смысл в факте, что Терра-4 была когда-то Кей-Эль-Джей-три цифры?

Никакого.

Берег был пуст, и только вдали, среди белых барашков, наметанный глаз Лилен различал гладкие черные головы.

Ее отец был мастером по работе с биологическими вооружениями. Здесь, в терранском нуктовом питомнике, Лилен провела детство.

Малыш, мамино табельное оружие, долго служил ей живой игрушкой.

...Самки нукт, самовластные матери прайдов, пускали ее в гнезда, принимая как свою дочь. Лилен умела разговаривать с нуктами так же хорошо, как с людьми – и куда уж лучше, чем с нкхва или лаэжно; боевые псевдоящеры катали ее от края к краю залива, на берегу которого раскинулся питомник, не боялись уронить, гигантским прыжком вылетая из

воды на скалы мыса Копья, втаскивали на вершины огромных деревьев Терры, чтобы она могла полюбоваться видом на океан. В диком южном лесу Лилен чувствовала себя дома.

Она все детство была уверена, что станет экстрим-оператором.

Некстати вспомнилось о Майке Макферсоне, которому Лилен так удачно навешала на уши лапши. Макферсон, счастливый обладатель любительской студии, делал в ней «живые» короткометражки, последний писк моды среди креативного сетевого сообщества. Само по себе это не подвигло бы Лилен на труд искусительницы, но, выражаясь языком старого блоггера qwerty_№_n54, который читал им культурологию, на челе Макферсона запечатлело поцелуй небо.

Выражаясь языком другого профессора, Майк действительно мог кино.

Призовые места на конкурсах, рукопожатия великих на конвентах, несмолкающие восторг и ругань Сети. Несколько мелких киностудий уже приглашали его на работу. Доучивался Майк по инерции, ожидая предложения от серьезных людей.

Сокурсницей завладел азарт.

Азарт охватил и самого Макферсона – в первую минуту. До того он больше внимания уделял работе, чем девушкам, но не был наивен и хорошо понимал, чем вызван интерес первой красавицы университета. Майка сразила внешность,

но не так, как это случается с обычными парнями.

Он хотел снимать Лилен в кино.

Лилен ответила на его чувства.

Только азарт и нежелание бросать начатое удержали ее, когда на съемках Макферсон зверел, превращаясь из лопухого, чуть приторможенного зайки в свирепого плантатора. Только так и никак иначе, сорок раз посмотреть вниз, повернуть голову и поднять взгляд. «Тридцать минут всего в фильме! – орал Майк. – Одна трехсотая всего фильма, а ты говоришь – сойдет?!»

Отфыркиваясь и украдкой смахивая злые слезинки, Лилен делала, что велено. И снова делала. И снова, с ненавистью глядя, как Майк, поджав губы, меняет настройки и ругается с осветителем. Выходя из себя, Макферсон становился похож на очень тощего нэцкэ. На хворого эльфа. Болотного духа с камерой.

На что-то не совсем человеческое; и сквозь злость Лилен травинкой пробивалось восхищение.

Макферсон, в свою очередь, обнаружил к полному удовольствию, что златокудрая Фрейя играет заметно лучше рисованной куклы, и, затратив определенные усилия, от нее можно добиться недурного результата.

Он доснял «Кошек и колесницу», смонтировал, обработал – и влюбился в Лили Марлен.

«Тебя даже подрисовывать не нужно, – говорил Майк,

глядя на нее своими унылыми северными глазами. – Ну, почти. Иногда. Только когда этот урод напортачил со светом. В жизни бы не поверил».

Так он признавался в любви.

Лилен была Фрейей. Майк вне съемочной площадки не тянул даже на нибелунга. Одно недоразумение. Лилен вполне устраивали деловые отношения, которые были раньше, ей нравилось заниматься интересным, нравился собственный успех, возможности, которые открывал перед ней Макферсон. Не то чтобы Лилен страстно желала быть актрисой, жизни без этого не видела. Она просто не хотела быть социальным психологом. Очень не хотела, и оттого не могла послать Майка на все десять сторон света, включая зенит и надир.

Работа с наушной лапшой, к несчастью, зашла чересчур далеко. Майк навязался лететь вместе с Лилен на Землю-2, впаривая ей что-то о фауне, натуральных съемках и новых впечатлениях, а по прилету заявил, что хочет познакомиться с ее родителями.

Лилен пришла в ужас. В особенности от того, что родителям Макферсон мог очень даже понравиться. Хорошо воспитанный, умный, перспективный.

«Настоящий мужчина – тот, кто способен ухаживать за экстрим-оператором под ревнивым взглядом живого оружия», – думалось с неприязнью.

Так говорила мама.

Но Лилен не была экстрим-оператором.

Напугать жениха личным оружием не могла, а нукты, вежливо попрошенные отцом, близко к поселку не подходили. Потешались, ехидные твари. Женщины еще и понимали соль ситуации, парни веселились просто за компанию. Лилен представила, как мама поит Майка чаем, улыбаясь краешками губ, а папа спрашивает про конъюнктуру, последние тенденции в искусстве и творческие планы.

Тьфу.

...Нет, чаем не поит. Хотя бы.

Ассистент главного мастера терранского питомника, старший преподаватель Академии Джеймсона, бывший экстрим-оператор Янина Вольф шла по берегу, сопровождаемая вечным эскортом. Неугомонный Малыш тоже внял просьбе и оставил на время даму сердца, удалившись в джунгли. Он честно старался не показываться на глаза, но тосковал так, что даже Лилен это чувствовала. Малыша было жалко. Зачем его мучают?

Все из-за Майка, чтоб ему пусто было.

Сейчас Малыш излучал безоглядное счастье. Прямо светился им, как лампочка. Хорошая снова рядом! что еще нужно?..

Янина остановилась и огляделась. Она беззвучно разговаривала с Малышом: тот, злобредный, наверняка докладывал ей о местонахождении беглой дочери.

– Мам! – окликнула Лилен, наклонившись с ветки сквозь цветочное облако. – Мам, я здесь!

Та всплеснула руками, подняла голову.

– И как ты там оказалась?

– Влезла, – хихикая, сказала Лилен.

– Сама?

– Это ты привыкла, что тебя всюду подсаживают! – обиженно сказала дочь, повисая вниз головой на одних коленях. – А я бедная, несчастная. Никого у меня нету.

Янина рассмеялась, свистнула по-разбойничьи и упала, словно подкошенная, на антрацитово-черную спину меж плечевых лезвий. Пару секунд спустя она сидела рядом с Лилен. Под тяжестью Малыша ветка жалобно скрипнула, но устояла.

– Что ты вытворяешь?

– Что?

– Привезла молодого человека знакомиться, а сама...

– Я привезла?! – взвилась Лилен. – Он в меня вцепился, как клещ! Я даже не собиралась с ним встречаться!

– Ничего себе.

На узком загорелом лице Янины Вольф не дрогнула ни одна черта; давняя привычка. Она родилась без мимических мышц, сделали их ей поздно. Порой привычка создавала значительные неудобства для окружающих. Например, для дочери. Непонятно, что думает мать: то ли посмеивается, то ли сердится...

– Вы столько сделали вместе.

– Вот именно, – мрачно сказала Лилен. – И все. И ничего больше. Мне нравится работать.

Янина вздохнула.

– Хорошо. Но, знаешь... мы бы тебе посоветовали внимательнее присмотреться. Он замечательный человек...

– Мама, ты его позавчера первый раз увидела.

– По-твоему, я ничего не понимаю в людях?

– Не знаю, – выдавила Лилен, угрюмо глядя вниз, на песок далеко под ногами.

Мать вздохнула.

– И как я дожила до своих лет?..

– Не как, а с кем.

– Что ты себе позволяешь?

– Правду говорю.

Еще вздох. Янина сплела пальцы. Лилен невольно посмотрела на руки матери – через тыльную сторону кисти, наискосок, от указательного пальца к запястью шел длинный шрам. Боевой. Лилен закусила губу: дочь двух мастеров биологического оружия – и учится на соцпсиха.

ТЬфу.

– Хорошо, – сказала Янина, – больше не буду об этом. Но все-таки, Лили, некрасиво получается. Пожалуйста, иди домой. И, осмелюсь напомнить, ты жаловалась, как много задали на лето, а в файле с эссе – ровно три строки... – мать чуть улыбнулась, поднимая глаза.

Лилен зарычала. Малыш подумал и тоже зарычал.

– Вот! – объявила Лили Марлен Вольф. – Даже Малыш со мной согласен.

– Зато мы с отцом не согласны. У тебя еще неделя. Лили, я серьезно! Мне не нравится, как ты относишься к учебе.

– А мне не нравится эта учеба! – огрызнулась Лилен. – Я не хочу быть социальным психологом.

– Хорошо, – бестрепетно сказала Янина. – Кем хочешь?

– Не знаю.

– Не сомневалась, – в голосе матери звякнула усталая сталь, – я тебе еще раз повторю, что ты прошла тестирование, тебе рекомендовали деятельность, связанную с межличностными коммуникациями, ты станешь психологом, сможешь пройти любые курсы и заниматься любой работой с людьми. Отличные коммерческие профессии, хорошие перспективы. Хотя вариант Майкла мне тоже нравится.

– Не хочу работать с людьми, – буркнула Лилен больше для проформы.

Янина усмехнулась.

– Мы тебе предлагали идти в медицинский, на ксенолога.

– Я не хотела в медицинский. Я никогда не хотела быть врачом. Что за бред? И вообще, какая связь между врачами и ксенологами?

– Анжела тебе десять раз объяснила.

– Я поняла уже на первый. Но это все равно бред.

– Психиатр – врач, – терпеливо повторила Янина. – Ксе-

нология из всех наук ближе всего к психиатрии. Нельзя быть психиатром, не имея медицинского образования. Поэтому и ксенологом тоже.

Лилен досадливо тряхнула головой и спрыгнула с ветки. Приземляясь, она не видела, какая тревога вспыхнула в глазах матери, но даже заметив, не поняла бы, чем она вызвана.

Малыш сиганул следом за «дочкой».

– Я хотела быть оператором! – крикнула она снизу. – И хочу!

– Тебе уже поздно, – ответила мать. – И счастье, что поздно.

– Майкл уехал в поселок, – сказал Дитрих. Он стоял у дверей коттеджа, ироничный и невозмутимый. – Вернется часа через три. Весьма достойный молодой человек. Мне не нравится, как ты себя ведешь. Марлен, я полагал, что моя дочь не истеричка! Как мы, по-твоему, должны были объяснять твое отсутствие?

Лилен молча раздула ноздри.

Отец улыбнулся.

– Знаешь, за чем поехал твой бойфренд? Сюда забрался нукта-подросток, как обычно, ты же знаешь, совладать с ними невозможно. Майкл увидел его и загорелся снимать. А память камеры оказалась забита под завязку. Он поехал за дополнительной картой.

Лилен шумно выдохнула.

– И вы разрешите ему снимать нукт?

– А почему нет? – удивилась подошедшая мать. – Устраивать режиссерские съемки мы, конечно, не позволим, но Майкл попросил только натуральный материал.

– Он мне нравится, – сказал отец. – Целеустремленный юноша.

– Пап! Ты ему еще дифирамб спой.

– Уже.

– Пап!

– Ну, ты все-таки с ним поласковее, – отец чуть усмехнулся.

– Вот я Нитокрис попрошу, – злорадно сказала Лилен, – устроить ему натуральный материал. Пусть порадуетя.

Родители застыли. Переглянулись. Малыш тихонько, едва слышно засвиристел.

– Лили, – наконец, отдельно проговорила Янина, – пожалуйста, не надо этого делать. Во-первых, это очень непорядочно, а во-вторых... просто не стоит.

– Тогда прекратите мне его сватать, – бросила Лилен. – Все. Это недоразумение. Я хочу получать роли, и не более того.

Молчание.

– И ты думаешь, что это легче и веселее, чем быть социальным психологом? – вдруг спросил Дитрих.

– Я уже снималась, – парировала Лилен. – Я знаю, как это легко.

Мастер покачал головой, глядя на нее пристально.

– Речь не о том.

...последний конкурс, выигранный Майком – вместе с Лили Марлен. Первое место заняли их «Кошки и колесница». «Дистиллированный миф», по отзывам критиков.

Лилен, конечно, видела другие работы с конкурса: те, что рекомендовал Майк. Сам он отсмотрел всё.

Четвертое место. «Вся красота мира».

Дерьмецо был фильм. Пошлomu названию соответствовал вполне. Старая как мир и до тошноты политкорректная идея: показать красоту разумной жизни. Всерьез заинтересовать она могла только вчерашнего клипмейкера, коим режиссер и являлся. Подбиралась красота, естественно, под человеческое восприятие, об этом творец додумался предупредить сразу. Отдельные трактовки могли показаться инопланетным расам оскорбительными, но цель ставилась конкретная – снизить уровень ксенофобии в обществе Homo sapiens.

Красоту клипмейкер понимал исключительно двояко: либо как сентиментальную умильность, либо как сексуальную привлекательность, отчего фильм попахивал ксенофилией. Прилизанные пейзажи материнских планет чужих, природа и города; инопланетянам в объективе пришлось походить либо на людей, либо на земных животных; от всех рас по одному ракурсу, одному движению, строго отобранному. Чувствовалась рука мастера рекламы: карамель, патока, мармеладный гламур. Нежная женщина анкайи, космическая без-

дна в огромных глазах лаэкто, танцующие цаосц. Чийенки – тут удачно обошлись кадрами хроники. Одобрения заслуживал, пожалуй, момент с нкхва – купающиеся дети. Несмотря на малоприятную внешность нкхва, отрывок вызывал симпатию.

Главным эффектом предполагалось другое.

Режиссер «Всей красоты» понимал, что нового слова в искусстве ему не сказать. Поэтому решил выехать за счет шока. Ужасов и трэша он по душевной несклонности снимать не стал, тем более что шокировать этим еще век назад было трудно.

После нкхва появлялась молодая человеческая женщина. Известное лицо – Эдлина Реймар, символ-модель, призрачной, потусторонней какой-то внешности шатенка. Всю красоту человеческой расы она сыграла отменно.

Протяженность фильма строго ограничена условиями конкурса. Идут последние минуты.

Солнце.

Скалы. Руины – невесть где, на Земле, скорее всего... В ярком, слепящем солнечном свете – скрадываются очертания, меняются оттенки – стоит молодой мужчина. Кадр: плечо и локоть, мощный трицепс, часть торса. Кадр: волосы – густые, до середины спины – летят по ветру, типичный рекламный ракурс... Кадр: сзади, с отдаления, фигура целиком. Широкоплечий, узкобедрый, длинные ноги, гибкий треугольный торс, – красавец медленно поворачивает голову

и вот-вот зрителю откроется лицо... миг затемнения.

Вблизи. Не лицо – часть лица, в профиль: висок, лоб, бровь. Ресницы опущены. Это человек. Только что была женская красота, а теперь мужская.

...камера отлетает, словно в испуге, свет меркнет, позволяя различить детали; мужчина раскидывает руки, резко выгибается назад. Плещет грива, видна грудь, лишенная сосков, с чужим расположением мускулов...

The end.

Никаких стандартных ракурсов, кадров-ассоциаций, привычных с детства: ни оскала, ни вылетающих из пальцев когтей, ни классической позы – на корточках, с метательными ножами.

Всего лишь часть красоты мира.

Крик поднялся страшный.

Правду сказать, даже сам этот козырный прием был обкатан рекламщиками лет пять назад. Тогда вышел ролик, в котором две горничные, зажав зубами булавки, помогли европейской аристократке девятнадцатого века облачаться в церемониальное платье. Лица дамы камера не показывала. Золоченый подол, обнаженные плечи (сзади и чуть сверху), жемчужные нити в кудрях, край ожерелья – алмазный блик... Когда горничные заканчивали и поднимались с колен – дама оборачивалась.

Анкайи. Три пары ключичных выступов в декольте старинного человеческого платья. И слоган: «Выйди на новый

уровень!» – ролик рекламировал следующее поколение процессоров. После выходили и другие клипы в том же духе.

Но здесь дела обстояли серьезней.

Намного.

Великая война закончилась, по документам, лишь вместе с тотальным истреблением противника. Сама материнская планета расы, Ррит Кадара, была уничтожена: распалась на части под огнем обезумевших от ненависти землян. Знаменитые кадры этого пира гибели видел каждый.

Среди сотен номерных планет затерялся промышленный мир AMR-88/2. Чуть позже, став популярным среди экстремалов-туристов, он получил имя.

Фронтир.

На Фронтире добывали нектар местных цветов, который использовался в косметологии, фармацевтике и парфюмерии. Очень ценное вещество. Кемайл.

Недолгое противостояние с анкайи, подарившее человечеству лучшую, самую прекрасную из колоний Ареала, не удостоилось названия Второй космической войны.

Во Вторую космическую люди снова сражались с ррит.

– Об этом? – переспросила Лилен и пожала плечами. – Ну и что? Их и во второй раз всех не перебили. И Кадара цела. Каждый пень знает. При чем тут я и Майк?

– Ты действительно не понимаешь? – настороженно спро-

сил отец. В глазах его промелькнуло сначала недоверие, потом сомнение в умственных способностях дочери, и Лилен разозлилась. – На Терре-без-номера нет серьезной киностудии.

Лилен шумно выдохнула.

– Папа, – сказала она. – Не говори загадками. Я тебя прошу.

Дитрих удрученно отвел взгляд. На скулах проступили желваки; Лилен почти испугалась, увидев, как отец стягивает с запястий браслеты. Самый плохой знак из всех.

– Марлен, – ровно сказал он. – Я понимаю, что для юной девушки противоестественно интересоваться политикой. И все-таки немного следует. Как взрослому человеку.

– Я всегда читаю новости. Когда проверяю почту.

– Ты читаешь заголовки, – уточнил отец.

Лилен дернула углом рта, но возражать не взялась.

– Ты представляешь себе, что сейчас происходит?

– Пап, я отвечу, когда пойму, о чем ты.

– Отлично, вот тебе конкретный вопрос: куда и зачем улетел Игорь?

– На Урал, – машинально ответила Лилен. – По делам, – и замолчала надолго. – Хорошо, – наконец, созналась она. – Не знаю и не представляю.

– Отлично, – сказал Дитрих, хотя по его лицу легко читалось, что «отлично» здесь совсем не значит «хорошо». – Тогда тебе придется просто поверить. Поверишь папе, Марлен?

Лилен с шумом выдохнула. Янина засмеялась, негромко и ласково.

– Кофе будете?

Муж и дочь одновременно кивнули, неотрывно глядя друг на друга одинаковыми глазами.

Лилен смотрела. Растрепанное живое солнце небрежно стекало на плечи; облегающие джинсы и короткий топ подчеркивали фигуру. В карих глазах вспыхивали золотые искры: теплый камень авантюрин. Дитрих Вольф, мастер по работе с биологическим оружием, подумал, что мало кто умеет так смотреть. Странноватое, хотя и привычное чувство: подняты другие, бесплотные веки, смотрит она не столько хрусталиком, роговицей, нервом, сколько собой, всей, от макушки до пальцев ног, и внимательный взгляд похож на обволакивающее облако.

Так смотрят женщины нукт.

Они сели пить кофе и сжевали по два крекера, прежде чем Дитрих заговорил. Лилен успела настроиться на отцовскую волну, и могла читать то, что было под словами.

– Сейчас не самое мирное время, – сказал отец. – Правда, видно это далеко не всем. Землетрясение началось, или вот-вот начнется, но до появления цунами должно пройти еще некоторое время.

– Папа, не говори загадками. Я же просила.

– Я и не говорю.

То-что-под-словами выглянуло на миг ярко и неприкрыто

– и у Лилен по коже подрал мороз. Конечно, она знала, она и прежде сталкивалась, и находила романтичным... шрамы на маминых руках, белые полосы на броне Малыша; бесчисленные фильмы и книги, и старые песни, голоса тех, кто давно умер, оставив одну горделиво-светлую славу...

– Папа... – шепнула она, морщась. – Ну все-таки не настолько...

– Ты меня знаешь, Марлен, я оптимист.

– Ну... пап, это ты так думаешь. Это тебе так кажется, но не значит, что так оно и есть!

– Лили, я не помню, чтобы твой папа когда-нибудь ошибался.

– Мам, и ты туда же!

Янина медленно моргнула.

– Он может чего-то не знать, – по-прежнему неторопливо продолжала она. Дитрих поднял бровь. – Но по части того, что кажется, у него дар.

– О-кей, – деловито сказала Лилен. – А вы что-нибудь знаете или вам только кажется?

– Игорь улетел на Седьмую Терру. Возможно, скоро там будет второй питомник.

Лилен сглотнула.

Макферсон вернулся часа через три, веселый и довольный. В поисках карты памяти к камере миддл-профи класса пришлось обегать весь поселок, но нужная все же сыскалась.

«Хорошо, что я взял эту, а не хай-профи, – смеялся он, – к ней бы точно ничего не было».

Лилен молчала и улыбалась, разглядывая траву. Майк вскинул камеру, огляделся, и родители как один покосились на него с уважением.

– А можно? – трепетно спросил Майк.

Дитрих щелкнул пальцами – так картинно, что Макферсон засмеялся. «Вот же тьфу, – подумала Лилен, – а говорят еще, что отцы не любят парней их дочек...»

Сверхновая звезда и надежда высокого кино Майкл Макферсон был чуть выше среднего роста, худ, лопоух и мышшиноволос. Вместо того чтобы сходить к специалисту и выправить уши, он предпочитал носить шевелюру до плеч. Уши сквозь негустые волосы все равно торчали, что смотрелось еще хуже. Лилен, как ни пыталась, не могла понять, почему Майк, обладающий безупречным вкусом в отношении кадрирования, мизансцены, цвета, жеста, освещения и тому подобного, настолько бестолково распоряжается собственной внешностью. Постригся бы в ёжик и носил цепи, как папа – вышел бы нормальный творческий человек.

На плечо Янине забрался двухнедельный ящеренок. Поднял голову, пискнул. Макферсон восторженно открыл рот.

– Ну, это же несерьезно, – сказала та. – Хотите, проводим вас в джунгли, вы там сможете снять их почти в естественных условиях.

Майк вежливо засмеялся.

– Местра Вольф, знаете, один мой коллега уже снял короткометражку о нуктах. На их родной планете. Так что на счет естественных условий вы меня не обманете...

Лилен не без злорадства следила, как сменялись выражения на отцовском лице, пока Дитрих не овладел собой. Какое-то время папа определенно собирался сказать все, что думает о режиссерской братии. Планета-то засекречена, и если на нее сумели попасть какие-то молодые психи, то более серьезные и потенциально опасные путешественники тем более сумеют.

Лилен и этот фильм видела. Не стала рассказывать о нем родителям. Хороший фильм; правда, скорее, документальная запись. Высший шик – без подрисовки, без эффектов, минимум монтажа. Майк тихо завидовал: сам он обычно брал искусством и работой, такого материала у него не было.

...свет лиловой звезды отфильтрован завесой никогда не рассеивающихся туч; в атмосферном щите бушует чудовищная гроза. Жирные, жидкие, словно ленивые молнии опадают и растекаются по земле. Лиловый, коричневый, серый; известняк, туман, камни. Яркий голубоватый свет электричества. Призрачное солнце растворено в тучах.

Гром шевелится в воздухе. На горизонте извергается града вулканов, черные дымы огромными столбами уходят в небо, смешиваясь с облаками, и даже отсюда видно, что лава заливают склоны сплошь, как ковром, – горы светятся ясно-огненным.

По обожженной степи, устланной плотным туманом, летит прайд. Дикие драконы огромны; чуть жутковаты домашние, страшны боевые, но это точно сама смерть, летящая к цели. Врезаются в почву мощные лапы, поблескивает броня, покачиваются острия естественных лезвий на боках, лапах, морде... В Первую Космическую диких использовали как живые мины.

Они мчатся за кем-то – на одних задних лапах, – от носа до кончика хвоста прямая горизонтальная линия, идеальный баланс. Длинные хвосты служат рулями. Несмотря на гигантские размеры и огромную силу тяжести, эти ящеры легки и почти изящны, намного превосходя тех, что топтали когда-то Землю. Они как нелетающие птицы...

...уносятся, и переводишь дыхание.

Макферсон снимал Малыша. Тот валялся на спине, смешно растопырив лапы, и блаженствовал – хозяйка чесала ему шею. Сородичи, любопытствуя, разом собрались со всей округи, словно только съежок и ждали.

Может, и ждали. Нукты распознают свое отражение в зеркале и свой вид на экране. Если им объяснить, конечно.

Будучи, как ни крути, психологом, пусть и социальным, Лилен не могла понять, почему их не считают разумной расой.

– Янина, – спросила Анжела, когда Дитрих увел юную парочку в лес, – почему?..

– Я сегодня снова видела, – тихо ответила та. – Старый секвойид рядом со скалами. Помнишь? Там самая нижняя ветка – около пяти метров над землей. Она спрыгнула с нее и побежала. Даже дыхания не перевела.

– Почему это тебя так беспокоит?

– Я не хочу, чтобы она хоть чем-то отличалась от нормальных людей.

– Не «нормальных», – сказала Анжела. – Обычных. Она выросла в питомнике. У нее с младенчества такая физическая подготовка, что десантникам не снилось. Она идеально здорова. Это прекрасно, Яна, и ты совершенно зря сходишь с ума. У меня ни Сашка, ни Улянка тоже не болеют ничем страшнее насморков и расстройств желудка, и я, наверное, плохая мать, но очень этому радуюсь. Яна, это же лучше, чем как у Эстер...

– Где они?

– Кто?

– Эстер и Томми.

– Уже прилетели. Наверное, я на днях съезжу навестить. – Анжела помолчала и добавила с горечью. – Я ведь ей говорила. Приглашала. Поживи на Земле-Два, пока ребенок не родится, вдруг с синдромом Мура будет? Пятая Терра по статистике хуже всего. Сглазила...

– Ты ей не напоминай, – посоветовала Янина. – Лучше напомни, что шанс есть.

– Само собой... так что, Яна, не сетуй: ты счастливая мать.

– Анжель... – Янина сначала только посмотрела ей в глаза, потом вспомнила о чем-то и подняла брови. Врач-ксенолог питомника грустно подумала, что даже два десятка лет с полным комплектом нервов и мышц и не приучили подружку пользоваться мимикой. – Никто никогда не подозревал, что ты генетически модифицирована... Да и не о здоровье я.

– А о чем? – нарочито удивленно спросила Анжела.

– Ты знаешь. Это началось только в переходном возрасте. Я боюсь.

– Что она снесет яйцо? – сыронизировала Анжела.

– Нет, – тихо проговорила Янина. – Мы с Дитом всегда старались, чтобы она как можно меньше общалась с нуктами. А она лезет и лезет к ним...

– Ты хочешь, чтобы она не лезла к нуктам? Яна, кто ее мать и кто отец?!

Та вздохнула.

– Я не хочу, чтобы она долго оставалась в питомнике. Пусть снимается в кино. Пусть работает на Земле, на Урале, где угодно, чтобы ее занимало дело. Общение с нуктами развивает человеку лишние способности. Ты видела, как она утихомиривает Улянку? Ты полночи промучаешься, а Лили пошепчет чего-то, и она уже спит.

Анжела засмеялась.

– Да я только рада. Об одном жалею: сама так не могу.

– Анжель...

Малыш, поняв, что больше его никто тормозить не ста-

нет, поднялся, отряхнулся и подошел к женщинам. Янина опустила ладонь ему на темя. Хвост Малыша заключил подругу в сплошное кольцо.

– Она водит как Кесума, – неожиданно сказала экстрим-оператор. – Даже лучше. Но Кесума училась этому много лет. Потом много лет летала. Кесума участвовала в боях, от ее летной техники зависела ее жизнь. Лили год назад получила права!

– У нее талант. Яна, я тебя не успокаиваю. Я правда думаю, что ты преувеличиваешь. Сравни Сашку с любым его сверстником – да он же бык, мужик, таких подростков не бывает! И я думаю, что он тоже может вот так спрыгнуть с дерева.

– У него нормальная скорость реакции.

– Ему всего пятнадцать. И матери прайдов не впускали его спать в гнездо.

Янина опустила веки.

– Вот это хуже всего.

Лицо Анжелы мгновенно стало серьезным, почти сумрачным.

– Яна, ты ведь и сама... – она замялась, – и твоя дочь... Почему ты отказываешь Лили в способности...

– Отказать Лили в способности нельзя, – сухо сказала Янина. – Но я слишком хорошо понимаю, что она означает.

Майк лучился счастьем. Даже стертые в кровь ноги и рас-

царапанное колючками лицо не испортили ему настроения. Зато настроение испортилось у Лилен: неумение парня ходить джунглями ее убивало. Сама она едва не прыгала по веткам, нукты с энтузиазмом помогали, и половину свежешопенной майковой мнемокарты занимала Лили Марлен, Диана-охотница, Фрейя в компании сотни Фафниров, юная Кали со своей адских собак.

Макферсон сравнивал ее и еще с кем-то. Но об этих духах и божествах на лекциях по культурологии не читали, и языколомных имен Лилен не запомнила. Майк приходил в бешеный восторг, вспоминая новые мифы, озвучивал громко, чуть не захлебываясь. Лилен делала постное лицо, но минуту спустя забывала о том, что собралась дуться. Приятно, конечно. И все-таки лучше б не надо.

Ей неожиданно пришлось решать все и за всех.

«Мы твои родители, – тихо, очень ровно сказала мама. – Мы всегда на твоей стороне».

Что-то в этих словах звучало странное. Стальное.

Не семейное.

Сторона, которую принимают мастера биологического оружия...

«Если ты действительно хочешь быть актрисой... боюсь, другой режиссер Уралфильма не предложит тебе контракта. Тебе придется пытаться счастья на Земле».

«Почему Уралфильма?» – недоуменно спросила Лилен.

«Так он тебе еще не сказал?»

Проклятый Макферсон получил приглашение от семи-терранской студии. И принял его. И словом не обмолвился Лилен.

«Он собирался, – примиряюще говорил отец, пока она кипятилась. – Как раз сейчас».

...Лилен дулась до сих пор. Нукты чуяли ее настроение и метались вокруг иссиня-черным шипастым вихрем, рычали и свистели, пытались дознаться, отчего маленькая мягкокожая женщина так зла. Не следует ли доставить ей удовольствие, кого-то убив?

Папа с Майком пришли к полному взаимопониманию.

– Я работал в чистой цифре, – рассказывал Майк, пока камера в его руках оглядывала окрестности. – Лет в шестнадцать. Это очень увлекательное занятие для подростков. Конечно, есть интересные работы, Бо Лонг, к примеру, уже тридцать лет не выходит за рамки чистой цифры, но для этого нужно иметь определенный склад характера. И определенную эстетику. Я понял, что для меня это тупиковый путь...

Дитрих что-то спросил, солидно и благожелательно. Лилен не разобрала слов, занятая довольно кровожадной безмолвной беседой с альфа-самцом прайда Ладгерды.

– Конечно, полностью живое кино давно в прошлом, – ответил юношеский тенорок Майка. – Но оно должно выступать как цель. Которую невозможно и не нужно достигать. Плодотворен только синтез. А можно подняться как-нибудь

над ветками, чтобы взять радиус по максимуму?

И потом он рассказывал, как снимали в прошлом – не трехмерное пространство на несколько метров вокруг, а один плоский прямоугольник, и даже редакция угла была невозможна, не говоря уже о замене объектов внутри кадра. Приходилось переснимать, делать множество дублей, но это было высокое искусство со своей спецификой. А ограничения, которые накладывает техника, только стимулируют воображение. Дитрих слушал с интересом, уточнял.

«Мы хотим, чтобы ты смогла реализовать себя», – сказала мама.

Лилен всегда полагала, что самореализация человека – это его личное дело. Теперь она чувствовала себя отвратительной эгоисткой: чтобы избежать проблем и не ставить родителей в зависимость от своих желаний, она должна была бросить так замечательно начавшуюся карьеру и провести остаток жизни соцпсихом.

«Решай», – сказали они.

– Понимаете, – соловьем разливался Майк, – в любом случае приходишь к необходимости создания персонажа. Сначала делаешь внешность. Потом понимаешь, что у него есть характер. И в итоге получаешь ту же символ-модель, только неживую. Нарисованную. Сколько символ-моделей ты можешь создать, не повторяясь? Природа куда изобретательнее тебя... с пейзажами так же. Можно сделать ярче, четче, но разве придумаешь новое небо? На Альцесте или на спутни-

ках Сатурна, но прототип обязательно найдется...

Лилен фыркнула. Вспомнилось, как один незамутненный сокурсник рассказывал про ночное небо Альцесты. Вытаращив глаза: «Там полнеба звезды, а другие полнеба – х**!»

Впрочем, если уж так хочется увидеть Галактику извне, можно отправиться к Магеллановым облакам.

Лилен прыгнула на спину альфы, вцепилась в гребень и попросила поднять ее на секвойид – тот, огромный, с высохшей веткой у самой вершины. Майк внизу благоговейно ахнул, провожая ее двумя взглядами – собственным и запечатлевающим сенсора.

Порыв ветра едва не столкнул Лилен с ветки. Альфа, обвив хвостом истончившийся ствол, поддержал ее лапой. Отсюда, с высоты, открывалась панорама залива – мыс Копья, полоса пляжей, коттеджный поселок, лес.

«Вся красота мира» – отдаленное, искаженное эхо страха. Раса ррит давно и безнадежно выпала из разряда опасностей космоса. Ареалу человечества грозят другие опасности.

Древняя Земля. Homeworld, колыбель цивилизации, драгоценное Сердце Ареала.

Седьмая Терра, Урал. Могущественнейшая колония.

...Лилен всегда гордилась тем, что ее родители – не обычные люди, что они одаренные, незаменимые, мастера по работе с биологическим оружием, и пусть, как кажется, питомник находится в сущей глуши, но их работа имеет значение для всего человечества.

Она впервые сожалела об этом.

«Ты можешь ехать с Майком, – сказал папа. – Работать на Уралфильме. Тогда мы с мамой будем предпринимать шаги в том же направлении, к Терре-7, будем заодно с Игорем. Но тогда может случиться, что Земли больше никто из нас не увидит. Никто не знает, сколько продлится противостояние и чем оно кончится... Ты можешь расстаться с Майком и попытаться счастья как актриса на Земле. Это сложнее и тяжелей, но после «Кошек» у тебя есть что предъявить. И тогда, соответственно, мы займем нейтральную позицию. Я, конечно, не предам Игоря, но своим делом он будет заниматься один».

В голове не укладывалось, что от нее, соплюхи, может что-то зависеть. Тут, на любимом насесте над полуостровом, Лилен казалось, что все это не всерьез. Ну не может так быть. Южный материк Земли-2, глушь и тишь, море и солнце... тоже мне, большая политика.

Папа помахал ей снизу рукой – «спускайся».

«А вы сами как хотели?» – спросила тогда Лилен, глядя пасмурно.

Дитрих вздохнул.

«Мы пока только думали, – ответил он. – Я ничего не имею против уральцев, Игорь – мой друг, мастер Ценкович лично сделал много добра твоей маме. Но это другая культура. Другой образ мысли. Древней Земле противостоит не еще одна Земля, а нечто совершенно иное... Нам трудно принять решение».

Другая культура.

Альфа учуял соображения Лилен и не понял их.

Та усмехнулась.

Майк сделает ей имя и славу. Майк носится с ней как с писаной торбой. Никто больше так не будет. И без квелого этого эльфа куковать Лили Марлен на ролях бесчисленных блондинок... Она не из тех, кто безраздельно предан искусству и согласен корпеть на рутинной работе. Она хочет блеска.

«Но тебе не предлагали индикарты. Приглашение стать семитерранином получил только Майк. Чтобы отправиться с ним, тебе придется выйти за него».

Лили Марлен нахмурилась. О том, насколько сложно получить вид на жительство у семитерран, она слышала, но как-то забыла.

«А может... дядя Игорь поможет?» – с надеждой спросила она.

«Может, – бесстрастно кивнул отец. – Если за это возьмется Игорь, индикарта у тебя стопроцентно будет. Но ты представляешь, что почувствует Майк, если ты выкинешь такое коленце? Захочет ли он с тобой работать тогда?»

– Какой смысл рисовать символ-модель? – вдохновенно спрашивал Макферсон. Над ним вниз головой висел нукта и сосредоточенно разглядывал сенсор камеры, портя Майку запись. Любопытствующие драконы повывлезли все, лес кишмя кишел ими – когтистые лапы, шипастые хвосты, лезвия

на плечах, челюстях, голове, острые гребни – полный боекомплект живого оружия...

Майк не боялся. Дитрих видел это и проникался к нему симпатией.

Но Макферсон не был очень уж отважным и сильным духом. Он просто был слегка чокнут, и все.

Отец не понимал этого. Или, скорее, не желал понимать. Нарочно.

Хоть ты тресни.

Вечером злая, как дикая кошка, Лилен вытащила из-под кровати веревочную лестницу, мирно пылившуюся там года четыре. Не то чтобы она не могла просто выйти из дома. Но мало ли... кто-нибудь проснется, и тогда надо будет объяснять, куда и зачем она идет. Зачем ей блуждать ночью по джунглям, залезать на деревья, нырять со скал, играть с опасными хищниками, ведь она уже не ребенок...

ТЬФУ.

Лилен с легкостью прыгивала со второго этажа. Но под окнами расцветали астры тети Анжелы, и их было жалко.

Первым побуждением было отправиться в гнездо к Нитокрис и пожаловаться той на мать. Лилен вовремя вспомнила, что действительно уже не ребенок, а взрослую женщину, пусть маленькую и мягкокожую, глава прайда под боком не приютит.

Тогда она ушла к океану, разделась и долго плавала на

спине, глядя в небо, по которому шествовала Луна.

Луна-дубль, маленькая, отливающая голубым.

Терра-без-номера.

Лилен вспоминала, как смотрела на огромный спутник Древней Земли впервые, разинув рот. Казалось, что тяжелый шар в небе сейчас сорвется и рухнет. Мурашки по спине бегали. Потребовалось немало ясных ночей, чтобы привыкнуть.

Больше не увидеть Земли.

Ну и что? Она родилась на Терре-без-номера.

Выйти замуж за нибелунга?

Кукиш вам. Нужно обстоятельно подумать, вот и все...

Лилен раскидывалась на воде и входила в транс. Звездный полог опускался ли к морю, или сама Лилен поднималась из волн, чтобы стать ближе – прохладные искрящиеся светила окружали ее, погружались в йод и соль океанских волн, чтобы стать еще яснее и серебристей. Пелагиаль жила; теплое море, как сердце, билось о скальные ребра земли, и дыхание тропосферы, еще не осознавшей присутствие человека, было чисто и безмятежно.

На берегу, в глубине леса, дремало биологическое оружие.

Где-то очень далеко, так далеко, что вне транс Лилен никогда бы не услышала и не ощутила этого, прошел экраноплан. Не по расписанию. На секунду Лилен удивилась, но тут же вода вымыла из нее это чувство вместе с остатками дневного раздражения, усталости и печали.

Наконец, руки ее сделали гребок, ноги утонули, и пловчиха направилась к берегу. Полотенца с собой она не захватила, и немного посидела на камне обнаженной, ожидая, когда ночной ветер соберет влагу с ее тела. Кто-нибудь другой немедля словил бы простуду, но Лилен не ведала о таких неудобствах.

Потом она ушла в лес и забралась в свой старый детский домик на дереве. Отец рубил его с расчетом сживать там всей семьей, да в компании Малыша, и места хватало. Дерево выросло даже для Терры огромное...

В домике Лилен чаще приходили дельные мысли. И спать здесь она любила.

Над джунглями пронесся беззвучный зов. Вскоре сквозь большое окно без рамы проскользнула глянцевитая шипастая тень.

Нукта, дельта-самец прайда Итии, мало общался с людьми и имени не носил. Идентификации как четвертого мужа ему хватало, а Лилен звала его Дельтой. Как вышло, что они оказались в дружбе, Лилен не помнила, потому что была слишком маленькой. Мама рассказывала, что Дельта однажды имел ожесточенный спор с Малышом на тему воспитания детей, после чего решил, что надо ему послеживать за Лили Марлен, ибо Малыш, сам молокосос, мог что-нибудь упустить или чему-нибудь очень напрасно попустительствовать, а Дельта имел по этой части огромный опыт.

Лилен смеялась до икоты и в историю не поверила.

«Привет, Дельта».

Хвост нукты обнял ее привычным движением. Морда ткнулась в лицо.

«Постережешь? Я буду спать здесь».

Дельта, не отвечая ни одним из возможных способов, отошел и свернулся в кольцо у стены. Лилен улыбнулась и последовала его примеру, укрыв плечи собственным детским одеялом. Ногам в джинсах было тепло и так.

Проспала она недолго.

Майк шел по лесу. Бездарно шел. Запинался о корни, нервно шарил здесь и там лучом слабого фонарика и оттого еще больше слеп. Ругался. Он разбудил Лилен за минуту до того, как Дельта тронул ее мордой между лопаток, сообщая, согласно уговору, что кто-то идет.

Лилен беззвучно выругалась. Додумался же... кто ему сказал, где она может быть? Не иначе родители.

ТЬфу.

– Лилен! – позвал Майк. – Лилен, ты здесь? Ты в домике?

«В домике я, в домике, – с нутряным смешком подумала та. – Чур, не играю». Выглянула, скорчила раздраженную гримаску.

– Кто тебя привел?

– Никто, – быстро сказал Майк.

Лилен нарочито громко вздохнула. Скрылась на миг в чернильной темноте и вынырнула под днищем гнездышка,

спускаясь вниз по канату.

– Ты зачем пришел?

– А ты зачем ушла?

– Погулять. – Лилен подумала, что сейчас вполне может прийти в ярость.

– Ночью?

– Люблю гулять ночью.

Майк опустил глаза. На виске темнела царапина: днем, шарясь по кустам с камерой, налетел на шип. Злополучный творец вздохнул, сунул большие пальцы за пояс брюк, вытащил.

– Лилен, – сказал он. – Я тебя люблю. Ты только, пожалуйста, помолчи.

Возлюбленная гневно раздула ноздри, но повиновалась. Больше из любопытства, чем из уважения, и все же не сказала ни слова.

– В общем, так, – Майк проглотил комок в горле. – Прости, что я не сказал насчет Урала. Я собирался. Долго. Я просто... понимаешь? Ну, я боялся. Боялся. Что ты... не захочешь. Я не знаю, как я буду там без тебя. Понимаешь, у меня девять сюжетов, я им представил – для полнометражек! – им интересно, два уже пошли в работу на сценарий, но они все для тебя! Я не смогу это снимать без тебя. Ты понимаешь?! Ну да, я псих, я чокнутый, я ничего не вижу, кроме своей студии, но я не могу без тебя!

Лилен молчала. В темноте ее глаза были совершенно чер-

ными, а волосы лунно светились. Майк не смог удержаться от мысли, что кадр бы вышел немного сладкий, но очень красивый, особенно с таким выражением лица, как у нее сейчас – устало-льдисто-бесстрастным, как у лесного духа...

И проклял всё.

– Лилен.

Ресницы, длинные и густые, точно у анкайи, медленно взмахнули.

– Ну скажи что-нибудь!

– Что-нибудь.

Майк застонал, дернувшись.

– Что я должна сказать? – очень спокойно спросила Лилен. – На какой вопрос ответить?

– Ли...

Она оборвала его, подняв ладонь.

– Подсказываю: ты хочешь, чтобы я поехала туда с тобой или поехала туда сниматься?

Майк смотрел на нее несчастными глазами.

– Я хочу, чтобы ты поехала туда со мной, чтобы сниматься у меня.

– А если я буду у тебя сниматься и все, тебя это устроит?

Майк зажмурился. Запустил пальцы в длинные волосы. Лилен отстраненно подумала, что посоветовала ему хороший шампунь, и теперь хоть пряди не слипаются. Уставилась в землю, пнула носком кроссовки лысый терранский кактус. Макферсон оскалился, всхлипнул и выговорил:

– Нет. Не устроит.

Лилен пожала плечами.

– Но я все равно хочу, чтобы ты поехала, – сказал Майк.

Заухала ночная птица. Лучились крупные терранские звезды.

– О-кей, – сказала Лилен.

В детстве Лилен от дома до гнезда на дереве носили нукты – минут за двадцать; могли и быстрее, но берегли всадницу. Отчаянный Майк шел сюда часа три, петляя по ночному лесу. Он вымок от росы и пота, потом замерз, несколько раз упал, исцарапался насмерть, был с головы до ног искусан мошкой и дико устал. Прочти Лилен о чем таком в романе про любовь – восхитилась бы преданным парнем. Но Майка ей даже не хотелось жалеть.

Она много раз пыталась проникнуться к нему хоть какими-нибудь чувствами. Ей это даже удавалось – ощутить благодарность, нежность, умиление, словно над щенком... лишь до того, как она снова видела Майка вблизи.

Съемки. Еще он нравился ей на съемках, – злой, безжалостный, в ауре ясного необыденного огня. Но он не умел быть таким всегда, и оттого повседневный Майк казался еще противней. «Почему к его мозгам не прилагается нормальная внешность?», – с тоской думала Лилен, но тут же мелькала мысль, что даже если Макферсон пострижется, подкачается и вправит уши, быть с ним она все равно не сможет.

Подсознание. Физиология.

...Он как-то спросил, откуда взялось ее имя. Лилен машинально ответила «Не знаю».

– У тебя оба родителя немцы, и ты не знаешь, почему тебя зовут Лили Марлен? – изумился Майк.

– Мама хотела назвать меня Лили, а папа – Марлен. Вот и все, – сказала Лилен и мрачно добавила, – я плохо говорю по-немецки.

– Я знаю немецкий, итальянский, французский, испанский, основной нкхварный и прим-лаэчно, – улыбнулся Макферсон.

– А я говорю по-русски, – отрезала Лили Марлен. – Второй родной.

– Заслуживает уважения, – согласился Майк; непонятно, с подначкой или всерьез.

И вдруг запел. Голос был тихий и глухой, но чистый. Макферсон в детстве ходил в музыкальную школу и имел привычку импровизировать на рояле блюз, когда размышлял. Из слов Лилен понимала едва половину, только припев повторялся и не оставлял сомнений.

Deine Schritte kennt sie,
Deinen zieren Gang
Alle Abend brennt sie,
Doch mich verga? sie lang
Und sollte mir ein Leids gescheh'n
Wer wird bei der Lanterne stehen

Mit dir Lili Marleen.

«Моя Лили Марлен...»

Лили Марлен смотрела на светящееся изнутри лицо Майка, и ей было противно.

В нем горел огонь не той природы. Он был гений, а она хотела – война.

Дельта ждал. Он чувствовал, что Лилен новоприбывший не по вкусу. Девушке стоило допустить единственную мысль, и Макферсона ждала бы незавидная участь. Никаких лишних соображений у Дельты не имелось.

– Обратно дойдешь? – хмуро спросила Лилен.

– Дойду, – тихо сказал Майк.

– Тьфу на тебя. По канату залезешь?.. А, Дельта!

Со спины Дельты он, конечно, едва не упал. Дельта зашипел в том смысле, что настолько мягкокожих самцов еще не встречал, и Лилен укоризненно насчет Дельты подумала. В помещении Макферсон все-таки очутился. Лилен вытащила из тюка еще одно одеяло и толкнула тюк Майку.

– Спи, – сказала она. – Тебя шатает. Завтра пойдем домой.

Ушли они ни свет ни заря, сквозь плотный туман. Майк чихал. На боли в мышцах не жаловался, хотя Лилен ощущала их физически. Нитокрис говорила, что ее телепатические способности только самую малость не дотягивают до отцов-

ских. Все километры Лилен отшагала на своих двоих. Она бы попросила нукту и пролетела весь путь наездницей дракона, цепляясь за выросты брони и затаив дыхание, но не могла бросить Майка, которому это наслаждение было недопустимо.

Договоренность, задуманную Лилен, они заключили. Игорь, мастер-семитерранин, возвращался через пару недель, и начинающая актриса собиралась выпросить у него содействие в получении уральской индикарты. Работа ее ждала.

Поселок, укутанный туманом и тишиной, казался призрачным. Распарывая шагами глухое беззвучие, двое прошли к коттеджу Вольфов, и Лилен протянула руку в браслетнике к замку.

Компьютер пискнул и моргнул синим.

Дверь была отперта.

Лилен пожалала плечами. «Подумаешь, забыли запереть, кому тут это надо, посреди питомника...» Вошла. Майк сопел ей в спину.

Вчера отец допоздна сидел за компьютером.

Он и сейчас за ним сидел, откинувшись на подголовник высокого кресла, открыв рот, уронив руки. Экран светился заставкой: сменялись фотографии маленькой Лили Марлен, молодой Янины, самого Дитриха в обнимку с женой, видов океана, терранских и земных цветов крупным планом...

Лилен через силу выдохнула. Заставила себя снова глот-

нуть воздух.

– Местра Янина, – прошептал Майк где-то в бесконечной дали. – Местра...

...Наверное, время было не такое уж позднее. Мама несла отцу поднос с чаем. И куском любимого молочного торта. Когда она упала, поднос оказался под ней. На слишком гладкой для пятидесяти лет коже Янины Вольф успел за прошедшие часы выделиться биопластик. Бледная пленка, точно тонкий полиэтилен.

Лилен долго стояла на коленях, глядя на лицо матери, полускрытое рассыпавшимися волосами; по-всегдашнему неподвижное лицо. Потом встала и деревянной походкой вышла на улицу. Туман стал похож на песок, в нем невозможно было дышать, но Лилен вдохнула поглубже, обернулась к лесу и закричала, – давясь рыданиями, мгновенно сорвав голос. Вопль пронесся над кронами, и далеко-далеко закачались деревья, когда из-под их сени поднялось, чернея в блеске рассвета, нечто ужасающее.

– Нитокрис!!

Глава третья. Дикий Порт

Хейальтаэ идет по коридору, пересекая зоны света и тени.

Огромные глаза подобны двум окнам в ночь, и так же полны звезд. Переливчатая пленка, стекающая с благородно узких плеч, тоньше очаровательного намека, брошенного мастером. Походка – как течение равнинной реки... несмотря на двойную против нормальной гравитацию этого проклятого мира, из-за которой он чувствует себя больным и уязвимым. У него хватает физической силы, по делам часто приходится бывать не только здесь, но и на трижды проклятой Цоосцефтес, и все же тело Хейальтаэ уже сейчас страстно желает возвращения на корабль.

Вопрос можно решить и без личной встречи, но Хейальтаэ вынужден принимать диктуемые условия.

Он в заведомо проигрышной позиции. Хотя бы оттого, что идет высказывать недовольство и гнев тому, кто выше его в иерархии, при этом опаздывает... вернее, подходит минута в минуту, в то время как этикет велит являться сюда с изрядным запасом времени. Он торопится, невольно припоминая все счета, которые выставляли друг другу когда-то его раса и раса хозяина этой планеты. Захлестывает страх; невозможно прогнать мысли о том, что должно стереть из памяти: от двадцатилетней давности сделок до последней операции консорциума «Аткааласт». Если это вынырнет из

небытия – поистине, лучше смерть.

Обмен веществ недопустимо ускоряется.

Что же, у Хейальтаэ достаточно опыта, чтоб и из этой позиции сыграть достойно.

Он – совершенство. Красавец, утонченный интеллеktуал и ценитель прекрасного, мастер игр и великий игрок. Глава седьмого высокого рода Лэтлаэк, министр, ученый и сердце-ед, корсар и любитель риска. Великолепный, достойный восхищения представитель расы, в основе психики которой – любопытство и игра.

Он лаэжно.

Случись Хейальтаэ разволноваться всерьез, его серая кожа начнет ровно фосфоресцировать. К этому идет дело, и презрение к себе отяжеляет душу корсара.

Он успевает к назначенному часу, входя в приемную тем же неспешным шагом. Несколько секунд ожидания, кивок секретарше из расы х'манков, и высокая золотистая дверь выпускает нечто, которое Хейальтаэ опознает как полномочного посла Цоосцефтес. Дверь мягко притворяется. У цаосц нет обычая приветствий, поэтому Хейальтаэ только провожает его взглядом, не поворачивая головы. Направление взгляда лаэжно способны отследить лишь сородичи; посол, ногастая дылда, не замечает внимания.

Хейальтаэ быстро прогоняет в голове информацию: официальное лицо на неофициальной планете, цаосц после х'манков больше всего страдают от пиратства, но, в отличие

от х'манков, имеют с него мало выгоды, поэтому последняя инициатива Начальника Порта встретила их горячую поддержку. Настолько горячую, что они готовы признать Дикий Порт государством до того, как прочие расы обсудят и примут решение, и в межцивилизационные договоры будут внесены коррективы.

Или не будут.

Это может стать большой ошибкой.

Пусть ошибаются цаосц.

Хейальтаэ входит в сердце Порта, малый конференц-зал главной резиденции пиратского короля.

Одна из стен зала целиком выполнена из стекла, и сейчас открывает вид на индустриальный рассвет. Свежая алость солнца озаряет лиловое небо Дикого Порта, в нем купаются звездные корабли всех космических рас галактики, и автомобили. Последние – преимущественно х'манкских моделей.

Начальник Порта сидит спиной к окну, черты его лица в тени почти неразличимы.

Он светлокож и светловолос, облачен в белое.

Он молчит.

Хейальтаэ внутренне стонет. Конечно, он не ожидал беседы наедине, он великолепно знает этикет Порта, истоки которого лежат в ритуальных играх самих лаэжно. Но он все же надеялся, что Начальник предпочтет манеру общения собственной расы. За спинкой кресла стоит заместитель, гово-

рящий от лица владыки... и с этим заместителем Хейальтаэ совсем не хочет играть. Официально не более чем глава охраны, в действительности тот – второе лицо на Порту, несмотря на то, что с некоторых пор представителей его расы не подпускают с высокими должностями. Вообще – никуда – не пускают. И как бы ни был привязан Начальник к своей личной армии, даже он не может ТАК оскорбить собственных сородичей...

Чего хотят х'манки, то нужно отдать быстро и с поклоном.

– Мы ожидали вас, почтеннейший Аتك-Этлаэк. – Первый заместитель щурит глаза, пылающие желтым огнем. Как бы он ни цедил слова, когда говорит, между губ все равно мелькают длинные лунно-белые острия. На фоне окна его фигура кажется черной, но в гриве играет свет, а бриллианты серег рассыпают непозволительно яркие блики. Рука заместителя лежит на спинке кресла, и агатовые когти слегка прихватывают обивку.

Хейальтаэ пытается не переводить взгляд ниже, туда, где недвижим в высоком кресле силуэт Начальника Порта.

– Мне был назначен прием, – говорит он.

– Мы ознакомились с заявлением и представленными документами. Увы, в них обнаружилось некоторые юридические неувязки.

Хейальтаэ складывает руки на груди. Водяная, колодезная мгла его глаз подергивается льдом. Искрится.

– Я требую объяснений.

Клыкит ррит сверкают в усмешке.

– Согласно действующему Праву Порта, ответчиком в экономическом иске может быть только юридическое лицо. Грузовая шхуна «Дикое яблоко», равно как ее капитан, таковым не является.

– Это не так, – уверенно и зло отвечает Хейальтаэ. – Судно принадлежит Айлэнд Инкорпорэйтэд, эта компания представлена на Порту концерном «Фанкаделик».

– Судно – собственность капитана, который является членом касты «кроликов». Он был нанят Айлэнд Инк, и четверо суток назад освобожден от контракта.

– Значит, я могу разделаться с ним сам?

– Можете. Если достанете его на Древней Земле. Этот счастливый х’манк отправился на родину, чтобы окончить там свои дни.

– Но это невозможно.

– Невозможно, – соглашается ррит, откидывая за спину длинные косы.

«Даже вы в свое время не смогли достать Землю, – злобно думает Хейальтаэ, – не то что юридически, а и физически...» Его злость беспомощна.

– В настоящий момент вырабатывается другое законодательство, соответствующее межцивилизационным конвенциям, – как бы между прочим сообщает ррит. – Если оно вступит в силу, мы удовлетворим ваш иск.

– Вне зависимости от действующих или не действующих

конвенций, вы обязаны разрешать конфликты между представителями разных рас, – наотмашь бьет Хейальтаэ. – Я нахожу, что такой конфликт возник и требую принятия мер!

Начальник Дикого Порта поднимает голову и смотрит на него. Узкие черные зрачки похожи на проколы в бледной синеве глаз. Немигающий взор. Хейальтаэ с ужасом осознает: это взор лаэкну, а не х’манка... Мелькает мысль, что сейчас ноги подломятся, и местная гравитация впечатает его в пол.

– Ваши претензии не имеют под собой оснований, – говорит Рихард Люнеманн. – Я вынужден отказать.

И умолкает.

«Проклятый х’манк!» – думает Хейальтаэ. От ярости его кожа сияет так, что им можно освещать улицу.

– Тем не менее, я, как представитель расы, испытываю неловкость из-за поведения своих сородичей, а как вышестоящее лицо – ответственность за ваше благополучие. Кроме того, любезнейший Хейальтаэ, мы с вами коллеги... и старые друзья, – Люнеманн улыбается, его взгляд снисходителен и лукав. – Поэтому я готов возместить вам ущерб из собственных средств. И закрыть глаза на кое-какие детали...

Он чуть подается вперед.

– Вы мой должник, Хейальтаэ, – доверительно говорит Начальник.

Лаэкну клонит голову к плечу. Уголок безгубого рта чуть вздрагивает.

При разном восприятии времени, при разной мимике под-

опечных рас – Люнеманн слишком долго просидел в своем кресле, чтобы не выучиться бегло читать по лицам.

Атк-Этлаэк, Мастер игр, растерян.

– Я не принимаю ваше предложение, – наконец, говорит он.

– Возражения не рассматриваются, – глядя в сторону, произносит ррит за спиной Начальника Порта. Вытягивает мускулистую руку в тяжелом браслете и резко выпускает коготь на указующем пальце. – Вы явились сюда за решением вопроса и возмещением ущерба, почтеннейший. Ущерб будет возмещен, решение принято. Вы неудовлетворены?

– Я неудовлетворен, – твердо произносит Хейальтаэ.

– Мы ни на шаг не отступили от Права Порта, – кивает ррит. – Мы искренне желаем присоединиться к межцивилизационному праву, но пока это невозможно.

Хейальтаэ опускает руки вдоль тела и откидывает голову. Сияние его кожи медленно гаснет. Люнеманн молчаливо улыбается. Наконец, лаэжно изящно копирует эту х’манкскую гримаску.

– Вы рассчитываете, что Анкай вновь предоставит дворец менкетаинри для саммита?

– Более того, я уверен, – низкий голос х’манка мелодично вибрирует.

Ррит, склонившись над креслом, неотрывно смотрит на хозяина. Тот слегка щурится.

И Хейальтаэ понимает, что дал им согласие.

Начальник Порты провожает взглядом удаляющуюся фигуру. Струящиеся одежды, сетка люминесцентных нитей поверх; слишком крупный череп, слишком тонкие и длинные руки – на взгляд х’манка лаэжно выглядят жутковато, похожи на человеческих детей, страдающих дистрофией. Но привычка заглушает инстинктивное отвращение: Рихард умеет видеть красоту по канонам любой расы. Хейальтаэ – истинное произведение искусства.

Люнеманн кладет ладони на край стола. У него крупные белые кисти с длинными пальцами и аккуратными ногтями; кончики пальцев чутки, как у слепого, хотя Рихард никогда не жаловался на зрение. Он кинестетик: чувство осязания развито у него сильнее, чем обычно случается у людей, и наслаждение миром приходит через прикосновения.

Он любит красивые вещи, но предпочитает подбирать их не по цветовой гамме, а по фактуре поверхности. Цвет не должен бросаться в глаза, и только; гладкость эмали, холод металла, разные сорта бархата и сукна, жемчуг, дерево, друзы кристаллов, чернь и скань, скульптура – этим Люнеманн балует себя, собирая фантастические интерьеры в покоях своих дворцов. Обстановка конференц-зала скромна, если не сказать – скучна, но и здесь, на огромном столе, пара-тройка безделушек радует его пальцы.

Раковина каури подставляет черепастью пятнистую спинку; холодная и твердая, она все еще хранит эхо сгинувшей

жизни.

Глава охраны наклоняется к плечу Люнеманна, и одна из его кос соскальзывает Рихарду на грудь. Волосы и кожа ррит излучают запах очень дорогих человеческих духов. Это неудивительно, если знать, что такое кемайл.

– Рихард, – спрашивает заместитель, – все в порядке?

И только тогда Люнеманн начинает смеяться. Безмятежно раскинувшись в грозном вольтеровском кресле, он хохочет со вкусом, с удовольствием, со знанием дела, как человек, всерьез намеренный заменять минутами смеха не дозволенные ему выходные и отпуска.

– Рихард? – от изумления в речи заместителя обостряется акцент, и имя звучит подобно рритскому – «Р'йиххард».

– Ты знаешь, что случилось на самом деле?

– На самом деле? – ррит встревожен. – Хейальтаэ представил ложные сведения?

– Он был вынужден. Он знал, что я прощу, – все еще со смехом произносит Рихард, сжимая пальцами переносицу.

– Я допустил просчет, – сокрушенно говорит заместитель. Люнеманн ловит его за косу, не позволяя выпрямиться.

– Я же сказал, что прощу, – Начальник Порты в превосходном настроении, он давно не был в настолько добром расположении духа. – Он Аتك-Этлаэк! Гроссмейстер! Он не может проигрывать недостойно! Представь Хейальтаэ ситуацию такой, какой она была на самом деле, его бы оплевали свои. И лишили титула.

– Понимаю. Но я должен был знать.

– Серокожий мог доверить такие интимные детали только мне, – кривит губы Рихард. – Хорошо. Ты знаешь, что еще в начале тысячелетия лаэжно напропалую нарушали конвенцию о невмешательстве.

– Они играли, – кивает ррит.

– О да. Они нас дразнили, – Люнеманн шуруется почти мечтательно. – И потом выплатили изрядную сумму за сокрытие неприятных сведений. Капитан «Дикого яблока» как раз перед отлетом на Землю случайно на эти сведения наткнулся. А поскольку он уже начал праздновать выход на пенсию, и к тому же был истинный «кролик Роджер», то решения принимал быстрые и жесткие. «Дикое яблоко» – «левиафан-7703L», тяжеленькое корытце. Капитан приметил на поле две рядом стоящие «тарелки», сел на них сверху и раздавил.

– Это была не случайность?

Рихард хмыкает.

– Никоим образом. Для Хейальтаэ и случайность унизительна, но неслучайность значит, что он проиграл игру, притом не личную и не родовую, а игру рас.

– Ты отпустил капитана.

– Он милейший человек. – Люнеманн осторожно, без стука, перекладывает раковину на стопку электронных листов. – Во сколько назначено Чиграковой?

– Еще четыре минуты.

– Но она уже ждет?

– Восемь минут.

Начальник Порта касается сенсорной панели и просит секретаршу пригласить.

Их трое, сестер-близнецов Чиграковых. Об этом знают немногие, и Начальник Порта – в их числе. Таисия, Ксения и Анастасия. Однажды Люнеманну довелось видеть всех вместе. Зрелище сродни джунглям Терры-3, гоночным трассам Маргариты или сафари на Фронтире с боевыми нуктами, но менее безопасно для наблюдателя. Втроем сестры представляют собой команду ксенологов-дипломатов, специализирующихся по экстремальным ситуациям и пограничным состояниям.

А еще они, дипломаты, представляют смутную и величавую громаду Седьмой Терры, окутанную туманом жесточайшей закрытости. Тайны влекут; Рихард предпочитает отметить все домыслы разом, чтобы не погрязнуть в них, ища истины. Но нельзя не признать, что три привлекательные, русоволосые и черноглазые женщины, находясь рядом, кажутся выведенными искусственно. И вовсе не из-за подчеркнутой похожести друг на друга...

Она сейчас одна. И просто хороша собой.

Ррит застывает черным силуэтом на фоне окна. Люнеманн кожей чувствует его беспокойство: ему не нравится Чигракова, он чувствует в ней странное, непривычное, то, чего нет в

прочих известных ему х'манках.

Рихард не видит причин для тревоги. Это семитерранка, и семитерранка из особых структур. В чем и заключается весь секрет.

– Местра?.. – любезно начинает он.

– Чигракова, – удивляется та. – Разве вы...

– Простите меня, местра, – сейчас Начальник как никогда похож на добродушного старика, – я все же хотел бы знать, с которой из вас разговариваю.

Она встряхивает кудряшками – милым детским жестом, демонстрируя, что тоже искушена в мастерстве масок.

– Анастасия.

...и все же они отличаются от жителей прочих колоний.

Никто не распознает сразу колониста со Второй или Восьмой Терры, но Седьмая, она же – Урал, накладывает на человека печать. Замкнутые, самоуверенные, остро чувствующие грань между своим и чужим, уральцы доброжелательно-холодны, но что-то в них до странности влечет к себе. То ли уверенность эта, непререкаемый дух победы, то ли проблеск тайны, загадочной семитерранской души, к которой никогда не будет допущен сторонний...

– Рад приветствовать, – Люнеманн поднимается, собственноручно отодвигает пару рядом стоящих стульев у левой стороны П-образного стола. Анастис не более чем связной, но и связной Урала многого стоит. Конференц-зал спланирован так, чтобы внушать посетителю должный трепет пе-

ред Начальником. Попытка внушить трепет Анастасии была бы глупа до несмешного.

Чигракова проходит непринужденно, смотрит по сторонам. Оформление зала сдержанно, но изящно и оригинально – излюбленные лаэчно люминесцентные нити, характерный для анкайи орнамент, зауженные формы цаосц, неожиданно смыкающиеся с земной готикой.

На стене слева, в затененной нише висит старинное трехмерное фото: юная, очень милостивая азиатка широко улыбается в камеру, растопырив пальцы у щек в двойном V-sign. На голове у нее красуется что-то невообразимое, настоящая фантазмагория, взрыв из бескомпромиссно торчащих прядей, выкрашенных во все цвета радуги и некоторые дополнительные.

– Вы заинтересованы? – бросает Люнеманн.

– В некоторой мере, – с обаятельным смущением улыбается Анастасия. – Такой забавный портрет в конференц-зале. Кто эта девушка?

Люнеманн выгибает бровь.

– Это не девушка, местра Чигракова. Это мой уважаемый предшественник на посту Начальника Порта, мастер Терадзава Сигэру. В возрасте семнадцати лет.

Анастасия останавливается.

...демонический старец, единым словом обрекавший на жизнь и смерть, железной рукой правивший преступным миром Галактики. Тот, чье вступление во Вторую космическую

войну предопределило ее исход...

– Чувствуете экзистенцию? – подняв палец, спрашивает Люнеманн, и улыбка мудреца нисходит на его губы.

– В вас можно влюбиться, – покачивая головой, смеется семитерранка.

– Как вы прямолинейны.

Она садится рядом.

Биопластиковый костюм на Начальнике Порта напрягается, схватывает тело упругим доспехом. Квазижизнь костюма не обладает даже подобием разума, а значит, приближение osobistки насторожило Люнеманна больше, чем кажется ему самому. Чигракова женственна, привлекательна, молода, это может обмануть рациональное восприятие, но подсознательно...

Улыбаясь Анастасии, отвечая дежурными комплиментами, Рихард прислушивается к себе. Он корсар и остался корсаром, на его счету сотня абордажных рейсов, тысяча тяжелых переговоров, и покушения на свою жизнь Люнеманн считает десятками. Его интуиция остра, как скальпель нейрохирурга.

О, Анастис хороша, дивно хороша и очень опасна.

Но не более.

Пластик теряет упругость.

– Перейдем к делу, – без лишней жесткости предлагает Рихард.

– Насколько я знаю, переговоры закончились ничем? – с

нотой участия спрашивает Чигракова.

– Это только начало, – пожимает плечами Люнеманн. – Я не надеялся на быстрый успех. И намерен продолжать работу в этом направлении.

– Я знакома с материалами саммита, – Анастасия на секунду умолкает, чтобы добавить, – как по-вашему, что в действительности стало причиной... неуспеха?

– Есть много причин.

– Я хотела бы услышать вашу версию событий.

Начальник Порта сплетает пальцы. Некоторое время разглядывает свои перстни. Он хорошо понимает: несмотря на «я» в устах Чиграковой, сейчас разговор идет с человеком по имени Иван Кхин, бессменным премьер-министром Урала.

– Эту планету колонизировали несколько тысяч лет назад, – говорит Люнеманн. Анастис изумленно вскидывает глаза: она не ожидала, что разговор начнется настолько издалека. Но особистка не прерывает Рихарда, и выслушивает с неослабным вниманием. – Чийенкее и лаэжно, по преимуществу. Вначале только как место, где можно передохнуть и отремонтироваться. Потом, естественно, пришла торговля... Никакая раса никогда не претендовала на присоединение Порта к своему Ареалу. Дикий Порт – отдушина. Место, куда можно сбежать. Место свободы. Такое место всегда должно быть.

Анастис кивает. Вид у нее сосредоточенный и спокойный.

– Государственность Порта создал лаэжно. Около трехсот

лет назад. Это был Яльнемаэ Аتك-Этлаэк Синна. До него начальники Порта всего лишь заведовали хозяйством, а правила на планете расовые концерны. Впрочем, тогда Порт был куда тише и малочисленней, чем сейчас... Местер Терадзава очень много сделал для укрепления власти. Но он совершил одну исключительно благородную ошибку, последствия которой я вынужден расхлебывать.

– Он вступил в войну, – заканчивает Чигракова.

– Он втянул в войну Порт, – жестко поправляет Люнеманн. – И Порт перестал быть беспристрастным ко всем. Прежде здесь забывали не только имя, но и расу. Авторитет на Порту зарабатывался заново каждым. Но люди выиграли Вторую космическую, и последствия...

– Вы – второй подряд человек во главе Порта, – едва слышно напоминает Чигракова.

– И это тоже, – признает Люнеманн. – И все же я думаю о своем государстве, а не о чужом. Поймите верно, я человек, и человечество – моя раса. Но Древняя Земля для меня – чужое государство. Агрессивное, могущественное, и не слишком доброжелательное.

Это наживка. Жирная, сладкая до оскомины. Но это не первая наживка, которую он бросает семитерранам.

Они уже приважены.

Возьмут.

Анастис сдержанно кивает.

– Но обстоятельства не могли сложиться иначе, – говорит

она, – ведь именно Порт сыграл ключевую роль в подготовке Второй войны. Хотя основные силы копились в Ареале чийенкее, главный штаб и учебные лагеря находились здесь.

В голосе Чиграковой парадоксальным образом нет осуждения.

– Поэтому после войны здесь началась травля ррит. Тех, кто уцелел. Я хорошо помню то время. Это было страшно даже по меркам Порта. – Люнеманн отрешен и строг. – А у местных жителей весьма крепкие нервы.

Анастис, не удержавшись, бросает короткий взгляд на люнеманнова заместителя. Тот стоит изваянием, скрестив руки на груди. На левой серьге дрожит ослепительный солнечный блик.

Чигракова мысленно отмечает, что про травлю чийенкее Начальник упомянуть забыл.

– Если доминирование Земли будет усиливаться, Порт просто исчезнет, – продолжает Рихард. – Он превратится в колонию и тихо угаснет, чтобы где-то возник еще один Порт. Колония в этом секторе никому не нужна. Но Дикий Порт нужен всем. Как идея и как ее воплощение.

– И вы намерены?..

– Я намерен сохранить Порт, выведя его на новую ступень эволюции. До сих пор в межцивилизационном праве космическое государство было синонимом расы. Порт представляет собой всерасовое государство фактически. Я хочу официального признания.

Семитерранка чуть нетерпеливо кивает.

– Я-то хочу услышать, что вам мешает.

– Мне – ничего, – Люнеманн вновь улыбается. – Вот, скажем, Айлэнду мешает «Фанкаделик».

– Но это филиал самой корпорации Айлэнда.

– Именно. Обладающий всеми свободами пиратского концерна. А индустрии Мэдизы Мэйсон мешают ррит.

Чигракова смотрит вопросительно.

– В случае внесения в межцивилизационное право соответствующих дополнений, – менторски повторяет Люнеманн прописные истины, – граждане Порта получают индикарты, зоной действия которых будет вся Галактика.

Семитерранка поднимает золотистые брови.

– В чем же проблема?

Люнеманн встает.

– Как вам известно, – тяжело роняет он, – в настоящее время расы ррит официально не существует.

Анастис на миг забывает о всякой этике и в упор смотрит на заместителя Начальника.

Ррит бесстрастнее статуи.

– Проблемы возникли и при обсуждении вопроса экстрадиции, – прежним деловым тоном продолжает Люнеманн. – Я твердо придерживаюсь мнения, что экстрадиция с Порта вообще недопустима. Иначе придется вручать чьему-то правосудию абсолютно всех. Начиная с меня.

Чигракова чуть улыбается.

– Я полагаю, это второстепенный вопрос.

– Вы правы. Но таких вопросов много. Не думайте, что проблемы возникают только у людей. Так всего лишь проще объяснять. Вот, скажем, пример на пальцах: двойные налоги. Тот же Фанкаделик передо мной безупречен. Но Айлэнд Инкорпорэйтэд должна платить Земле, и конкретно правительству Йории...

– Вы уходите от темы, – замечает особистка. – Вы начали с дипломатических проблем, и вдруг перешли на экономику.

– Первого не существует в отрыве от второго.

Оба выдерживают паузу. Обмениваются понимающими взглядами.

– Вы знаете, что Урал поддерживает вашу инициативу, – бархатно говорит Анастасия. – Наша стратегия остается прежней. Специалисты Седьмой Терры наметили несколько путей решения спорных вопросов, и хотели бы обговорить их с вашей командой.

– Конечно. В ближайшее время.

Люнеманн некоторое время сидит, прикрыв глаза, потом возвращается в кресло Начальника. Чигракова встает.

– Аудиенция закончена, – мягко произносит Люнеманн.

Анастис легко кланяется. Она немного разочарована: настоящий разговор придется отложить. Люнеманн бросает ей чуть снисходительный, почти отеческий взгляд.

Это малый конференц-зал главной резиденции. Пытаться

выгнать отсюда внешнюю разведку хотя бы одной из шести заинтересованных рас...

...просто невежливо.

Рихард смотрит на узкую спину молодой женщины. Кажется, это последняя мода, ее легкий плащ до пола и сверкающий серебряный пояс на бедрах... Золотисто-русые кудри мягко колышутся на черной коже плаща. Люнеманн сказал бы, что у Анастис походка танцовщицы, не знай он точно: это походка боевика.

Он откидывается на спинку кресла и закрывает глаза. Отдает мысленный приказ. Глухо постанывает, когда квазиживое вещество, обтекающее его тело невидимым скафандром, начинает разминать мышцы, поднимать тонус кожи, приводить в норму давление, стимулировать биотоки. Поистине, пластик стоит своей головокружительной стоимостью, недаром за него готовы платить еще и еще дороже. Из-за квазицитов, сырья для его производства, человечество не раз стояло на грани междоусобной войны.

И, похоже, снова движется к этой грани.

Начальнику Порта – шестьдесят. Двадцать лет назад он надел полный квазиживой костюм, намереваясь не расстаться с ним до самой смерти, и с тех пор физиологически постарел не более чем на пару лет. Но некоторых процессов не может отменить даже биопластик.

Двадцать лет назад Люнеманн был блондином.

Теперь он сед.

Размышления Начальника прерывает мелодичный сигнал. Рихард вынужден разлепить веки. Он бросает взгляд на часы: ровно два пополудни, как он и распорядился. Из сервис-центра. Можно пренебречь визуальной связью.

– Местер Люнеманн, – стерильная корректность интонаций напоминает голос компьютера, но Рихард знает, что с ним говорят лично. Не тот уровень. – Это Фирелли. Ваша яхта «Ирмгард» подготовлена к перелету. Мы уже вывели ее на площадку. По вашему указанию, зона пассажирских кораблей, альфа-сектор.

– Хорошо.

– Успешного перелета, местер Люнеманн.

Рихард перегибается через подлокотник, чтобы глянуть на своего заместителя. Тот смотрит в окно. Насмешливо поводит правым ухом, теребя височную косу.

– Отсюда видно, – вполголоса произносит ррит. – Похоже, проверка уже закончена... Оцепление встало.

Несчастливого местера Фирелли грызет совесть. Свойство странное для человека, всю сознательную жизнь проведшего на Диком Порту, но он многим обязан Рихарду, а чувство долгов – не абстрактного долга, именно долгов, весьма вещественных – очень развито у корсаров. И вот он, главный мастер сервис-центра, которому доверяет свои корабли сам Начальник, вынужден сотрудничать с врагами не только лично Люнеманна, но и всего Порта... У Фирелли семья, его взяли

на банальный шантаж. О том, что это известно Люнеманну в мельчайших деталях, он не знает. Жестоко, но так удобнее.

У Начальника Порта прекрасная, исключительно компетентная охрана, перекупить которую невозможно.

Ррит оборачивается к хозяину. Подходит ближе.

Если хорошим тоном считается не замечать наблюдения за конференц-залом, то на своем корабле Начальник этого терпеть не намерен. Все поставленные в сервис-центре «жучки» сняты.

– Завтра в одиннадцать, – повторяет Рихард, похлопывая по колену ладонью.

– Ты действительно хочешь лететь без охраны? – в который раз с неудовольствием спрашивает ррит. – Это опасно.

– Я полечу с охраной. Анастасия будет сопровождать меня.

– Она?!

Люнеманн усмехается.

– Если выразаться некорректно, то Чигракова – это подарок мне от Кхина. Лучший телохранитель. Не столько боевик, сколько документ. За подписью семитерранского триумвирата о том, что я их союзник...

Ррит недовольно встряхивает гривой, тяжелые косы хлещут по плечам.

– Это дразнит Землю.

– Вот и хорошо.

– Р'иххард.

– Если мне нужен будет твой совет, я попрошу, – обрывает Люнеманн.

Ррит молча склоняет голову. Начальник Порта хмыкает и дружески касается плеча главы охраны.

– На сегодня ты свободен.

Тот недоволен; в желтых глазах тень тревоги. Недоволен, что посвящен в детали, но не знает общего замысла, встревожен тем, как неосмотрителен х'манк, какому риску готов подвергнуться ради осуществления своих планов... Забота ррит о хозяйской безопасности небескорыстна, но Рихарду это даже нравится. «Я знаю его двадцать лет, – думает он. – Я знаю, что означает каждый завиток чернения на его броне, каждая коса, каждый камень в браслетах...»

– До завтра, – на человеческий манер говорит первый заместитель. Сами ррит не здороваются и не прощаются, у них очень острое обоняние, и настолько простые понятия выражаются оттенками запахов, а не словами.

– Станешь следить? – добродушно усмехается Рихард.

– Если ты не прикажешь иначе.

– В одиннадцать будь на яхте. Я отдам кое-какие распоряжения.

Ррит кивает. Этот приказ его радует. Покидает зал он стремительно и бесшумно, точно золотой призрак.

Начальник Порта остается один.

...грива вздыбливается прежде, чем удастся определить

коснувшийся ноздрей запах. Легкое, почти приятное колотье течет по спине вниз, заставляя мышцы встряхнуться. Под кожей вздуваются мускульные бугры, и когти вылетают из пальцев рук, потянувшихся к священным ножам.

Шорох.

Тени.

Тени могут не издавать звуков и скрыться с глаз, но не издавать запаха не способны. И запах этот, слабым облачком втекающий в ноздри воина, заставляет его ощутить нечто, близкое чувству жалости.

Слабы, больны и бесстрашны.

Первый нож мечет еще не он сам – отточенный рефлекс, заставивший выгнуться, сделать кувырок назад, запачкавшись пылью, и еще один в высоком прыжке, пока три сияющих лезвия, теплых от ненависти, проносятся мимо, чтобы бессильно, но грозно прозвенеть, падая.

Враг оседает на колени, мутными глазами встречая холодный золотой прищур атакованного. Нож потерян, но не впускаю – чужие руки цепенеющими от боли пальцами обхватывают рукоятку – лезвие глубоко ушло в плоть.

В левое сердце.

Воин резко падает и откатывается, предоставляя второму из промахнувшихся реветь от ярости. Теперь у него один нож, об этом нельзя забывать. Выдернуть лезвие из чужого тела? – не успеть, есть риск получить от раненого удар когтями, левое сердце не главное: не смертельная, пусть и тяже-

лая, рана.

...уклон, нырок и – назад, разводя руки в крылатом ударе, любимом приеме наставника – тому выпало погибнуть, так не вкусив вражеской крови – в горло когтями, выпущенными до предела. Мгновение кажется, что сейчас останешься без когтей, но тяжелое тело врага, падая, становится тушей. Даже величайшему из бойцов не драться с разорванной шеей.

Прыжок.

Отсюда, с гремящей гаражной крыши, можно посмотреть и задуматься. Противников трое. Тому, что ближе всех, потребуется не меньше секунды для нападения.

Забудь, забудь, что это твои братья, что людей во вселенной не более миллиона, что над головой солнце чужого мира. Пятеро на одного – стало быть, радуйся, воин, ибо тебя признают вождем ревнители древней чести.

«Я не хотел. Видит небо, я не хотел. Я не дразнил их».

Еще прыжок, вперед, с расчетом на сшибку, и встретившись в воздухе, визжа и рыча, переплетенные тела падают вниз. Вернее, визжит нападавший, пока воин вкушает его кровь, молча сжимая клыки на горле.

Двое.

Тот, с ножом в сердце, по-прежнему, стоя на коленях, смотрит. Взгляд мутен, но в нем не только боль и жесточечие.

Воин небрежно прядает ушами, выпрямляясь. Звенят серьги. Двое оставшихся припадают к земле, глухо рыча. Им

недостаточно доказательств. Возможно, так; но, возможно, почетная смерть в бою желанна их истерзанным душам...

Добрую тысячу лет будущего вождя предупреждали о нападении. Порой ритуал проводили его же сторонники, и тогда достаточно было легкой раны, даже царапины от когтя, чтобы нападающий свидетельствовал о мощи вождя – словами, а не собственной смертью.

Но это не ритуал.

Это попытка убить – так, чтобы даже твои друзья почти-точно склонили головы перед твоими врагами.

Неудачная попытка.

Воин поднимает с земли чужой нож. Оскаливается. Его волосы заплетены в косы, и кос этих больше, чем у любого из атакующих, мертвого или живого.

Тот из противников, что крупнее, прыгает – по-звериному, из упора на четыре конечности. Он выше атакуемого едва ли не на две головы, но воин без малейшего сомнения выбрасывает вперед руки с ножами – и подымает врага в воздух, насаженного на клинки. Издаёт торжествующий клич, глядя в глаза оставшемуся.

И последний прижимает уши, свидетельствуя, что узрел мощь.

– Л’тхарна аххар Суриши аи Р’харта! – провозглашает Эскши аххар Кьинши аи Р’хашья, примурлыкивая от удовольствия. – Ймерхаиррит! Ар-ха!

Цмайши рычит, тихо и страшно, без осмысленных слов, и показывает собравшимся широкую спину, пересеченную нитями костяных бус. Л'тхарна, резко выдохнув, отшвыривает еще живого противника и ударяет взглядом в затылок уходящей – главы женщин, великой старейшины. «Она, сестра моего отца, ненавидит меня».

Цмайши медлит.

Эскши отвечает старухе рычанием, куда более звонким и грозным. Наглым. Скалится во всю пасть, скорее в насмешку, чем в угрозу, и солнце блещет на ее молодых клыках.

Старейшина оборачивается.

Л'тхарна стоит, застывший как изваяние, обоняя жгучий аромат крови и страха. Смотрит на соперничество женщин. Не воину вмешиваться в это. «Эскши, мать моего выводка, верю твоей мудрой дерзости». Кровь с ножа капает в пыль. Чужой клинок давно брошен. С плеча к запястью бежит ручеек крови. Л'тхарна удивляется, что не чувствует раны, и через мгновение понимает: волосы тяжелы от влаги жизни врага.

– Ймерх-ай! – говорит Суриши, мать, негромко и хрипло. «Великий отец».

И Л'тхарну сотрясает дрожь.

Он обводит взглядом место битвы – полу-дорогу, полу-пустырь между домами кланов. Что за тень застила глаза? Казалось, нет никого, кроме врагов... Да здесь не меньше

двух сотен человек, и четверть из них – женщины. И пятеро женщин – из совета.

«Они думали посрамить меня и разнести весть об этом».

Эскши беззвучно смеется. Д'йирхва, «второе лезвие», припав на четвереньки, скалится одобрительно. Мать и сестра сидят истуканами, но мать произнесла именование, и значит, все же решилась пойти против великой старейшины.

Л'тхарна двигается с места. Подойдя к коленопреклоненному М'рхенгле, он вырывает из его груди нож и перетекает за спину вечного ненавистника. За волосы, вздернуть голову, приложить лезвие к горлу, дав ощутить его холод...

– Резать? – мурлычет он.

Обоняние говорит, что у М'рхенглы вся кровь прилила к голове, он ничего не видит, и ноги с руками у него трясутся в такт вспоротому левому сердцу.

Пасть врага открывается, но горлом идет кровь, и нельзя разобрать слов.

Л'тхарна выпрямляется и толкает М'рхенглу коленом. Тот мешком валится вперед, в песок, и из-под тела начинает растекаться кроваво-черная лужа.

Не умрет. Это только левое сердце.

Начать с того, что им не стоило вспоминать, кем был зачат во чреве Суриши выводок Л'тхарны. «Аи Р'харта!» Им не стоило вспоминать, потому что это свидетельствовало об ущербности их ума.

Сторонники древней чести. Ар-ха. Они находили великими воинами тех, кто обратился в пепел под бомбами х'манков, и тех, кого сожрали нукты, и прочих, обретших подобную смерть. Так много доблести, столь достойные судьбы.

В действительности у них была только Цмайши, старая, сама ставшая хитрой точно х'манк за все те годы, когда человеческая колония на Диком Порту существовала благодаря ей. Сестра Р'харты, которой, по слухам, побаивался когда-то сам грозный брат. Наверяд ли юной она мечтала о таких заслугах, какие обрела после поражения, но она была одной из тех, кто поднимал человечество из праха.

Лишь ради того, чтобы сжечь последние силы в новой войне.

Древняя честь. Пора бы понять, что от нее остались лишь старые кости.

Тогда, за два дня до нападения, совет мужчин бушевал, а Л'тхарна сидел неподвижно, прикрыв глаза, и думал о Р'йиххарде. О том, долго бы длились споры, намерься Р'йиххард, могущественный х'манк, изменить слову, данному Л'тхарне. Изменить слову и вновь ввести патрулирование над колонией, вернуть орудия в гнезда по периметру, отнять у людей индикарты... М'рхенгла, малоумный, у тебя есть индикарта? Она дана х'манком, ну же, избавься от такого позора!

– ...тысячи поколений героев! – завершал тот свою речь, и Л'тхарна должен был отвечать.

– Что проку в славе твоих прадедов? – медленно сказал

он тогда, глядя прямо перед собой. – Чего стоят теперь их победы? Где их добыча, где их оружие? Обращены в прах – и это лучшая из судеб. Что до худшей... знаешь, что есть у х’манков такое слово – «музей»?

– Ты знаешь все х’манковские слова, без сомнения, – плюнул М’рхенгла. – Как же иначе ты поймешь, что тебе велят? Х’манк будет недоволен таким глупым человеком. Л’тхарна аи Р’харта! Вспомни о нем, о твоём отце! Он любил х’манков, о да, за их кости, белые и гладкие!

Зрачки сына Р’харты стали двумя вертикальными чертами в море кипящего золота. Он резко выпустил когти и снова втянул, но в прочем остался невозмутим.

– Мой отец носил украшения из костей х’манков, – тяжело проговорил Л’тхарна. – Он доблестно проиграл войну, торжественно погиб и с честью погубил человечество, положив конец нашей власти в Галактике. Я не намерен уподобляться моему отцу.

– Кому же ты желаешь уподобиться? – насмешливо спросил М’рхенгла.

– А ты не заботься об этом, – низко прорычал Л’тхарна. – Не заботься. Достаточно, что я позабочусь о мясе для женщин и для детей. Я позабочусь о мясе и стали, о малоумный, и о спокойном небе, и о многих вещах, которые не вместятся в твой разум. В моих мыслях х’манки и люди, Хманкан и Кадара, а в твоих только груды старых костей, из которых ни одну ты не добыл сам.

М'рхенгла зарычал, обнажив клыки и подавшись вперед.

«Теперь у него только два сердца».

– Двадцать девять, о клинок в моих ножнах, их двадцать девять, – урчит Д'йирхва, переплетая волосы Л'тхарны в соответствии с числом его почетных побед.

– Ты заслуживаешь любого почета! – с наслаждением говорит Эскши.

Л'тхарна бы не отказался сейчас посмотреть на своих детей. Но в этом Эскши, увы, предпочитала следовать древним правилам. До инициации имени отца им не знать. Тем более теперь, когда он стал вождем не только на деле, но и на словах.

Д'йирхва заканчивает и сгребает его косы в горсть. Л'тхарна коротко взрывает, ноздри его нервно дрожат: собственные волосы неприятно пахнут чужой кровью. Он бы с удовольствием вымылся, но переплести косы следовало до того.

– Кровавоволосый, – говорит Д'йирхва, легко проводя кончиками когтей по его плечу. – Теперь мы словно наши отцы, ибо твой был вождем, а мой – его «вторым лезвием». Можешь укусить меня, если прогневаешься, но ты и впрямь точно воин древности.

– Помнишь, как это сказала моя мать? – напоминает Л'тхарна. – Ты был тогда рядом.

– Помню.

– Она полагала меня гордым, как воин древности.

– Пусть о твоих достоинствах скажут те, кто ест у тебя из рук, – недовольно цедит Эскши.

– Сегодня я одержал победу над теми, кто воистину был подобен воинам древности.

Эскши презрительно фыркает и выпрямляется во весь рост. Она в полтора раза выше Л'тхарны, и пусть намного уступает в росте старейшинам, заставшим еще времена процветания на родной Кадаре, но она не менее яростна, а в быстроте и ловкости никто не осмелится с ней состязаться.

– И ты заслуживаешь почета! – грохочет она. – Д'йирхва! уйди и дай мне искушать моего мужчину.

Д'йирхва смеется.

– Никакого почета, – отвечает Л'тхарна, глядя, как занавеси сходятся за соратником. – Я не видел выхода. Это не был честный поединок.

– Любой, кто видел, подтвердит!

– Эскши, мать моего выводка, вспомни, за пятнадцать лет ложилась ли ты спать голодной? Был ли день, в который ты не видела мяса? Знала ли ты унижение?

– Нет, отец моего выводка. Я правильно выбрала отца для новых людей.

Л'тхарна фыркает и оскаливается. Встает, расхаживает по широкому и пустому покою. Эскши, сидя на четвереньках, следит за ним искрящимися зеленоватыми глазами.

– Я брал мясо с руки х'манка, ты знала это и ела.

– Все ели. Многие ли из них были бы живы сейчас, отказавшись?

– М'рхенгла отказался. И последний раз он ел досыта на Кадаре, тридцать лет назад. Он только кажется сильнее меня. Все его нутро – сплошная болезнь.

– Зря ты его не убил.

– Слышу голос женщины, – Л'тхарна передергивает ушами. – Это постыдно.

– Убить слабого?!

– Он ослабел, храня древнюю честь. Он смел. Меня превознесли как победителя, а я не заслуживаю такой славы.

– Зато теперь станут говорить, что ты мягок сердцем.

– Я слышал о себе и худшие вещи.

– И все это – правда.

Л'тхарна останавливается, разворачивается к ней. Разлетаются косы, тяжелые серьги глухо брякают. Эскши пригибает голову, встречая его взгляд, но на ее губах нет и намека на гневный оскал, лишь понимание и горечь. Сын Р'харты молчит.

– Люди научились лгать, – говорит женщина. – Хорошо лгать. Но такую ложь смог бы измыслить только х'манк.

– Ты молчала пятнадцать лет.

– Я каждый день ела мясо.

– Молчи и дальше.

И он уходит. Эскши долго смотрит ему в спину, а потом на занавеси, сомкнувшиеся за ней. Отец ее выводка редкост-

но красив, в придачу ко всему прочему. У него волосы цвета артериальной крови, волосы сказочного убийцы. Второй мальчик приплода унаследовал их. Жаль, что не Уархши, девочка. Впрочем, этот ген может передаться потомству Уархши...

Разговоры о бесчестии ранят только мужчин. У Эскши свои, женские мысли. От легенд о Ш'райре до новейшей истории все, нарекаемые героями, ногами ходили по любой чести. Людей осталось так мало. Для женщины преступление – не продолжить в детях мудрость, доблесть и силу. Он великолепен, ее мужчина, Л'тхарна аххар Суриши аи Р'харта.

Анастасия, Анастис Чигракова, ксенолог-дипломат, представитель Урала на Диком Порту, танцует. Ночной клуб из разряда «only for humans», в элитном районе, но не фешенебельный: завязывание знакомств с нужными людьми – это работа, а сейчас Анастис просто хочет повеселиться.

...он удивительно похож на нее саму, и первый взгляд притягивает именно этим. Не так уж часто встречаются светловолосые люди с черными глазами. Но если у нее голова всего лишь русая, то волосы парня цветом напоминают люнеманнову гриву. Белые. И брови того же цвета. Анастис оглядывает танцора с головы до ног, и у нее делается сладко во рту. Бывают же такие красавцы... Анастасия – боевик, и в мужчинах ей нравится нежность.

На миг яркий луч озаряет лицо – тонкое, эльфийское, ан-

гельское, со странно знакомыми чертами, – и она встречает дочерна-синий взгляд из-под снежных ресниц...

Это похоже на сказку. На мечту девчонки-подростка. В полутьме, на дне океана отблесков, звуков, движений, в толчее брошенных условностей, в цветном, пока еще не слишком пьяном тумане, под клубами дыма – от табака, тий-пай и акары, – в призрачном искусственном свете к тебе подходит истинный ангел.

«Смерти», – иронизирует Чигракова и чуть улыбается: скорее она сама может выступить в этой роли.

– Привет, – говорит она в ритме танца.

– Привет... – прекрасный юноша улыбается, и что-то внутри уже тает, сладко трепещет...

– Я Настя, – она чувствует себя школьницей на первой дискотеке. – А тебя как зовут?

Молчаливая, ласковая улыбка в ответ. Он поднимает руки над головой, сцепляет в замок – полы рубашки распахиваются, открывая сухощавое, гибкое, в меру накачанное тело. Серебряная гривна на шее. Подвеска сползла за плечо.

– Ты кто? – настороженно смеется Анастис.

– Я синий птиц, – медленным полупшепотом, прорезающим грохот музыки, отвечает ангел, встряхивая белыми перьями волос, – приношу счастье...

– Ты к нему не лезь, – скучно замечает над ухом чей-то бас. – Не видишь, он упыханный в жопу?

Анастис подавляет желание врезать локтем в брюхо на-

висшему за ее спиной бугаю, и одновременно в великом изумлении опознает голос.

– Шеверинский?!

– Ну, – грустно говорит Шеверинский, пока Чигракова новыми глазами смотрит на «ангела».

– Димка! – смех и разочарование, – я тебя не узнала. Богатым будешь. Ну вы даете, люди. Мир тесен, а? Надо же было во всей галактике...

И вдруг она понимает, что Васильев не слышит ее неловких шуток.

Он ее даже не видит.

– Я же тебе сказал, он упыханный, – вздыхает Шеверинский и берет ее под локоть. – Пойдем, поговорим, что ли...

Анастасия послушно идет.

– Вот сижу тут, – Шеверинский обводит рукой столик, угол с какой-то невнятной вазой, край барной стойки. Танцпол отсюда далеко, но хорошо виден. – Остохренело знаешь как? Даже поговорить не с кем.

– Как не с кем? – изумляется Анастис, садясь. – Вы же с Димкой так дружили всегда...

– Эта мразь жрет водку, курит акару и устраивает фейерверки, – почти без гнева сообщает Шеверинский. – У него сердце не пашет, а он акару курит. Он себя загнать хочет.

Разрываясь между вопросами «а что с ним?» и «а вы двое куда смотрите?!», Анастасия чувствует, что большего изумления в нее просто не вместится. Она со школы помнит Ди-

мочку, тонкого-звонкого, умного и делового, самоуверенного, избалованного вниманием, вечно в компании амбала Шеве­ринского и серой мышки Ленки. На самом деле мозго­вым центром у этих троих всегда работал Шеве­ринский, при взгляде на которого не скажешь, что у него вообще есть ка­кие-то мозги, но Васильев делал команде лицо, и лицо это было – спасайтесь, девушки.

– А где же ваша Ленка? – наконец, спрашивает Анастис.

– В отпуске.

– Как в отпуске? Вы здесь, а она в отпуске?!

– Ее Алентипална отпустила, – тихо говорит Шеве­ринский. – Она замуж выходит.

И все становится ясно.

– За Полетаева? – только уточняет Анастис.

– За него. Димыч совсем с катушек... того. Вот гово­рят, между прочим, что в хорошей тройке обязательно будет один придурок, так смотри, вон он, сволочь...

– Кто говорит?

– Алентипална.

– А у них троих кто придурок? Или они исключение?

– Борода у них придурок.

– С ума сошел! – таращит глаза Чигракова.

– А что? Он просто очень умный. Просто нечеловечески умный мужик. А так, когда они моложе были, Батя ему каж­дую неделю рыло чистил... – уныло пожимает плечами Ше­ве­ринский. – Да и хрен с ними! Они счастливые люди...

Следующие полчаса Анастасия сидит и слушает Шеве-ринского. Потому что тому очень нужно, чтобы его выслу-шали. Потому что большому страшному человеку тяжело. Он горюет. Он жалуется на того, кто ему ближе брата, доро-же друга, с кем ничего, ну ничегошеньки нельзя поделаться – на рёхнутого Синего Птица.

– Так уведи его отсюда! – наконец, конструктивно предла-гает Чигракова. – Запри, на цепь посади! Ты что, не можешь?

– Что я с ним сделаю?! – Шеве-ринский подсакивает на месте. – У тебя что, корректора никогда не было? Иди, по-дойди к нему, увидишь, что будет... Думаешь, чего я тут си-жу? – с внезапной тоской спрашивает он. – Думаешь, я сле-жу, чтоб его никто не обидел? Я слежу, чтоб он никого не обидел! Я раньше не сидел. Не люблю я такие места. Один только раз пришел посмотреть, где это он ошивается. Смот-рю, а он убивает...

– То есть как убивает?!

– Легко... Ты посмотри на него! – внезапно срывается Ше-веринский. – На что он похож! Вихляется тут, обкуренный, расстегнутый весь... К нему мужики клеятся! Бабы так пря-мо на танцполе готовы дать. А это парень, который любит единственную девчонку на свете. И до смерти будет ее лю-бить...

– Как убивает, Север? – очень тихо спрашивает Анастис, и кодовое имя заставляет Шеве-ринского вздрогнуть и пону-риться.

– Он женщин ласково отодвигает, – отвечает гигант, выстукивая что-то пальцами на столешнице. – Ну, мигрень у нее сделается, зуб заболит. А мужиков он убивал. Раньше. А чем они виноваты? На нем же большими буквами написано: «Трахни меня»... Так вот, я пришел первый раз, вижу, Димыч с каким-то парнем танцует. Думаю: елы-палы, неужели гей? Ну, с виду может, и похож, но он же так девок всегда любил. И Ленка, опять же... Я ж не понимал тогда, что он вообще ничего не видит. Ну вот.

Шеверинский бросает короткий взгляд туда, где медитативно покачивается закрывший глаза Синий Птиц. «Бедный Север», – думает Анастис.

– Вот, – косноязычно повторяет умнейший Север. – Тот его и поил, и акарой угощал. Потом целовать полез. А Димыч очнулся слегка, видимо, и давай свое.

– Что – свое?

– Я Синий Птиц, – размеренно, глядя в сторону, выговаривает Шеверинский, и мороз подирает по коже. – Приношу Счастье...

И замолкает.

– И чего?

– Тот чего-то залопотал в ответ... и вдруг его рвать начало. Аж скрутило. Димыч встал себе и пошел в сортир брюки отчищать, а у того судороги. Пока сообразили, пока кто-то чего-то делать начал... в общем, помер мужик. Захлебнулся. Насмерть.

– Ни хрена себе... И сколько он так?

– Я его поймал, по морде дал, говорю – ты скольким уже смерть спел, падла? Молчи-ит... – Шеверинский ложится грудью на стол и утыкается лицом в скрещенные руки. Чигракова сидит и смотрит на него, чувствуя себя выбитой из колеи.

– К Бороде его надо, – в сердцах говорит она. – На кушеточку. Пусть полечит. Зря, что ли, великий душевед?

– А он только что от Бороды, – безнадежно бросает Шеверинский. – Нас поэтому и послали сюда, без Ленки... Борода сказал, он нормальный. Просто ему очень плохо.

Анастис сутулится и смотрит в сторону Васильева. Почти со страхом.

У Начальника Порта есть небольшая, дорогостоящая, вполне достойная человека его положения слабость. Он интересуется яхтенным спортом. Разумеется, не водным, это слишком сложно и далеко от его основной деятельности.

Малые суда стали страстью Рихарда еще во времена корсарства, когда интерес был во многом утилитарным. Он следит за новинками, хотя меняет яхты нечасто. Со времен «Элизы», последнего заатмосферника и последнего корабля, который участвовал в настоящем деле, сменилось четыре корабля. Рихард дает им женские имена и помнит все. «Кримхильда», «Лотта», «Ева», и вот – «Ирмгард».

«Элиза» была верной боевой подругой, нетребовательной

и надежной. Рихард не смог убить ее, распилив на металл. Старая шхуна по-прежнему на орбите планеты, спящая, но готовая проснуться и служить вновь. «Кримхильда» оказалась покорной смиренницей, – он пользовался ею, но так и не смог по-настоящему ощутить ее. «Лотта», буйная возлюбленная, валькирия, едва не предала хозяина во время локальной войны между «Фанкаделик» и «Аткааласт», и Рихард поторопился избавиться от нее. «Ева» была горячей, но скучной, Люнеманн оставался с ней недолго. Начальника Порты принято благодарить за исполнение обязанностей, и когда Айлэнд подарил ему одну из двенадцати эксклюзивных яхт, сконструированных его инженерами по специальному заказу, дикарка «Ирмгард» быстро завоевала сердце Начальника Порты.

Произнесенное вслух «в одиннадцать» в действительности означает «девять тридцать». В одиннадцать явится Чигракова, а этот разговор не для нее. Рихард, прикрыв глаза, полулежит в низком кресле; он кажется дремлющим, но Л'тхарна знает, что мозг его работает сейчас на полную мощность. Салон освещен лишь несколькими бра. Голографический экран висит над стеклянной столешницей, отражаясь в ней и в фарфоре кофейной чашки перед Люнеманном. На экране – документ. Приказ Начальника Порты.

Л'тхарна сидит напротив Рихарда, механически царапая когтем браслет. Он не может не думать о том, насколько рискован этот приказ, и как тяжело будет его исполнять.

– Твое доверие мне радостно, Р’йиххард, – неуверенно говорит вождь людей, – но все же... Я мог бы вести «Ирмгард». Не покидать ее.

– Я лечу на Терру-без-номера, – отвечает х’манк. – Это почти сердце Ареала человечества. Даже я не могу привезти тебя туда. И там, Л’тхарна, ты все равно не мог бы меня защитить. А здесь – можешь.

– Как?

– Защищая мои интересы, – усмехается х’манк. – Ты единственный, в ком я совершенно уверен... А чем, кстати, вчера занималась Чигракова?

– Сейчас уже едет сюда, – отчитывается ррит, пропуская косы между пальцами. – Все время провела в районе only for humans... Тамошней агентуре я не могу доверять вполне, камеры покрывают не все пространство.

– Безразлично.

– Некоторое время гуляла по розничным рядам. Покупала украшения. Четыре раза предлагали подделки. Не взяла. Потом до трех ночи танцевала в клубах. «Серебряный блюз», «Локус», под конец «Америка» при одноименной гостинице. Там переночевала.

Рихард хмыкает. Однако, семитерранка выбирала недурные места. Интересно, сколько ей платит Урал? Перекупать ее так же неразумно, как и пугать, но все же...

– Кто она? – со скрытой тревогой спрашивает Л’тхарна. – Ты сказал, подарок...

Люнеманн смеется.

– Анастис вообще девица не подарок, а в особенности – от Кхина. Триумвират не раздаривается своими особистами.

– Они следят за тобой.

– Конечно. Но пока наши цели совпадают, я спокойно могу доверить им свою безопасность.

«И они корректны», – про себя добавляет Рихард, отдавая уральцам дань. Прислать в качестве своего представителя и наблюдателя красавицу-эскортистку с их стороны очень любезно.

– Для меня будут особые указания? – вполголоса спрашивает Л’тхарна.

– Да. – Люнеманн отпивает кофе. – С Цоосцефтес до сих пор не было проблем. Следи, чтобы они и не возникли. Сделка по продаже северного завода не должна состояться. Покупатель – только прикрытие «Фанкаделик», а меня эта контора уже злит. По возможности поддерживай лаэчно, но не «Аткааласт», а «Атк-Таэр».

– Понимаю.

– Ничего особенного, – чуть улыбается Рихард. – Уверен, ты в курсе дел.

Ррит опускает лицо.

– Я не смею выпытывать твои мысли.

И впервые улыбка достигает глаз Начальника Порта.

– Все будет хорошо.

В верхнем углу экрана открыто окно, в котором идет за-

пись внешней камеры. Чигракова, улыбающаяся и свежая, с туристической сумкой через плечо, идет через взлетную площадку к «Ирмгард».

– Новый пассажир поднимается на борт, – чеканит компьютер яхты.

На несколько секунд Рихард задумывается о том, откуда у его кораблей берутся характеры. Почему стандартные интонации бортовых компьютеров даже при полной идентичности тембров нельзя спутать. Конечно, на машинах стоит блокировка, спонтанное возникновение искусственного интеллекта невозможно, но вдруг – лазейка?..

Л'тхарна встает.

Рихард тоже готовится встать, ища глазами золотые кудри семитерранки или ее блестящий пояс.

– Новый пассажир поднимается на борт, – зачем-то повторяет «Ирмгард».

И, опередив Анастасию, пред очи Люнеманна является еще одно действующее лицо. Вернее, врывается, оглашая каюту в изрядной мере напускной злостью:

– Достали меня уже твои твари! Какого хрена?! Там они, здесь они... они уже у меня индикарту требуют! – взывает лицо. – У меня! Ты мне вот что скажи – какого хрена у меня там до сих пор написано, что я Кнехт? Какой я, к чертовой бабушке, Кнехт? Я, слава яйцам, пока еще Люнеманн!

Рихард, облокотившись о стол, пристроив чисто выбритый подбородок на сплетенные пальцы, добродушно щурит-

ся в его сторону.

В проеме поднимается Чигракова, слегка ошарашенная таким поворотом дел. Рихард ловит ее взгляд и ободрительно подмигивает.

– Разрешите представить, милая местра, – флегматично говорит Начальник Порта. – Местер Гуго, мой младший брат. Гуго, местра Анастис.

– И здесь эта морда?! – гневно орет Гуго в ответ.

Выражение лица Анастасии не поддается описанию.

Люнеманн-старший едва сдерживает смех: братец, расвирепев и, невзирая на раннюю пору, уже слегка выпив, не слушает Рихарда и не замечает девушки у себя за спиной.

– Не волнуйтесь, местра Чигракова, – бархатным голосом объясняет Л'тхарна, глумливо наставив уши торчком, – это мне.

– Блевать меня тянет от твоей хари!

Л'тхарна невозмутимо приподнимает верхнюю губу, демонстрируя клыки.

– Мы с ним как двуликий Янус, – куртуазно объясняет Рихард Анастасии. – Люнеманн ксенофильствующий и Люнеманн ксенофобствующий...

Гуго бурчит что-то про двуликий анус.

– Фу, Гуго, – говорит старший брат. – Здесь дама!

Родственник уставляется на него исподлобья.

Правый глаз буяна изжелта-сер и многоопытен, а левый светится чистой младенческой синевой. Это неспроста: лет

тридцать назад левый глаз Гуго Люнеманна был утрачен последним при героических обстоятельствах, и вот чудотворцы Седьмой Терры вырастили его заново.

– Глаз видит? – заботливо спрашивает старший брат.

– Искусственный лучше видел.

– Еще бы, – хмыкает Рихард. – Там-то была наводка на резкость...

– Собачье дерьмо!

– Если не нравится, могу выбить, – по-братски предлагает корсар.

Гуго заходится хохотом.

– Мало мне своих нкхва, еще и у тебя юморок! – и внешне делается смертельно серьезен.

– Рихард! – хмуро говорит он. – Объясни мне вот что. Я прилетаю весь в мыле. У меня есть что тебе сказать и это серьезно. Я прилетаю и узнаю, что ты уже месяц, оказывается, планируешь сегодня отбыть! А я об этом ни сном, ни духом!

Начальник Порты обреченно закрывает глаза. Братья Люнеманны всегда работали отдельно. Мало кому могло прийти в голову, что джентльмен Рихард Ариец и бандит Одноглазый Гу состоят в близком родстве. Иногда это оказывалось полезно... но почти всегда – неприятно.

Сейчас – в особенности.

– Гуго, – сухо спрашивает мастер Люнеманн, – а почему я должен тебе докладывать?

«Почему ты не сподобился явиться хоть на пять минут

раньше? – таится за этой сухостью. – Сколько раз мне повторить, что разговаривать сейчас нельзя? Здесь женщина, посмотри на нее, вспомни, что я не вожу с собой шлюх!»

Но Гуго корсар из корсаров. И закончит как истый корсар – спившись...

– А почему я всегда думаю о твоей выгоде, Рихард? – ярится он. – А тебе на меня срать?

– Гуго, разуй глаза, коли теперь уж их у тебя две штуки. Здесь дама.

– Да посрать мне на твою девку!

Чигракова усмежается. Она понимает, что Начальника злит не грубость брата, и даже не то, в каком свете перед ней выставляет Рихарда дикарь Гуго.

– Дерьмо, дерьмо! – вдруг шипит Гуго и начинает ожесточенно тереть синий глаз. – Эта сволочь еще и чешется, как... дерьмо!

Рихард вздыхает.

– Вы наверняка забыли про капли, местер Гуго, – мягко встревает из угла Анастасия.

– Гуго, ты привез с Урала капли?

– Какие, к дьяволу, капли?! Водку я оттуда привез, – рявкает Гуго, продолжая страдать. – У меня полный корабль русской водки!

– Болван.

Так же внезапно Гуго прекращает шуметь и дергаться. Складывает руки на коленях. Разные глаза часто смаргива-

ют, и вид у свирепого пирата почти испуганный.

– Рих, – шепотом говорит он. – Я уже неделю... не могу. Я не алкоголик, ты же знаешь. Ну... пока не алкоголик. Но это точно. Я не могу. Спать не могу, есть не могу. Мне страшно...

– *Delirium tremens*, – сталь звенит в голосе Рихарда, но мысль: «Только этого не хватало...» – проносится, полная почти отеческой грусти.

– Я же сказал, я не алкоголик! – взвизгивает Гуго. – Эти суки промыли мне мозги!!

«Было бы что промывать», – отчетливо, хором думают Рихард и Анастис.

– Ты бы видел его бороду! – свистящим шепотом выговаривает Гуго, ежась. – Он черт, Рих, говорю тебе, черт! Я лежу под лампой в фиксаторах, а он ходит! Ходит!

– И смотрит? – ледяным голосом уточняет Рихард.

– Ну.

– Так ты, значит, закупил водки?

– «Белый Кремль», строго для внутреннего потребления, – гордо докладывает Люнеманн-младший. – Алмаз жидкий! Рихард! Я ее не пил! Он знал, что я Люнеманн! Борода!

– Прямо так и сказал – «я, Гуго, знаю, что ты Люнеманн»?

– А вы не местера Ценковича имеете в виду? – снова улыбочиво журчит из угла Анастасия.

– Ну да, – злобно косится Гуго. – Ценкович.

– Как вы догадались? – поднимает лицо Начальник Порта.

– Чисто случайно, – Чигракова пожимает плечами, на лице у нее написано, что ситуация стала ясна и незанимательна. – У местера Ценковича неповторимая борода. И он, как министр здравоохранения, вполне мог бывать в центре, где лечился ваш уважаемый брат, любезнейший местер Рихард. Элия Наумович обладает фантастической харизмой, и порой... – она неопределенно разводит руками, – может показаться странным.

«...его спяну перепугаться можно», – сообщает выгнутая бровь особистки. Люнеманн-старший убирает за ухо прядь волос, подтягивает к себе листок одноразовой электронной бумаги, перекидывает на него документ с экрана. «Однако, – думает Рихард, – плотно же они за меня взялись». Он слегка ошарашен. Братцем Гуго интересовался один из членов семитерранского триумvirата.

– Хорошо, – резюмирует он, обменявшись с Л'тхарной скольльзящим взглядом, – надеюсь, я уделил тебе достаточно внимания, Гуго. К твоему сведению, «Ирмгард» должна была подняться десять минут назад. Я все понял. Не задерживай меня больше.

– Когда ты вернешься?

– Не знаю. Если у тебя дело к Начальнику Порта, то мое кресло не пустует.

– В каком смысле? – буркает Гуго.

Рихард безмятежно допивает кофе.

– Я помогу вам решить возникшие проблемы, – урчит

ррит. Пламенеющие глаза сужаются, зрачки сходятся в нить и словно истаивают в золотой лаве. Л'тхарна улыбается на х'манкский манер: обнажая лишь мелкие передние резцы, а не весь набор белых лезвий.

Рихард косится на Анастасию. Вид у той немного насто-роженный, но она явно любит картину.

Ррит красивы.

Люнеманн-младший оторопело таращит глаза.

Наконец, до него доходит.

– Ты его!.. – без голоса шипит Гуго, – его! Это... умордие! Оставляешь – в своем – кресле?!

– Гуго, – нежно отвечает Люнеманн-старший, – я люблю тебя, брат мой. Но если ты делом ли, словом, хоть мыслью помешаешь Л'тхарне работать, учти: я официально разрешил ему тебя убить.

Глава четвертая.

Заклятие крейсера

– Как я вас, тварей, люблю! – восторженно сообщил Лакки блистающему в яром величии рритскому командиру. – Это ж словами не передать!

Патрик дернулся, по коже подрал мороз.

И вдруг – отпустило. «Йиррма Ш'райра» еще не получил этой секунды записи, Т'нерхма еще смеялся, и «Миннесоту» по-прежнему уносило навстречу гибели, но Джек излучал в пространство посыл: в присутствии Лакки бояться можно только его.

Никого и ничего больше.

– Киса! – нежно продолжал ужасный Лэнгсон; и вновь делалась заметна едва уловимая схожесть морды ррит с кошачьей, и над этим можно было улыбнуться, даже зная, что тебя вскоре убьют. – Слушай сюда! Ты едримый фелиноид, а я бешеный примат!

Счастливчик радовался по-своему.

Маунг Маунг смотрел на него искоса, светло улыбаясь чужой улыбкой. Из тьмы его взгляда пела пустота. От этого Патрику могло бы стать страшно, не стой между ним и Кхином веселый Лакки.

Вот – командир.

За ним. Да, – за Родину, маму, жену, и во имя Земли.

Но прежде всего – за ним.

В дверях, совершенно загородив проем саженным разворотом плеч, воздвигся Крайс.

– А я злобный гоминид, – с готовностью предложил он вариант, взирая на Лакки почти влюбленно.

– Это ты гоминид, а я примат, – гордо отвечивал Лэнгсон, не оборачиваясь. – Я боевой макак! Макак-агрессор, улучшенная модель. Слышишь, киса, я люблю тебя! Так люблю, что порву нахрен!

– Ну все, – вслух подумал Крайс. – Лакки поперло.

– Я ведь такой! Я убью и съем!

Ррит недоуменно склонил голову набок – видимо, услышав через переводчик, или просто узрев Джека с первой репликой. Толстая височная коса скользнула по выпуклым пластинам нагрудной брони. Ухо дрогнуло, и затрепетали кости пальцев руки-серьги.

– Иди ко мне! – страстно воззвал Лэнгсон. – Я почешу тебе за ушком!

Ррит недовольно тряхнул гривой, повернулся к кому-то, – и связь оборвалась.

Джек, как замороженный, смотрел в опустевший экран. Маунг думал о своем. Точнее, он не думал вовсе, принимая взявшееся откуда-то знание и следя лишь за тем, чтобы вовремя дышать. Тело отказывалось исполнять даже безусловные рефлексy.

Нет тревоги, нет шелухи страха, только легкая, звонкая ясность и строка Дхаммапады: «Того, кто смотрит на мир, как смотрят на пузырь, как смотрят на мираж, того не видит царь смерти».

Сансара иллюзорна. Что проще, что естественней замены одного миража на другой?

Лэнгсон стоял перед капитанским экраном, не позволяя бояться, вселяя уверенность, делясь силой, которую стягивал в себя непонятно откуда – из другого измерения, из пустоты... Он был словно вольфрамовая нить в лампе накаливания. Маунг почти физически видел, как в мускулах, нервах, жилах Счастливики бродит энергия, готовая выйти взрывом.

Но этого недостаточно.

...Неведомая сила стиснула Джеку виски и заставила повернуть голову. Повернуть – и встретиться глазами с первым пилотом.

Там, внутри взгляда Маунг Маунга, было очень тихо и холодно.

За Крайсом уже толпились опоздавшие к концерту, спрашивали, что стряслось. Алек Морески из-за чего-то сцепился с Патриком, и они ругались некрасиво и глупо. Еще секунд десять, прежде чем вспомнят, что нужно общекорабельную боеготовность и врача капитану...

– Я так понял, ходовая сдохла? – больше прогневался, чем спросил Лакки.

Маунг молча кивнул.

– Вы двое! – тут же рявкнул Лэнгсон. – Переход в боевой режим! Вызов бортинженеру, вызов техникам, пусть пляшут с бубном! Чтоб поехало!

О’Доннелл звучно клацнул зубами, и тихо зашипел, прикусив себе щеку изнутри. Маунг с наслаждением подчинился Лакки. Вызвал сенсорную панель, тронул пару светящихся нервов. Зазвучали тихие предупреждения Иренэ. Старший офицер и глазом не моргнул, слыша, как командование кораблем в его присутствии принимает сержант-десантник...

Впрочем, такой ерундой Лакки заниматься не собирался. «Позовите Никас!» – как раз проснулся Морески, и Джек аккуратно продолжил, – «Не надо ее звать».

Возражать ему казалось немислимым.

– Все равно потом надо будет капитана тащить в медотсек, – совершенно спокойно объяснил Джек. – Так что я отнесу. Крайс, Шон, бегом. Боеготовность.

Погодил немного, пока Крайс сметет собой прочих явившихся, и вышел следом за ним, бережно держа обморочного Карреру.

Наконец, двери в рубку сомкнулись.

Лакки покрутил башкой, перекинул капитана через плечо и вразвалочку побежал по коридору. Толстяк Карреру сползал, да еще копошился, шумно сопя. Жить хотел.

Джек фыркнул.

А недурен был броник на кошачьем командарме, ой недурен. Что ж хуманам свои яйцеголовые таких никак не придумают? Разным экзоскелетам сто лет в обед, конечно, но все дерьмо, с рритским доспехом рядом положить стыдно... Лэнгсон зарился не на блеск, он хорошо представлял себе уровень рритских технологий и знал, какое воздействие на организм дает столь допотопно, на человеческий взгляд, выглядящая броня.

Ррит и без того превосходят людей по всем физическим параметрам, а в этой красоте...

Твари. Кошки драные.

«Они не знают, на что нарвались», – злорадно подумал Джек.

И остановился.

Счастливчик не верил ни в бога, ни в черта, ни в «Миллениум Фалкон». Он знал, что есть Птица: если ее обнять, успокоить и попросить, то она споет тебе жизнь. Но Айфиджениа и так успела замучить себя вконец – страданиями над занюханной Кей-эль-джей, кудахтаньем над коматозным пацаном, еще икс знает какой ерундой, а ей сейчас надо будет объяснять, что рухнула ходовая, что впереди се-ренкхра, и если Ифе не удастся спеть жизнь, то все просто сохнут.

Героями, более-менее.

Если вдобавок доложить ей про визуальный контакт и вручить помирающего капитана, Птица сойдет с ума от тревоги – это во-первых. А во-вторых, она не сможет оставить

его без помощи. Что много хуже. Ладно если только засунет в реанимашку, но если ради этой дубины она схватит гитару – а она может, она его очень уж уважает... майор Никас образцовый офицер, будет действовать как положено, и поставит капитана на ноги.

Чтобы через час его зарезали как свинью.

И хрен бы с ним. Дороже собственной шкуры Лакки только шкурка Ифе. Вместе с черными перышками. «Миннесоте» нужно чудо, а уставшей, перепуганной, изнервничавшейся Птице на чудо может не хватить сил.

«Если ты Птица, – подумал Лакки, – то сиди на высокой ветке и не смотри вниз!»

Отволочь Карреру в его каюту и пусть валяется там? Когда Джека будут расстреливать, он даже не придумает, что сказать в свое оправдание.

Лэнгсон хмыкнул. Он решил. В сущности, он решил уже давно.

Счастливчик стряхнул Карреру с плеча на пол и стал на четвереньки, заглядывая капитану в лицо.

Голова у Ано шла кругом. Он осуществлял визуальный контакт с противником, выполнял свой долг, был на высоте... вдруг все исчезло, пошло мутью, как в мучительном гриппозном сне, и он оказался дома. Иренэ что-то говорила нежным голосом, музыкальной собственностью инструмента. Тихо ходила рядом, и Карреру чувствовал, как от доче-

ри пахнет косметикой; сам он дремал на диване и пытался вспомнить, почему у него дома оказался сержант Лэнгсон. Сочетание Иренэ и Лакки ему смутно не нравилось, но Ано очень устал, трудно было даже думать об этом, не то что протестовать... потом Джек подошел ближе.

Смотри сейчас на Лакки кто-то сторонний, его бы охватил ужас. Рубцы налились красным, широчайшая улыбка волчьим весельем растянула изуродованное лицо. Белые зубы блестели. Веки раздвинулись, открывая радужку целиком – та, светлая до прозрачности, схваченная черным кольцом по внешнему краю, горела раскаленным металлом.

Ано не чувствовал ужаса. Только покой и покорность. Он видел глаза Лэнгсона – умные, ясные, университетские какие-то глаза...

– Сдохни уже нахрен, – обыденно велел Джек.

Выждал пару секунд. Потом встал и взвалил труп на плечо.

Черная Птица била крыльями – в теплом серебряном горле рождалась песня.

В медотсеке по-прежнему стояла тишь. На экранах ломались разноцветные линии, что-то монотонно пикало, тушкой лежал в углу малолетний эвакуант, быв бледнее, чем наклепленные на него пластыри с датчиками. Ифе сидела за столом и смешивала какое-то зелье, нахохленная, сосредоточенная. Когда Джек вошел, она сметала в горку просыпанный поро-

шок, рассерженно шипя себе под нос. Не заметила его.

Айфиджениа, конечно, слышала тревогу и испугалась до дрожи, но в рубку не понеслась. В соответствии с уставом она находилась на посту. Джек вдруг представил себе Ифешкольницу, маленькую правильную девочку, отличницу-замухрышку, незаметную и несмелую. Слабо затомило в груди.

Черная Птица.

Военный врач.

– Ифе, – тихо позвал Лакки.

– Джек! – вскрикнула она, обернувшись, и вскочила. Рвалась медичка не к сержанту, разумеется, а к капитану; Лэнгсон свалил того на ближайшую койку и сухо сказал:

– Все.

Айфиджениа подлетела и резко прижала пальцы к шее Карреру, ловя пульс.

– Сердце не выдержало, – рискнул предположить Лакки. Она отмахнулась свободной рукой, не глядя.

Джек вздохнул. Сказал негромко, без малейшей иронии: «*Requiem aeternam dona eis, Domine*». Ифе яростно на него воззрилась.

– Раздень его, – приказала. – Быстро. Сейчас я реанимашку заведу!.. – тут же побежала заводить. Лакки проводил ее тоскливым взглядом. Руки у медички дрожали, стеклянная дверь лекарственного шкафчика зазвенела, когда она сунулась его отпирать; звук вплелся в глухой гул реанимационного комплекса, тестирующего себя самое.

– Et lux perpetua luceat eis, – задумчиво продолжал Джек, глядя на Айфиджению. – Et ad te omnis caro veniet...

– Сейчас!.. – сообщила Ифе, щелкая ногтем по игле шприца. – Я его вытащу!

И кинулась к мертвецу.

Лэнгсон поймал ее за лацканы и притянул к себе.

– Нахрен его! – ласково сказал он Птице, глядя сверху вниз в бледное личико. – Нас вытаскивай, дура!

Она разок трепыхнулась в его руках, и замерла.

– Что?

– Ходовая нае... – Джек смолк, поправился и продолжал уже с оглядкой на птицын разум, – двигатели отказали у нас, майор Никас. И смотрим мы носом в «большую свиту», а там «Йиррма Ш'райра», там «Рхая М'йардре», там черт с рогами. И «Шторм» нас кинул. Нас часа через три достанут. Может, расстреляют, а может, и руками зарежут. Для своего удовольствия.

Ифе замерла. Распахнула и без того большие глаза до неправдоподобной, кукольной ширины.

И повисла на Лакки.

Уцепилась за него так, словно он был единственным спасением. Джек облизнул губы: неприятно, унизительно было понимать, что в действительности точно наоборот.

– Ну... чего... – проямлил он и торопливо подытожил, – беда, в общем.

Птица всхлипнула – беспомощно, жалко.

Джек растерялся. Он честно старался рассказать как можно короче и спокойней, так, как представлял себе сухое изложение информации. Виделось: вот Айфиджениа часто заморгает, она всегда так делает, когда на нее находит решимость. Закусит губу и пойдет в свой закуток за гитарой. А вернется уже – Черной Птицей, кого не стыдно бояться даже самому Лакки.

Но Птица прижималась к нему, запрокинув голову и открыв рот, растрепанная, бледная, с покрасневшим глазом, несчастная и беззащитная.

Безмолвная.

«Да что же делать с тобой?!»

В рубке Маунг Кхин провел по лицу ладонью. Повторил изречение Гаутамы, и оно рассыпалось в его мыслях ледяной солью.

«Смотрит...»

«...царь смерти».

Алек Морески, принявший командование кораблем, сощуренными глазами изучал трехмерную карту, которая устаревала с каждой секундой. Судя по данным последнего сканирования, рритские корабли не собирались вести огонь. Хищники по происхождению, ррит любили живую охоту. «Миннесота» была добычей забавной и легкой. Их возьмут на бордаж и убьют руками.

Патрик О’Доннелл развалился в кресле, заложив руки за

голову.

Несмотря на очевидность будущего, все трое ощущали безмятежный покой.

Джек стоял столбом и пытался сообразить, что сделать с Птицей. Что вообще делать, когда нельзя приказывать и пугать, и глумиться нельзя, и сальность какую-нибудь вякнуть для смеха, и за шкуру взять-потрясти нельзя... только – успокаивать, уговаривать, просить.

Он погладил женщину по голове, и Ифе ткнулась лицом ему в грудь. К мучительной нежности примешивалось другое, странноватое чувство; словно бы чужое, но идущее изнутри: «Я – сила. Я сталь, свирепость и свет, энергия Ян; я мужчина, способный убить. Направляй же, приказывай, распоряжайся; как вручить тебе мощь, не причинив вреда?..»

Лакки медленно опустился на колени, по-прежнему обнимая Айфиджению. Наклонил голову к плечу, глянул снизу в полускрытое рассыпавшимися волосами личико. «Когда я умру, – подумал он медленно и отчетливо, словно произносился вслух, – Птица унесет мою душу себе в гнездо. На самую высокую ветку, высоко над миром. Где ветер».

Ифе сглотнула. Он видел, как чуть дрогнули, шевельнулись нежные связки, хрящики серебряного горла. Пусть всякий нож затупится о него. «Унеси нас, Птица».

Холодные пальцы коснулись его щек. Провели по доли-

нам между шрамами, взъерошили серые волосы, от висков огладили книзу... Джек бережно взял Ифе за руки и, закрыв глаза, начал целовать, отогревая дыханием – пальцы, ладони, синие жилки на изнанке запястий, маленькие птичьи косточки. Ледышка моя, зимний соловушка...

– Помоги нам, – сказал он, – всем. Пожалуйста.

Под его губами ее пальцы дрогнули и напряглись. Лакки, не размыкая век, потянулся к Айфиджени.

– Ну я-то... – задыхаясь от слез, прошептала она, – я-то что?.. могу...

«Да».

...отлегло от сердца, и стало, наконец, можно открыть глаза и заглянуть ей в лицо.

– А ты песню спой, – сказал Джек, – как ты умеешь, – и ободряюще улыбнулся.

Птица моргнула. Отстранилась.

– Спою.

– Я тебе нужен? – шепотом спросил Лакки, прекрасно зная ответ.

– Нет, Джек.

Лэнгсон подавил вздох. Он все еще сидел на полу, на подогнутых коленях. Черная Птица стояла перед ним. Тонкие пальцы держали гитару за гриф, как за ошейник держат опасную, но ручную тварь.

Полуопущены ресницы, нежные по-детски губы сомкну-

ты. Она не более чем воплощение стихии. И как стихия, ужа-сающая и светла.

– Ну, я пошел, – буркнул Джек, поднимаясь. Невыносимо хотелось остаться и сидеть истуканом, глядя на нее, слушая ее, ощущая...

Птица молча кивнула.

Проводив Джека, Айфиджениа уселась на койку, подальше от тела Карреру, и пристроила инструмент на колени.

Она плохо играла. У нее были слишком маленькие и слабые для гитаристки руки; роскошь удара, буйный ритм под компанейскую песню, многоголосное сплетение переливов – не для нее. Только простые аккорды, мелодии, короткие арпеджио... Она и петь-то не умела толком, Черная Птица Ифе, тихоголосая, с коротким дыханием. Это неважно. Она могла бы сидеть и молчать, и все. Петь казалось удобнее, потому что впервые у нее получилось, когда она пела.

Айфиджениа потрогала струны. Только потрогала, ничего больше; нейлоновые, слабого натяжения, единственные, на которых она могла играть...

Не единственные.

...эти струны, они светятся холодным цветным огнем, как химический факел. Их много. Их страшно трогать: они всегда разные, и тянутся неизвестно куда. Зажать в ладони и потянуть – могут поддаться, могут разрезать тебя на части. Сыграть на них, услышать звук и изменить неслышимую гармонию...

Ифе взяла аккорд и поморщилась – басовая струна спустила. Пока она подкручивала колок, на ум пришла первая строка. Обычно их бывало шесть-восемь, но эта музыка должна была получиться длинной и сложной, послать вибрацию тысяче разных струн. Не только близким, светящимся, но и самым глубоким, толстым, словно канаты, словно тысяче-летние деревья, скрытым во тьме...

– Ладья моя солнце стремится свой упрямый бег, – тихо сказала Айфиджениа.

Она чувствовала, что сможет.

И тогда искристая, теплая, звездно-золотая волна подхватила ее и понесла.

Венди Вильямс, экстрим-оператор, затягивала защитный костюм, сидя на Фафнире. Создавая драконов, Природа использовала более экономичные технологии, чем для земной фауны: у великолепного живого оружия не было ни жира, ни крупных мышц. Сжавшись в комок, четырехметровая тварь занимала удивительно мало места.

Фафнир безропотно изображал табуретку. Даже встревожившись и перепугавшись, не шевельнулся. Зато подругу его чувства точно ошпарили, заставив подскочить и завертеть головой.

– Укололась? – хмыкнул Эванс. Ни у кого в голове не укладывалось, что на утыканном шипами драконе можно с комфортом сидеть.

– Иди на... – сказала Венди. – Фафнир чего-то учуял.

– Так он же как сидел так и сидит.

– Ему велено – он сидит.

– Откуда ты знаешь, какие у него мысли?

– Я оператор, кретин, – выдохнула Венди и согнулась в три погибели, поправляя шнуровку на икрах. Фафнир поднял голову: тихо засвистел, застучал хвостом по стене. – Знаю. Драконы мыслями разговаривают.

– А чего он свистит тогда? – не унимался Эванс.

– От страха.

– Что, уже абордаж? – почти без напряжения спросил Крайс.

Оператор дернула плечом.

– Фафнир драки не боится. И о стыковке докладывал бы компьютер.

– А чего тогда?

Венди замерла, прислушиваясь то ли к тишине, то ли к мыслям дракона.

– Хрень какая-то происходит, – наконец, сказала она.

Смотри сейчас кто-то на майора Никас, увидел бы малорослую женщину тридцати двух лет отроду, которая за три часа до смерти решила спеть под гитару. В одиночестве, не считая общества спящего и мертвеца. Почти в темноте: в медотсеке светятся лишь несколько мониторов.

В рубке Кхина выгибает дугой, но до этого никому нет

дела. Морески и О’Доннелл неотрывно пялятся на экраны – там стараниями техников готовность двигателей к запуску колеблется от двух с половиной до четырех процентов.

Лакки в коридоре сползает по стенке.

Так грустно, так страшно, так зябко – Тери спит на тонкой радужной пелене, затянувшей поверхность небытия, капитан Ано смотрит на мальчика удивленными глазами – снизу, и на бескровное лицо его падает ледяная радуга...

Светят звезды.

Соловьиные долины далеко.

Проливают с неба зимы молоко.

Нетекучая вода —

реки сахарного льда

засыпают в колыбелях облаков...

Здесь тихо, здесь хорошо, и кажется, что певунья плутает без цели, выйдя к побережью Моря Нежности из страха и тьмы, но это не так – она знает, куда идет, что ищет, ей нужно подкрутить колок басовой струны и выправить строй.

Неописуемо далеко, под огненным рассветом Кадары, мира царствующего, владыка войны Р’харта нетерпеливо встряхивает гривой, заплетенной в тридцать семь кос. Он ожидает, когда установится связь с «Йиррма Ш’райрой», флагманом его драгоценности, его правого сердца и «второго лезвия», Т’нерхмы. Со связью разлад, и гнев томит главное сердце владыки, но в левом сердце его радость битв, а в пра-

вом – любовь, и потому он счастлив, как может быть счастлив воин.

Он вспоминает узор на доспехе Т'нерхмы – там герои легенд, Ш'райра и Л'йартха, сплетенные в поединке наполовину смертоубийственном, наполовину страстном; нет краше доспеха, нет краше его обладателя... и х'манки смешны владыке, и веселой игрой будет сражение у Ррит Айар, которую по глупости своей они нарекли Третьей Террой.

«Ймерх Ц'йирхта», собственный корабль владыки, ждет на орбите. Великолепнейший из великолепных, названный именем верховного бога мужчин, он достоин рук Р'харты, он прекрасен, как все, что окружает вождя воинов, и все же он – непарный клинок. Достаточно «Йиррма» со свитой охотился на суденышки х'манков, достаточно времени «второе лезвие» провел вдалеке. Пора стягивать войско для радости. Даже ничтожный ирхпа рассвирепеет, если умело его дразнить; мягкотелые х'манки в неистовстве, они рвутся к Айар большой стаей, и встреча обещает быть жаркой.

Т'нерхма нужен ему там.

«Отпускают в небо лучшую из звезд...» – шепчет слабая жалкая х'манка в полутьме медотсека, в маленьком уязвимом суденышке, трогая струну, и другую, и третью, роняя слова, как перья: «Поднимайся и сияй...»

В глазах темнеет, но Айфиджениа улыбается, допевая последние строки. Она слышит, как по-новому звучит мир.

Ей нравится эта песня.

...и наперерез се-ренкхре, отгораживая собой едва живую ракетноноску, на крейсерской скорости идет «AncientSun», прекрасный, как заря и любовь, первый из десяти близнецов-Тодесстернов, – сорвавшийся с лунных верфей, как с ветвей, еще незаконченный, достраиваясь на ходу, он идет! корабли сопровождения идут за ним, и перед ним, и по четыре стороны от него, ярая стая, ощеренная установками сверхсветового огня, и титанические мобильные доки, и вихри искр-истребителей. Сама Победа прокладывает ему курс.

«...Древнее Солнце!» – выкрикивает Ифе безмолвно, одними нервами, пересохшие губы не слушаются ее, но это уже неважно, потому что – все, она сделала все, что могла...

Адмирал Луговский ведет Первый ударный флот.

Морески уронил челюсть.

О’Доннелл сказал что-то на родном языке.

Маунг Кхин зажмурился и потер лоб. Его точно придавило сверху чем-то большим и тяжелым, но мягким: изнеможение и уют. Даже по сторонам смотреть не хотелось. Встать удалось бы лишь ценой сверхчеловеческих усилий. Впрочем, встать Кхин и не собирался. Мысли по-прежнему текли быстро и ясно: судя по курсу Первого флота, ремонтникам не составит труда поймать «Миннесоту» в грависеть и отправить в один из доков. Действий пилотов не потребуется еще несколько часов.

Опасность оставалась. Что мешало ррит атаковать раке-

тоносец, невзирая на приближение более мощного, опасного и достойного противника? Просто расстрелять, не тратя времени?

Но Маунг был уверен, что этого не произойдет.

Он полулежал, утопая в дремотной слабости, когда голоса Морески и второго пилота, по десятому разу обсуждавших чудеса в решете, рояли в кустах и тому подобное, стихли, и устав вновь был нарушен. «Лакки пришел», – ощущая достойную Белой Тары любовь ко всему миру, подумал Маунг.

– Ого! – сказал сержант. Кхин, не размыкая век, представил, как тот, ослабившись по обыкновению, читает показания сканеров через голову Морески, и Алеку даже в голову не приходит одернуть Лэнгсона, тем более – выставить из рубки... Маунг почти улыбнулся, услышав знакомый звук: Лакки грыз морковь.

– Сейчас очередное внеплановое закончится, – жизнерадостно сообщил Патрик. Он тоже был преисполнен симпатии к бытию в целом, включая морковь и сержантов.

– Ну-ну, – одобрил Лакки.

«А ведь он не удивлен, – подумал Маунг, – он и ждал чего-то подобного, похоже...»

Неожиданно первый пилот понял, что сам – тоже ждал. Несколько минут он чувствовал себя странно и нехорошо, а потом пришли безмятежная уверенность и покой. Увидев на экранах флагман Луговского, Кхин почувствовал облегчение и усталость, но не изумление, как второй или Морески.

Маунг думал о загадках человеческой психики, когда сканирование завершилось и координаты стали точнее.

Морески присвистнул.

Любопытство пересилило: Кхин открыл глаза, но первым делом все же глянул на сержанта. У Лакки был вид вернувшегося с приключений кота: дикий, но довольный.

– *Ite, missa est*, – сказал Джек Лэнгсон, глядясь в экран, и тем же тоном священника, отпускающего грехи, закончил, – идите нахрен, дети мои.

«Большая свита» меняла строй. Сканеры зафиксировали самое начало перегруппировки, но и по этим данным стало ясно: ритм уходит.

Уходят, даже не выстрелив.

– Ну вот, – обиделся Лакки. – Сваливают... Очко выиграло. А я ожерелье хотел!

– Какое ожерелье? – изумился Морески.

– Т'нерхмино, – объяснил сержант, ухмыляясь. – Форменное ожерелье командующего армией. За него знаешь сколько денег бы отвалили!

Морески закрыл глаза и помотал головой, не в силах определить словом как Джека, так и джеково отношение к миру.

Приближался «AncientSun».

В медотсеке, в полной темноте сидела Айфиджениа Никас, обняв гитару. Молча, неподвижно, в предельной усталости, и с одной стороны от нее был человек всего с половиной

жизни, а с другой – человек, который уже умер.

Струйка крови побежала из левой ноздри. Почти тотчас – из правой. Айфиджениа знала по опыту: после игры на ТЕХ струнах кровотечение могло продлиться много часов. Если без медикаментов. Поэтому нужно встать и затампонировать ноздри, и выпить кровоостанавливающего... Выше сил было даже поднять руку и вытереть ручеек, капающий на обечайку гитары.

Собратся. Положить гитару на пол. Прилечь. На пять минут. Потом встать и пойти за таблеткой. По пути проведать Тери. Только потом лечь... глаза закрывались, на разум ступала тьма, черные капли стекали по лазерным наклейкам на передней деке. Ифе, чудом сохраняя равновесие, сидела – с полуоткрытым окровавленным ртом, в глубоком обмороке.

Она пела жизнь и спела ее.

Глава пятая. Райские птицы

– Ты чего? – прошептал Майк, сгорбившись над девичьим плечом.

Он не кинулся сразу вслед за Лилен; Майк был шокирован, растерян, испуган, но с самого рождения внешние события касались его сознания только вскользь; перехватить дыхание и стиснуть сердце когтями могло лишь чувство, родившееся в самом Майке. Вдохновение, ярость, любовь.

Проще говоря, Макферсон отличался изрядной толстокожестью.

Удивительно, как быстро Лилен поверила в самое худшее. Он подумал, что сам на ее месте сначала попытался бы разбудить, прощупать пульс, проверить зрачки на реакцию... у местера Вольфа, конечно, потому что на местре Вольф био-пластик, а он не считает нужным отделяться от кожи еще спустя три часа после смерти.

Но Лилен рухнула разом в самую черную уверенность. Майк не знал, почему. Не знал, отчего так сразу и безоговорочно поверил. Что с этим делать, тоже не знал; он оказывался хорошим психологом там, где речь шла о достоверности актерской игры и теоретических выкладках, но за пределами игр был беспомощен.

Мучила неловкость. Майк очень любил Лилен, но не мог разделить ее чувства и не мог отстраниться, оставив с ними

наедине. Он уважал старших Вольфов с тех пор, как впервые о них услышал, и успел проникнуться к ним симпатией – но родителями они приходились Лилен.

Человеческая смерть вообще не вызывала у Майка сильных эмоций. Таким уж он уродился: у него отняли одни дары, чтобы заменить другими.

Лилен сидела на земле. Волосы закрывали лицо, падали на сложенные руки, и Майк ненавидел себя за то, что даже сейчас видит кадр.

– Ты чего? – повторил он и, не находя других слов, спросил: – Что значит – Нитокрис?

– Сам увидишь, – бесстрастно ответила Лилен. И вдруг заорала, – она должна была знать! Она не могла не знать! Это она допустила!

Майк обнял девушку – торопливо, бережно, словно нервного зверька, и Лилен чуть не отшвырнула его, резко вскочив. Обернулась в сторону пляжа.

– Проснулась, – яростно прошипела она. – Куда она смотрела?!

Майк моргал. Мало не видеть, он даже ничего не слышал. Нитокрис, если и приближалась, то приближалась бесшумно.

– Ну ладно, – почти спокойно сказала Лилен. – Час так час. – И, косо глянув на спутника, пояснила, – они спали. Проснулись, и теперь она кормит мелюзгу. Это для нее важнее.

– Нитокрис – Великая Мать? – трепеща, осмелился переспросить Майк.

– Где ты этой ерунды нахватался? – буркнула Лилен. – Самка и самка. Старая. А вот где Малыш? Он-то где был? Где Малыш?!

«Откуда ты знаешь, что делает Великая Мать?» – прыгнуло Майку на язык, но он, давясь любопытством, проглотил вопрос.

– А где он обычно бывает?

– Бегает, – неопределенно повела рукой девушка.

– Он мог далеко убежать?

– Только за кем-то.

– А ты не можешь его почувствовать? Как экстрим-оператор?

– Я же не мама!

– А следов нет?

– Мы их затоптали.

– Ну что ж, – со вздохом сказал Майк. – Остается поступить глупо. – И завопил во всю глотку: – Малыш!!

Лилен подпрыгнула.

Она услышала. Проклятый Майк, сообразивший поступить глупо. «Я просто одурела», – ревниво подумала Лилен, точно кто-то уличал ее в тупоумии.

Малыш звал. Уже давно. Звал хоть кого-нибудь, умоляя, жалуясь, плача – инстинкт гласил, что на этот зов, разъяренная, явится мать рода во главе своих мужей и детей; но един-

ственная принцесса этого дракона никогда не могла защитить его, а теперь не могла и утешить...

Лилен зачарованно побрела к нему.

В дом.

В залу, где с вечера сидел Дитрих Вольф, где сох ковер, на который Янина выронила полную чашку чая, а дисплей мерцал фотографиями цветов и скал.

Майк шагнул следом, неловкий, сопящий и ничтожный. Лилен спиной чувствовала, что режиссер думает, и думает не просто так – анализирует, собирает детали в пазл, решает задачу; она одновременно была благодарна ему за это и ненавидела его. В глубине души казалось противоестественным искать решение: его надо было почуять. Она чуяла – горлом, диафрагмой, маткой – но решить не могла.

Потом она увидела нукту.

Малыш вышел, постоял, глядя на нее, и пошатнулся. Майку невдомек, а Лилен не могла не заметить этого.

Ей вдруг стало так страшно, что потянуло лечь наземь и сжаться, обнять колени, в позе эмбриона... эмбриона-безутробы, рыхлого комочка, которому можно только умереть. Совсем, ужасно одна, в комнате, где лежат два мертвых человека, и эти тела когда-то были ее родителями, и даже Малыш, неуязвимый, невероятно опасный боец, идет и плачет по-своему, тихо, Майку ни за что не услышать, а у нее болит голова от этого плача...

Нет-нет-нет. Ну пожалуйста.

Лилен открыла глаза.

– Надо вызвать полицию, – сказал Майк.

Дальнейшее проходило мимо нее. Майк отвел ее в прихожую, усадил на стул, сказав, что все сделает сам. Позвонил в Джеймсон, в полицейский участок. Побежал по соседским домам. Вернулся. Ушел снова, деловитый, быстро обрабатывающий, уверенный. Лилен отрешенно думала, что только Майк, для которого кино было жизнью, а жизнь – кино, мог спокойно заниматься чем-то рядом с двумя... двумя бывшими живыми людьми...

Он забыл закрыть дверь в залу. Лилен боялась повернуть голову. Увидеть.

– Ребята?

«Тетя Анжела».

Та вошла, оглядываясь с озадаченным видом. Лилен смотрела тупо, сложив руки на коленях, как кукла.

– Что случилось?

– Тетя Анжела, – вырвалось невольно. – А ты не умерла?

Уже начинало казаться, что на всем свете остались только она и Майк. Лилен не видела, какими глазами уставилась на нее Анжела.

– Вы тут вопили... – наконец, выговорила та заготовленную фразу.

– Ну да, – сказала Лилен. – Мама умерла. Папа тоже. Малыш лежит идохнет. Майк думает. Нитокрис обещала прийти.

ти. Я уже совсем не знаю.

Анжела долго молчала. Потом опустила на корточки и заглянула ей в лицо.

– Лили, – сказала она, – с тобой все в порядке?

Лилен хихикнула.

– Что значит – умерли?

– А что это еще может значить?

– Оба?

Лилен молчала.

– Одновременно?

– Откуда я знаю...

В дверном проеме обнаружился Майк.

– Местра Мариненко, – бодро начал он, и Анжела приложила палец к губам.

– Местра Анжела, – шепнула она. – Потихе.

– Не трогайте ее, – с профессиональными интонациями посоветовал Майк. – Шок.

Анжела смерила его тяжелым взглядом. Они вместе прошли в залу, и Майк тихо, скоро отвечал на ее вопросы. Голова сливались в неровный гул. Лилен сомкнула веки. Во рту было сухо и вязко. Что-то дрожало в животе, и сердце болело...

– Лилен... Лилен! – Анжела грубо трясла ее, ухватив за плечи, – да очнись же! Вставай. Пойдем на кухню, я сделаю что-нибудь поесть, кофе, чаю сладкого... В доме есть шоколад? Майкл, помнишь, где мой дом? Иди смело, дверь не за-

перта, найди в столовой коробку конфет!

– Зачем? – тупо сказала Лилен.

– Ты должна прийти в себя, – отозвалась Анжела уже из коридора. – Прямо сейчас.

– Зачем?

– Понимаешь, – спокойно сказала ксенолог терранского питомника, – нужно поговорить с Малышом. Для начала. А кроме тебя это теперь сделать некому.

Лилен сидела, вяло жуя. Вкуса у еды не было, и проталкивалась в горло она с усилием, как картонная. Майк сидел напротив, смотрел блестящими глазами, часто моргал и с явным усилием думал, что сказать. Не находил.

Анжела стояла у дверей кухни, словно отгораживая собой то, что было вне этих четырех стен. Руки скрещены на груди, взгляд сух и сумрачен.

Они двое были живые. Жизнью веяло, точно ветерком в прогорклой, застоявшейся духоте, и Лилен чувствовала, как приходит в себя. Этого не хотелось. Так скоро. Нечестно. Она еще не оплакала, не отстрадала...

– Для начала, – вдруг сказала она, заставив Майка вздрогнуть, а Анжелу – податься вперед. – А что потом?

– Потом ты посмотришь на маму, папу и мамин биопластик и попробуешь что-нибудь почувствовать, – деревянным голосом ответила ксенолог.

– Я не могу.

– Почему.

– Потому.

– Ты должна. Ты сможешь найти то, чего не найдет никакая полиция.

– Отстаньте от меня все.

– Возьми себя в руки.

– Не хочу.

Анжела шагнула вперед и дала ей пощечину.

– Ну да, – совершенно равнодушно сказала Лилен. Помолчала и добавила, – Пусть Нитокрис ищет. Я переведу.

...она шагала в полосе прибоя. Волны, набегая одна за другой, сглаживали ее следы. Старейшая самка терранского питомника, Великая Мать, высидевшая и вскормившая сотни единиц вооружения, отзывалась на мольбу приемной дочери. Без торопливости, ибо у нее были другие срочные дела; но теперь Мать покончила с ними и шла на жалобный зов, к жилищам маленьких, мягкокожих думающих существ.

Прибрежные воды, пресные озера и скалы, трава и деревья джунглей принадлежали ей. Она ощущала их так же, как траву и ветки своего гнезда. Ничто не могло от нее скрыться. По ее власти, в соответствии с ее желаниями плодилась дичь, сменялась листва. В кругу своих мужей и детей она не нуждалась в имени, быв единственно Старшей, Старейшиной, Матерью, но для мягкокожих, поступивших под ее опеку, этого не доставало. Крохотные существа дали ей имя Ни-

токрис. Замысловатое сочетание звуков, которое произносили тоненькие голоса, нравилось. Мать принимала.

Уловив тревогу их мыслей, Старшая удивилась. Ее покровительство всегда было самой надежной защитой. Зря ли наставляла мужчин своего прайда? Напрасно ли гордилась ими? Погрузившаяся в глубокий сон Мать должна быть уверена, что никакая опасность ей не грозит. Иначе гибель. Таков закон жизни.

Приближаясь, Старшая все яснее понимала, что произошло, и недоумение ее возрастало. Склоняясь над крышей маленького белого гнезда, она уже осознавала все, что могла осознать; мысли, подобно дотошным детям, едокам молока, обшарили обстоятельства, вытащили на свет догадки.

Нечто неизвестное посетило ее владения; и Мать была гневна.

Нитокрис стояла над домом, точно дикое дерево – обугленное, накренившееся, в поблескивающей черной смоле. Длиннейший хвост огибал коттедж, тяжело лежал на цветущих травах, пересекал дорожку; он сам по себе казался отдельным драконом. Жуткие заостренные шипы топорщились, поднимались и опускались, точно дышали.

Двадцать девять метров от носа до хвоста огромной самки псевдоящера. Старая, гордая и могучая, она даже с Яниной не разговаривала никогда, только с Дитрихом и Игорем. И с Лилен.

Лилен когда-то сгруппа надеялась, что чокнутый Макферсон испугается хотя бы Великой Матери.

Ошибалась.

Макферсон пришел в бурный восторг.

– Уй-ю! – присвистнул он, не вспомнив о неуместности восхищения здесь и теперь. Дитя.

– Снимать будешь? – исчезающе тихо спросила Лилен, глядя ему в затылок.

– А... – начал Майк; обернулся, обиженный и испуганный, – я... Лилен, ты что? Я что, похож на человека, который... – И поник, вспомнив, что чрезвычайно похож.

«Нитокрис», – подумала Лилен.

Та повернула громадную голову.

Броневые заслонки внешних век скрылись в карманах надбровных гребней, внутренние веки поднялись, и драконьи глаза нашли человека. Мягко, неспешно подступила плотная волна мыслей, поднялась, топя Лилен в себе, укутала, согрела, даря знакомое чувство абсолютной защищенности, спрятанности внутри этой смертоносной громады. Лилен подалась навстречу, позволяя сознанию Старшей слиться с ее разумом.

«Ты славная женщина, – без вступлений сказала нуктиха. – Очень злая. Отомсти».

Не было нужды спрашивать, за что.

«Кому?!»

Женщины нукт умели думать человеческими словами, ес-

ли хотели. Но друг с другом драконы все же общались иначе. Раз за разом придавать пестрой и яркой психоэнергетической волне четкую форму было нелегко. Нитокрис не хватило слов, и она не стала утруждать себя.

...образы. Ощущения. Перемены в структуре мира. Мультисенситивность; гамма, в которой семь красок, семь нот для человека и семь миллионов для нукты...

Нечто неизвестное. Странное. Небывалое.

«Что это?» – спросила Лилен.

Ответ оказался простым и коротким.

Ничто.

Майк, оказывается, уже минуты две осторожно тряс ее за плечо, не понимая, что Лилен занята разговором. Думал, опять впала в прострацию. Она раздраженно дернулась, сбросив его руку, и зашагала в дом.

Малыш сидел над подругой, опустив голову. Плечевые лезвия выдавались над холкой. Он не притрагивался к своему экстрим-оператору, только качал тяжелой башкой, изредка тихонько, горько посвистывая. Лилен закрыла глаза, стиснула зубы. В приотворенное окно скользили звуки пробуждающегося леса, сумерки таяли, море дарило ветру влагу и соль...

«Малыш, – позвала дракона его дочь: для нукты не было разницы, он ли оплодотворил яйцо во чреве своей возлюбленной, или другой самец прайда. – Малыш, послушай ме-

ня... расскажи мне...»

– Лилен, – сказал ей в спину нудный бесчувственный Макферсон. – Извини, я идиот в некоторых вещах, ты знаешь...

Она с силой выдохнула через ноздри, почти зарычав.

– Не болтай, – посоветовала сквозь зубы.

– Мы не нукты, – отрешенно проговорил Майк. – У людей мало чувств, но зато мы умеем мыслить логически...

Пауза.

– Ну помысли, – с тихой ненавистью процедила Лилен. – Я послушаю.

Макферсон вздохнул.

– Так не бывает, чтобы два здоровых нестарых человека вдруг одновременно внезапно умерли, – начал он.

– Какая умная мысль.

– Ты тоже думаешь, что их... убили? – шепнул Майк.

– Нитокрис сказала – отомсти.

– Нитокрис? – быстро соображающий Майк все никак не мог сложить два и два. – Ты... Лилен, она сказала? Сказала ТЕБЕ? Ты... м-можешь...

– Я говорю с нуктами, – без выражения сообщила Лилен. – Я тут выросла. Что дальше?

– А она еще что-нибудь сказала?

– Ничего.

– А ты можешь спросить?

– Я спросила. Она ответила – ничего. Тут ничего не было.

И Малыш.

– Что – Малыш?

– Он ничего не почувствовал... – Лилен наклонилась, вытянула руку над гладким сводом малышова черепа, погладила, не притрагиваясь. Малыш застонал страдальчески, с почти человеческими интонациями; даже Майк сглотнул.

– Он долго не проживет, – продолжала девушка. – Обычно бывает, умирают просто от тоски. Долго грустят, не едят ничего, ходят, лежат... а он мучается. Не защитил. Виноват...

Выпрямилась и вдруг остервенело дернула себя за волосы.

– Нукты. Нукты! Целая куча гребаных драконов. Оружие! Их на войне используют! Мама с Малышом воевала! С ррит! И он ничего, ничего, ничего не слышал! – последнее она вопила уже в истерике, не слыша майковых уговоров.

– Лилен! – наконец, потеряв терпение, выкрикнул тот, – да заткнись ты! Я же... я же предложил подумать логически...

– Ну, – мгновенно утихнув, сказала она.

Полиция должна была прибыть с минуты на минуту. Майк посмотрел на убитых... возможно, убитых. На Малыша. На Лилен. И сказал:

– Пойдем отсюда.

Великая Мать все еще стояла над домом, замерев – словно в карауле над телом мастера.

– Наверное, нужно попросить ее уйти, – сказал Майк шепотом, точно это могло уберечь слух Нитокрис от непочти-

тельных слов. – Полицейские летят.

– Сама уйдет. Когда почувет, что они близко.

Показалась Анжела. Шла, чуть запыхавшись.

– Я позвонила Игорю, – сказала она.

– По галактической? – глупо спросила Лилен.

Анжела приглушенно вздохнула.

– Да, по галактической... он вернется так скоро, как сможет. Но в любом случае не раньше чем через две недели.

– Я хочу отсюда уехать, – Лилен покосилась на Майка, ища поддержки; тот смотрел тревожно и сочувственно, и Лилен впервые ощутила к нему что-то теплое. – Меня допросить должны, да? Пусть допросят, а потом я уеду. Хоть в Город. Не могу я тут. Майк, ты со мной?

– К-конечно, – изумленно подтвердил тот.

Анжела странновато, нехорошо улыбнулась.

– Ты не можешь отсюда уехать.

– Почему? – Лилен глянула на нее исподлобья.

– Здесь больше нет мастеров.

– И при чем тут я?

– Лилен... а сама не догадываешься? – ксенолог склонила голову к плечу, в прежней гримасе кривя полногубый широкий рот.

– Нет.

Анжела шагнула ближе к Лилен, сидевшей на скамейке у дверей коттеджа, опустилась на корточки, заглядывая в лицо.

– Послушай меня внимательно. Лилен. Ну-ка просыпайся! Я понимаю, что тебе тяжело, мне самой тяжело, но нельзя просто сидеть. Нам – нельзя!

– Почему?.. – равнодушно уронила та.

– Ты меня слушаешь?

– Слушаю.

Анжела помедлила.

– Считается, что только мастер способен говорить с самками нукт. Это не так.

– А как?

– Людей, с которыми согласны говорить матери прайдов, называют мастерами.

Нитокрис шевельнулась. Мягко, плавно, совершенно беззвучно заскользил в сторону огромный хвост, поднялась величественная голова. Ящеричьи лапы переступили, шагнули, шагнули снова, и вот Старшая уже скрывалась за деревьями, клонясь к высокой траве. Хвост, равный по длине телу нуктихи, вился за нею, словно живой. Мать уходила, потому что не желала видеть чужих.

– С тобой, – закончила Анжела, – согласны.

«Я мастер», – думала Лилен, пока Анжела с заведующим отчетностью, Крисом, встречали парней из поселкового участка и выясняли, что теперь будет. Пассажиры полицейской «крысы» были давние знакомцы, младший из них вообще сидел через парту от Лилен в начальной школе. Большой,

двухмиллионный Город Терры-без-номера шумел за океаном, на берегу северного материка. Питомник биологического оружия и Академия располагались рядом с рыбацким поселком. Здесь все знали друг друга.

«Я мастер. Питомник не может оставаться без мастера. Я должна быть здесь по крайней мере до того, как прилетит дядя Игорь».

Она хотела попросить Анжелу или Крису, чтобы приютили ее. Спать в своей комнате, в доме, где умерли родители, Лилен было страшно.

Майк стоял в стороне и усиленно размышлял.

Представители власти стояли на ушах. Главный мастер – самый уважаемый человек на планете, и не только на этой; случай небывалый, непредставимый, да еще мастера Мариенко, супруга второго мастера, подозревала умышленное убийство... Браконьеры да мелкое ворье – вот все, с чем местные полицейские имели дело; саботаж, учиненный одним рыболовецким предприятием другому, выходил преступлением века. Бедняги растерялись и не знали, за что приниматься. Лес, обступавший коттеджи персонала, кишел живым оружием: это тоже мало способствовало деловому настрою.

Лилен собиралась зажмуриться, чтобы не видеть, но не успела.

Увидела.

Мир заволочла мокрая пелена, невыносимая судорога ис-

кривила лицо, дыхание перехватило; девушка скорчилась, впиваясь ногтями в предплечья.

Из дома вынесли и положили в «крысу» два длинных черных мешка.

«Я мастер».

От мысли стало не легче – тяжелее, но навалившаяся тяжесть выдавила, убила слезы. В голове поселились пустота и холод, и Лилен, наконец, смогла нормально думать.

...в сердце – осталось. Лилен понимала, что на всю жизнь, и приготовилась жить – с этим.

– Причину смерти установили, – сказал Майк. – Одинаковая. Кровоизлияние в мозг. Его причины – неясны. Следов яда не обнаружено. На телах нет видимых повреждений. Следов чужого присутствия, тем более, борьбы, не обнаружено.

Лилен сидела съежившись, как будто мерзла. Макферсон расхаживал перед нею взад-вперед, встряхивая длинными волосами. Вид у него был вдохновенный.

– Я позвонил кое-кому, – продолжал он. – Есть версия. Можно спровоцировать внутренние повреждения при полном отсутствии внешних, если перехватить контроль над биопластиковым костюмом.

– У папы не было костюма. Круче папы не было телепата. Кто в его присутствии умудрился бы что-то сделать так, чтобы он не заметил?

Макферсон сник.

– Майк, – сказала Лилен. – Тут нуктовый питомник. В лесу. Сюда нельзя незаметно приехать. Тут нельзя незаметно ходить. Драконы, они чувят лучше даже сенсорных камер. Кто? Как?

Режиссер поморгал, уцепившись большими пальцами за брючный ремень. Некрасивое выразительное лицо стало строгим.

– Лилен, – проговорил он, – если нельзя понять, как, может, подумать, кому это было нужно?

Лилен смерила его пасмурным взглядом.

– Перед второй войной, – она пожала плечами, – погиб земной питомник и вся тогдашняя Академия Джеймсона. Мама рассказывала. Академия раньше на Земле была, в Аризоне... Ррит на наших кораблях расстреляли караван. Его нарочно им подставили. Устроили, чтобы лишить Объединенный Совет оружия и обвинить в недееспособности. Идиоты.

– Да, – согласился Майк, – идиоты убивают нукт. Умные убивают мастеров... – он вдруг бросился к Лилен и сжал в объятиях, точно пытаясь от чего-то закрыть собой. – Лили! – выговорил ошеломленно, – ты тоже мастер!

Лилен вздрогнула и от неожиданности даже не попыталась его отпихнуть.

– Местра Анжела рассказала об этом полицейским? – шепотом спросил Майк.

– Не знаю, – тоже шепотом ответила Лилен. – Могла. Чтоб успокоить. Они очень перепугались, что мастера больше нет.

– Надо спросить. Вдруг... вдруг узнают?! Ведь и тебя убьют!

– Спокойней, – прошипела она. – Пусти...

Майк чуть отстранился, глядя на нее так, точно Лилен могла сей же миг раствориться в воздухе.

Дознание провели, хотя и сам следователь понимал, что смысла в нем нет. Формально под подозрение мог попасть кто-то из обслуживающего персонала – но только не в питомнике биологического оружия! Здесь не то что преступление, один умысел не остался бы незамеченным. Оперуполномоченный заполнил документы и честно сказал, что как бы странны ни казались обстоятельства, видимо, придется закрыть дело за отсутствием состава. Одновременный инсульт у двух здоровых людей. Совпадение. Очень печально.

Макферсона это ничуть не удручило. Должно быть, потому, что соответствовало правилам киношного детектива. Он решал задачку. Играл. И невозможность заглянуть в конец книги только увеличивала интерес.

Лилен хотелось выть.

– Если нукты начнут представлять опасность для людей, их уничтожат? – вслух думал режиссер. – А кому... кому сейчас может быть нужно уничтожение питомника?

– Не знаю...

– Это не может лежать на поверхности, – согласился

Майк.

– ...кому угодно, – угрюмо сказала Лилен. – Папа мне только пару дней назад рассказал. Дядя Игорь, второй мастер, улетел на Седьмую Терру. Может, скоро будет второй питомник. Там. На Урале.

Древняя Земля. Homeworld, колыбель цивилизации, драгоценное Сердце Ареала.

Седьмая Терра. Могущественнейшая колония.

Противостояние.

...мамино плечо дергает в сырую погоду, и даже биопластик не может помочь. Тетя Анжела говорит, психосоматика.

Во Вторую космическую мама участвовала в абордажных боях.

У Вольфов хранилась старая запись, та самая, которую много лет назад смотрела Янина в медотсеке «Виджайи». Первая редакция документального фильма о битве у беспланетной звезды GHP-70/4, решающем сражении Второй космической. Адмирал Захаров, адмирал Митчелл; Начальник Дикого Порта местер Терадзава – облаченный в белое, с седыми волосами, падающими на плечи. Акульки тела больших кораблей в полях визуализаторов. Первый суперкрейсер «Юрий Гагарин». Названия рритских судов, похожие на слова из языка тигров: «Р'хэнкхра-мйардре», «Ймерх Кадаар», «Кхимрай Ш'райра».

Слава. Величие. Красота.

...После Второй войны наступила эпоха разочарований.
Для всех.

На ту пору пришлись открытия в ксенологии, и вслед за ней – в физике: разобравшись в механизмах мышления анкайи, самой загадочной расы Галактики, ученые смогли разобраться в принципах действия анкайской вычислительной техники. Шестимерный мир стал десятимерным. Казалось, со дня на день начнется второй прорыв в науке, явятся новые Джеймсон и Азаров, телепортация, к которой шли еще с двадцатого века, начнет использоваться в промышленных масштабах, будут перестроены системы всех производств, наступит немыслимое и невиданное...

Прорыва не случилось.

Оптимизм оказался преждевременным. Предварительные данные, гигантские погрешности, инструментальные ошибки, недостоверные результаты... псевдосенсация. Нового способа перемещаться в пространстве люди не получили.

Впрочем, нового оружия не получили тоже.

Две силы обеспечили победу в войне: флот Седьмой Терры, она же Урал, и неожиданное вступление в битву сил Дикого Порта. В награду за помощь корсары хотели амнистии жителям Порта, принадлежащим к человеческой расе, и прекращения карательных рейдов. Семитерране требовали протектората над Россией, Сибирской республикой и Дальневосточной федерацией; они хотели слишком многого и сами это понимали, но надеялись, что по крайней мере часть тре-

бований удовлетворяют.

Урал не получил ничего.

Древняя Земля не желала еще большего усиления самой опасной из колоний.

Вечернее море начинало штормить. Волны разгладили ближний песок, вынесли на кромку темную полосу водорослей. Родители уводили с пляжа детей, но публики не стало меньше: подтягивались не обремененные потомством взрослые, намеревавшиеся гулять до середины ночи. Самые стойкие – и до утра. Менялась летящая из динамиков музыка: чаще пульс, сочнее ударные, чувственней – голоса. Будет жаркая ночь.

Никнущее солнце проливало по серебристой лазури волн золотую и алую дорогу заката.

Легкий, яркий, как крыло бабочки, навес трепыхался под ветром. Высокая узорная ограда городского пляжа отбрасывала длинную тень, которая медленно ползла к ногам занятых ужином посетителей кафе.

Высокий мужчина, широкогрудый и крепкорукий, с обреченным видом вылил себе в бокал остававшееся в бутылке вино.

– Ты уедешь, я один пить не буду, – сказал он, – вообще, а то сопыюсь к чертям. А с тобой как-то по-человечески.

– А Дима не пьет?

– Как верблюд. Но когда он напьется, за ним следить на-

до...

Женщина подняла свой бокал, все еще полный на четверть.

– За то, чтобы все обошлось.

Ее вознаградил благодарный взгляд.

– За это.

Она убрала за ухо золотистую прядь, встрепанную капризным ветром. Собеседник хмурил густые брови; его темные волосы уже пробивала седина. Несмотря на различия внешности, пару скорее можно было принять за сестру и брата, чем за супругов или любовников: что-то сходное было в манере двигаться, держать себя, в мимике.

– Север, а у тебя родители где живут? – спросила женщина, явно пытаясь отвлечь сотрапезника от мрачных мыслей. – В Степном?

– Почти, – вздохнул Шеверинский. – Раньше в Старом городе жили, а теперь в Белокрышах. Это не сам Степной, это пригород.

– Тот, где дома под гжель расписаны?

– Нет. Гжельский район – это Заречье, а мы дальше. Южнее. У нас графикой оформлено.

– Графикой? – с сомнением проговорила она. – И как?

– Отлично! – отмел возражения Север. – Ты чего, Тась, Белокрыши сам Хасанов оформлял, который старый комплекс Райского Сада выстроил! Помнишь, там какие мозаики? А парк?

– Парк – да, – мечтательно согласилась Таисия. – Ты поедешь в этом году на выпускной? Я хочу все-таки выбраться. Соскучилась по нашим.

– Я не могу Димку бросить, – понурился Шеверинский. – Если он оклемается, то поедем...

Таисия покусала губу.

– А мои в Излуках живут, – продолжила она, неуверенно улыбнувшись. – У моря.

Шеверинский уставился на другое море, так непохожее на суровые пейзажи Седьмой Терры, роскошное и нестрогое. За буйками с дикими воплями катались на скутерах.

– А вчера ему мать звонила, – сказал, постукивая по столу доньшком фужера. – Он до этого в депрессии был, а после в буйство впал. Циклотимик, сволочь. А через две недели будет циклофреник.

– Север, – мрачновато сказала Таис, – хочешь совет? Подай рапорт о расформировании. Он тебя в могилу сведет.

– Он нормальный был! – взвился Шеверинский. – Знаешь, какой он нормальный был раньше, когда Ленка была!

– Значит, вам просто амортизатор нужен. Третий.

– А где его взять? У меня показатель – четырнадцать, у Птица – вообще пятнадцать, где мы третьего-то возьмем? Сильных амортизаторов еще меньше, чем корректоров. Это нас хоть ложкой ешь...

Таисия опустила глаза. Север поглядел на пустую бутылку и вспомнил, как Димочка разговаривал с матерью. Сразу на

ум пришло, что тетю Шуру кто-то уговорил позвонить сыну и навел ей храбрости для такого дела. Алентипална, скорее всего, или Ия Викторовна, координатор.

Сама тетя Шура никогда бы не осмелилась потревожить Его Высочество.

– Димочка, – торопилась она, подняв тонкие брови, – не переживай, жизнь ведь не кончилась, найдешь другую девочку...

– Я не Димочка, – свистящим шепотом сказал тот.

– А...

– Я Синий Птиц.

Шеверинский смотрел, стоя в дверях, и думал, что вот злосчастная женщина, у которой негаданно родился мальчик-звезда. Она даже принарядилась для такого события – звонка по галактической связи собственному сыну.

– Что ты от меня хочешь? – процедил Птиц, исподлобья глядя на дрожащие накрашенные губы.

– Я ничего, просто... что ты здоров, миленький, я ведь беспокоюсь... приехал бы в гости, в отпуск, я бы сырничков испекла, ты ведь их так любил когда-то... У Марты Валерьевны дочка выросла, красавица...

– Тебе мэстра Надеждина велела позвонить?

– Н-нет... я с-сама...

– Врешь, – тяжело сказал Птиц. – Не ври мне.

Кнопка, Лена Цыпко, девочка, которой не могло быть замены, настояла когда-то, чтобы Птиц познакомил их с ма-

терью. Тот долго отнекивался, но Кнопке отказать не смог. Тетя Шура, робкая, добрая и хлебосольная, только что не молилась на них; чуть в обморок не упала, когда Лена после обеда начала сама убирать со стола. Рукастый Шеверинский починил диван и две розетки, размышляя, что такие, как Птиц – все нервные, болезненные, истеричные. И как, должно быть, тетя Шура намучилась с обожаемым сыном, бегая по поликлиникам, изостудиям, спортивным секциям: все для него, лишь бы ни в чем не узнал отказа...

Жил-был белобрысый шпингалет Дима Васильев, которому по жизни везло. Так везло, что однажды школьный психолог отложил в сторону его характеристику, и после шестого класса Васильев отправился в лучший лагерь отдыха, который только можно вообразить.

В Райский Сад.

Он провел там лето, прошел тестирование – и, переведенный в спецшколу, не заехал навестить мать. Оказавшись достаточно ребенком, чтобы купиться на верховую езду, лан-теннис, аквапарк и пейнтбол; достаточно подростком, чтобы поступить так жестоко.

А она простила. Димочка и раньше-то был для нее божеством, а когда оказалось, что плод ее чрева – сверхполноценник...

– Ты как себя ведешь?! – гневно спросил Шеверинский после того, как Синий Птиц оборвал связь с домом.

– Она как валенок простая, – отмахнулся Димочка, – толь-

ко и знает за кассой сидеть...

– Она мать твоя, сволочь, – безнадежно сказал Север.

– У тебя мать в университете преподает. Ты не поймешь.

– Чего я не пойму? Что ты подонок?

– Алентипална, – Птиц поднял брови, в точности как мать. – Ратна. Интан Юргина. Это дамы. А это кто? Это баба.

– Ур-род... – с чувством сказал Север, и они опять перестали разговаривать друг с другом.

– Идет, – пробормотал Шеверинский.

– Что?

– Сюда чешет. Чую. Он по набережной гуляет с полудня.

Фейерверки устраивает.

– Фейерверки? Как на Диком Порту?

– Ну да... а ты откуда знаешь? – встревожился Север. –

Тебе Настька звонила?

Таисия кивнула почти виновато.

– А что я сделаю... – под нос пробормотал Шеверинский, будто она его в чем-то упрекала.

...шел, насмешливо поглядывая по сторонам, уверенный и красивый. Чуть шаркая длинными ногами в тяжелых ботинках, белых – как и облегающие кожаные брюки, как и легкая рубашка, запахнутая, открывающая четкий рельеф пресса и гладкую грудь. Широкий пояс, униженный хромовыми скобами, сверкал. Сверкали в улыбке белые острые зубы. Солнце золотило осветленные волосы, вечер затенял темную

синь глаз.

Женские головки оборачивались вслед.

Синий Птиц наслаждался собой и вниманием, подмигивал, щупал мимоходом; жертвы, как околдованные, только улыбались послушно, их кавалеры впадали в столбняк. Наконец, одна из встречных удостоилась особого внимания; не столько сама девушка, сколько ее спутник – плечистый татуированный громила.

Они были так близко, что ветер доносил слова. Шеверинский совсем поник.

Таисия подумала, что циник Димочка боится близостью могучего и безотказного Севера. Фейерверки фейерверками, пятнадцатый уровень – не шутка, но проколы бывают у всех.

– Любезный мастер, – куртуазно обратился Птиц, – можно позаимствовать вашу даму?

Громила не сразу понял, о чем он. Тогда Васильев просто приобнял его спутницу за талию, и, сверкнув улыбкой, повел в обратную сторону.

Его остановили, ухватив за плечо.

– Тебе чего надо, пидор?!

– Жаль тебя огорчать, – пропел Птиц, – но девочка мне нравится больше.

Пышная шатенка, на полголовы выше Димочки, хлопала ресницами. Ума у девицы было немного, зато чутье – лучше собачьего; для оценки противоположного пола имелся один

параметр – «крутость», и по этой части белый кобелек давал громиле сто очков форы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.